

XO  
0-12

И. С. САМОЩЕНКО, М. Х. ФАРУКШИН

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ  
ПО СОВЕТСКОМУ  
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ**

**Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.**

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ  
ПО СОВЕТСКОМУ  
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ**

**Юридическая литература**

**Москва – 1971**

Самощенко И. С., Фарукшин М. Х.

34С      Ответственность по советскому законодатель-  
С17      ству, М., «Юридическая литература», 1971.

240 с.

Юридическая ответственность занимает важное место в ряду тех средств, с помощью которых обеспечивается решение задач КПСС по укреплению законности в советском обществе. В настоящей работе рассматриваются наиболее существенные общетеоретические вопросы учения об ответственности по советскому законодательству: понятие, основание, цели, принципы, перспективы развития этого общественного явления в период строительства коммунизма.

1-10-2

5-70

## Предисловие

Необходимым условием решения задач коммунистического строительства является социалистическая законность, единообразное и неуклонное исполнение советских законов и соответствующих им других правовых актов прежде всего органами и должностными лицами государства, а также гражданами и общественными организациями<sup>1</sup>.

Повышение социальной эффективности правовых норм, регулирующих хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную деятельность Советского государства, способствующих развитию социалистической демократии, охраняющих общественный и государственный строй, социалистическую собственность, политическое, личные, имущественные и иные права и свободы граждан, немислимо без обеспечения законности.

«Социалистическая законность, правопорядок — основа нормальной жизни общества, его граждан»<sup>2</sup>. Как отмечается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, «любые попытки отступления от закона или обхода его, чем бы

---

<sup>1</sup> Подробнее по этому вопросу см. Д. А. Керимов, Свобода, право и законность в социалистическом обществе, Госюриздат, 1960; В. М. Чхиквадзе, Вопросы социалистического права и законности в трудах В. И. Ленина, Госюриздат, 1960; его же, Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность, «Юридическая литература», 1967; Н. Г. Александров, Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, Госюриздат, 1961; М. С. Строгович, Основные вопросы советской социалистической законности, «Наука», 1966; «Общая теория советского права», «Юридическая литература», 1966; Л. С. Явич, Государство и социалистический правопорядок, Л., 1967 и др.

<sup>2</sup> «Речь Л. И. Брежнева на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа г. Москвы 12 июня 1970 г.», «Правда» 13 июня 1970 г.

они ни мотивировались, терпимы быть не могут»<sup>1</sup>. Вот почему советское общество и государство постоянно уделяют огромное внимание соблюдению законности. Всемерное укрепление законности и основанного на ней правопорядка составляет программную задачу нашей партии.

• Законность внутренне присуща социалистическому государственному и общественному строю. Подавляющее большинство участников общественных отношений исполняют требования советского права сознательно и добровольно. Причина этого явления кроется прежде всего в том, что коренным принципам и устоям социализма глубоко чужда какая бы то ни было недисциплинированность, что закрепляющее эти устои право соответствует жизненным интересам советских людей. Советский закон выражает их собственную волю и интересы; естественно поэтому, что подавляющее большинство граждан и организаций правильно пользуются своими правами и неуклонно выполняют свои обязанности.

Другой основной причиной того, что советские законы исполняются большинством граждан и должностных лиц добровольно, является их высокая сознательность, ясное понимание своего общественного долга, высокий уровень социалистического правосознания.

В силу отмеченных причин основная закономерность развития советской законности состоит в ее неуклонном укреплении по мере продвижения нашего общества к коммунизму. Однако эта закономерность не действует автоматически и беспрепятственно. Существует немало субъективно-психологических и объективных факторов внутреннего и внешнего порядка, которые порождают нарушения законности, противодействуют рассматриваемой закономерности.

Юридическая ответственность относится к числу необходимых и важных специальных средств, предназначенных для обеспечения социалистической законности. С помощью именно этого средства (наряду с такими, как непосредственное общественное воздействие на правонарушителей и т. п.) ведется борьба с нарушителями закон-

---

<sup>1</sup> Л. И. Брежнев, Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, Политиздат, 1971, стр. 99.

ности, осуществляется охрана социалистического правопорядка от каких бы то ни было посягательств.

Однако роль правовой ответственности в советском обществе не ограничивается охраной правопорядка. Другой ее важнейшей функцией является воспитание трудящихся в духе коммунистической сознательности. Эта функция выполняется в отношении как лиц, совершающих правонарушения, так и иных членов социалистического общества.

Следовательно, юридическая ответственность представляет собой один из инструментов для решения задач социалистического и коммунистического строительства. Тем самым определяется необходимость и важность всесторонней теоретической разработки вопроса об ответственности по советскому праву. Некоторые стороны этой обширной и сложной проблемы довольно глубоко разработаны в нашей науке, исследование других явно недостаточно. Особенно слабо изучена данная проблема наукой общей теории государства и права, что неоднократно и справедливо отмечалось в нашей литературе.

Многогранность проблемы правовой ответственности не позволяет в рамках одной книги осветить весь круг охватываемых ею вопросов. В настоящей работе рассматриваются наиболее важные теоретические вопросы ответственности по советскому законодательству: понятие, основание ответственности, цели и принципы ее применения, виды ответственности и главные тенденции развития этого института в период коммунистического строительства.

## ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ — ВИД СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

1. Для того чтобы лучше понять, что такое юридическая ответственность, раскрыть ее содержание в обществе, строящем коммунизм, необходимо хотя бы кратко рассмотреть понятие и предпосылки социальной ответственности вообще, а также черты и признаки основных видов неюридической ответственности.

Исследование правовой ответственности в системе других видов социальной ответственности позволяет, с одной стороны, выявить то общее, что объединяет правовую ответственность с иными разновидностями ответственности, а с другой — определить ее особенности как специфического вида социальной ответственности.

Категория ответственности рассматривается в нашей философской литературе в двух аспектах: активном и ретроспективном<sup>1</sup>. В первом аспекте ответственность есть осознание личностью собственного долга перед обществом, классом, отдельным коллективом, другими людьми, понимание в свете этого долга смысла и значения своих поступков, сообразование деятельности личности с лежащими на ней обязанностями, которые вытекают из общественных связей человека.

Ответственность в ретроспективном смысле есть ответственность за прошлое поведение, но не за всякое, а лишь

---

<sup>1</sup> См. А. П. Черменина, Проблема ответственности в современной буржуазной этике, «Вопросы философии» 1965 г. № 2, стр. 76—77, 86—87; И. А. Галаган, Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование), Воронеж, 1970, стр. 11—12.

за поступки, противоречащие определенным социальным нормам. Нельзя признать правильным мнение тех авторов, которые отрицают существование данного аспекта социальной ответственности<sup>1</sup>. Это мнение не соответствует ни этимологическому содержанию понятия ответственности, ни природе и роли института ответственности. Согласиться с ним — значит полностью снять проблему ответственности за нарушения социальных норм (правовых, нравственных, норм общественных организаций и др.), вопрос об ответственности как необходимом инструменте установления и поддержания дисциплины в обществе.

Ответственность в ретроспективном плане имеет большое значение для регулирования поведения людей. Ее своеобразие состоит в том, что она включается в механизм регулирования общественных отношений в связи с фактами нарушения установленных правил поведения либо, если иметь в виду ее предупредительную роль, с возможностью такого нарушения.

В социалистическом обществе оба вида ответственности тесно связаны между собой. Чем выше уровень ответственности в активном смысле, тем лучше соблюдаются нормы общественного поведения, тем реже имеет место ответственность в ретроспективном смысле. В то же время одна из целей последней, если она наступает за виновные нарушения социальных норм, состоит в перевоспитании нарушителей и воспитании всех членов общества в коммунистическом духе, а значит, в духе высокой ответственности за судьбу общества, за свое личное участие в творческом решении задач коммунистического строительства, за социальный прогресс и мир.

К сожалению, ответственность в ретроспективном смысле еще недостаточно исследована в общепhilософском плане. Объясняется это, по-видимому, тем, что философы рассматривают данную проблему преимущественно

<sup>1</sup> Так, подвергая сомнению положение о двух аспектах ответственности, Г. Т. Фаин пишет: «По нашему мнению, подобное деление несостоятельно, так как моральная ответственность в негативном аспекте может рассматриваться только как ее противоположность, т. е. как безответственность» («Возрастание моральной ответственности строителей коммунизма», автореферат канд. дисс., Киев, 1966, стр. 6—7). Хотя в данном случае автор говорит лишь о моральной ответственности, ясно, что вопрос о двух сторонах ответственности имеет более широкое значение.



но как юридическую. Действительно, для юридической науки и практики ответственность в этом аспекте представляет особый интерес, поскольку правовая ответственность наступает в результате противоправного поведения. Поэтому юридическая наука придает данной проблеме серьезное значение, исследуя вопросы, связанные и с общей теорией, и с отдельными видами юридической ответственности в социалистическом обществе. Но ведь в целом ретроспективная ответственность гораздо шире юридической. Ответственность политическая, моральная, внутри различных общественных организаций, если она выступает как определенная реакция на проступок, тоже относится к такого рода ответственности. Эти виды социальной ответственности юридическая наука почти не изучает. Естественно, что она не может заниматься и разработкой общей теории ретроспективной ответственности (понятие, содержание, предпосылки, основание, цели и т. д.), отражающей существенные стороны всех конкретных видов этого рода ответственности вообще, в социалистическом обществе в особенности.

Совершенно очевидно, что разработка общего учения об ответственности этого рода значительно продвинула бы вперед исследование отдельных видов социальной ответственности, в том числе и правовой.

2. Ответственность в ретроспективном смысле следует, как уже отмечалось, за нарушение социальных норм<sup>1</sup>. Конечным результатом возложения этой ответственности является наступление для субъекта неблагоприятных последствий: претерпевание им ограничений личного, морального или материального порядка.

Однако для характеристики ретроспективной ответственности как социальной категории одного указанного признака недостаточно. Нарушения научно-технических норм, правил эксплуатации машин, механизмов и тому подобное также влекут отрицательные последствия: недо-стижение желаемого результата, человеческие жертвы,

<sup>1</sup> В данном случае речь идет о формальном основании ответственности. Материальным ее основанием является причинение вреда тем общественным отношениям, которые урегулированы соответствующими нормами. Нарушения указанных норм означают посягательство на интересы общества, класса, государства, организации и тому подобного социального образования, устанавливающего или поддерживающего эти нормы.

материальный ущерб и т. д. И тем не менее эти последствия не означают ответственности субъекта.

Далее. Если человек совершил поступок, полезный или по крайней мере безразличный для народа, класса, организации, государства, но по каким-либо причинам неблагоприятный для него самого, — он тоже испытывает отрицательные последствия. Например, он может испытать разочарование, избрав профессию, чуждую его интересам и призванию, и т. д. Однако такое претерпевание неблагоприятных последствий своего поведения, определенных лишений можно назвать ответственностью лишь условно. Это — ответственность перед самим собой, ибо здесь лишения, которые претерпевает человек, есть лишение самим себя известных ценностей.

Ретроспективная ответственность является особым общественным отношением между лицом, совершившим проступок, и народом, классом, организацией, государством. В ее основе лежит нарушение лицом интересов определенного социального образования. Соответственно, те отрицательные последствия, которые испытывает нарушитель, не есть нечто, чего он сам себя лишает. Лишения причиняют ему общество, класс, организация, государство. Это неблагоприятная для лица и внешняя по отношению к нему, его жизни реакция данного социального образования на противоречащий интересам последнего поступок. В причиняемых нарушителю лишениях проявляется принудительный характер ответственности<sup>1</sup>.

Ответственность является общественным отношением не только с точки зрения содержания (охрана интересов общества, класса и т. д.), но и с точки зрения формы (тут есть сторона, которая причиняет лишения, и сторона, которая их претерпевает).

Конечно, в ряде случаев лицо может воспринимать не-

<sup>1</sup> С этой точки зрения представляется ошибочным утверждение Я. М. Брайтмана о том, что «обязанность понести ответственность за совершенное правонарушение имеет принудительный характер и этим юридическая ответственность отличается от всякой иной ответственности, например моральной» («Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве», «Юридическая литература», 1963, стр. 12). На наш взгляд, любой вид ответственности, наступающей за нарушение социальных норм, имеет принудительный характер, поскольку наступает именно за нарушение независимо от желания нарушителя и причиняет последнему определенные лишения.

благоприятную социальную реакцию как лишение чего-то самим себя. В условиях социализма, где между правильно понятыми интересами личности и общества нет антагонистических противоречий, такое восприятие отрицательной реакции общества — распространенное явление, особенно среди случайных нарушителей норм общественного поведения, в том числе случайных правонарушителей. В этом смысле постепенно начинают сбываться слова Маркса и Энгельса, что при подлинно человеческих отношениях наказание (принуждение) действительно будет не более как приговором, который провинившийся производит над самим собой, что в других людях он будет встречать естественных спасителей от того наказания, которое он сам наложил на себя<sup>1</sup>. В этом одна из причин повышения действенности ответственности в социалистическом обществе, возрастания по мере продвижения к коммунизму роли ответственности в борьбе с антисоциальными явлениями.

Но такое восприятие общественной реакции, сочетание ее с ответственностью перед самим собой не всегда имеет место. Его нет у людей со сложившейся антиобщественной внутренней установкой. Оно отсутствует и тогда, когда отрицательная реакция общества несправедлива либо потому, что лицо ничего предосудительного не совершило, либо потому, что характер и степень реакции не соответствуют серьезности проступка.

В буржуазном обществе расхождения между внешней реакцией и внутренним восприятием ее обуславливаются, в частности, тем, что здесь имеется много различных по своему классовому содержанию социальных норм. Вследствие этого поступок, вызывающий, например, отрицательную реакцию со стороны буржуазного государства, лицо может считать совершенно правильным, соответствующим справедливым нормам общественного поведения (членство в коммунистической или рабочей партии, участие в стачке, борьбе за мир и т. д.). Естественно, что в таком случае лицо воспринимает возлагаемую на него ответственность не как лишение чего-то самим себя, а именно как внешнее насилие и вместе с тем как предмет гордости, как своеобразное признание его заслуг в борьбе за социальный прогресс.

<sup>1</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 197.

Следовательно, человек может по-разному относиться к ответственности перед определенным социальным образованием.

Однако с точки зрения характеристики существенных признаков ретроспективной ответственности как социального явления внутреннее отношение лица, несущего такую ответственность, учитываться не может.

Суть ретроспективной ответственности состоит в том, что она представляет собой внешнюю по отношению к лицу, несущему ответственность, общественную реакцию и неизбежное претерпевание им этой реакции<sup>1</sup>. Содержание общественной реакции включает в себя следующие моменты: от лица, совершившего проступок, требуется ответ по поводу содеянного; оно подвергается осуждению, порицанию, если проступок был совершен по его вине (умыслу или неосторожности); наконец, лицо испытывает разного рода невыгодные для него организационно-политические, личные или имущественные последствия, к нему применяются меры морального или государственного принуждения. Соответственно лицо дает ответ относительно проступка, теряет во мнении людей, если была его вина.

Следовательно, содержание ретроспективной ответственности показывает, что в конечном счете она представляет собой, с одной стороны, принуждение нарушителя определенным социальным образованием (обществом, классом, государством и т. д.) к соблюдению соответствующих интересов последних социальных норм и, с другой стороны, подчинение нарушителя этому принуждению, претерпевание его.

---

<sup>1</sup> Этот внешний, объективный по отношению к нарушителю характер ответственности не учитывают некоторые юристы, которые подчеркивают прежде всего психологический характер ответственности индивида (см. В. М. Горшенев, К вопросу о понятии юридической ответственности в советском праве, кн. «Вопросы теории советского права», Новосибирск, 1966, стр. 38) и сводят социальную ответственность к тому, как переживает ее личность, принимая за «отрицательный» аспект ответственности само осознание справедливости наказания и считая моральную и юридическую ответственность неотъемлемым свойством человеческой личности (см. В. В. Меньшиков, К вопросу о соотношении моральной и юридической ответственности в социалистическом обществе, кн. «Проблемы правоведения», Новосибирск, 1967, стр. 42, 47).

Ответственность как социальное явление зародилась вместе с появлением человеческого общества<sup>1</sup>. Становление общества означало возникновение взаимных прав и обязанностей его членов, прежде всего в сфере трудовой деятельности. В процессе общения складывались в виде обычаев определенные правила внутривидовых и внутриплеменных отношений, обладавшие большим авторитетом и поэтому соблюдавшиеся в большинстве случаев добровольно. Нарушения их рассматривались как посягательства на интересы рода, племени и подвергались немедленному осуждению. Уже тогда имела место ответственность индивида.

Более развернутую и определенную форму социальная ответственность приобретает в классовом обществе, где она в любом ее виде имеет классовый характер. Действующие здесь социальные нормы отличаются значительным многообразием, что обуславливает существование нескольких видов социальной ответственности (политической, юридической, моральной). Указанные нормы выражают волю определенного класса. Их нарушение наносит вред интересам этого класса. Естественно, что и ответственность служит интересам соответствующего класса, а не всего общества, подчинению воли отдельного участника общественных отношений или какой-то их группы воле этого класса.

Исключение составляет лишь такое классовое общество, где социализм победил полностью и окончательно. Однако и в данном случае ответственность имеет классовый характер по своему происхождению, сущности, целям. Она служит интересам общества, которое состоит из трудящихся классов, создающих коммунистический строй, является средством борьбы с антиобщественными поступками, а значит, и с пережитками прошлого в сознании людей, с остатками несоциалистической идеологии,

---

<sup>1</sup> А. П. Черменина признает, что своего рода предшественницей социальной ответственности «была коллективная ответственность, широко распространенная в первобытном обществе и выступавшая, в частности, в форме кровной мести», но утверждает, что ответственность индивида возникла только в классовом обществе (указ. статья, стр. 76). На наш взгляд, такое утверждение неточно. В период первобытнообщинного строя существовала и ответственность индивида, например изгнание из рода.

со взглядами и нравами враждебных социализму классов.

3. Существование социальной ответственности определяется рядом объективных и субъективных предпосылок.

К числу первых относятся общественная природа человека и урегулированность общественных отношений социальными нормами.

Человек по своей природе является общественным существом. Его сущность как совокупность всех общественных отношений<sup>1</sup> вытекает прежде всего из самих условий материального производства, без чего невозможна человеческая жизнь. Люди «не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью»<sup>2</sup>.

Лишь в обществе и в общении с себе подобными человек становится человеком и приобретает качество социального существа. Всякое проявление его жизни, подчеркивал К. Маркс, даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими проявления жизни, «является проявлением и утверждением общественной жизни»<sup>3</sup>.

Общежитие в широком значении этого слова есть также необходимое условие всестороннего развития личности, поскольку именно в общении и через общение люди дополняют друг друга<sup>4</sup>.

Как общественное существо человек выступает носителем и участником разнообразных социальных связей. Он находится в определенных отношениях с обществом в целом, классом, государством, участвует в деятельности одной или нескольких общественных организаций. Индивид является членом различных по своему характеру и непосредственному назначению коллективов — производственного, семейно-бытового, спортивного, научно-технического и т. п.

<sup>1</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 3.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 441.

<sup>3</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, Госполитиздат, 1956, стр. 590.

<sup>4</sup> См. по этому вопросу С. С. Батенин, Проблема человека в марксистской философии. «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена», т. 285, Л., 1966, стр. 13.

Каждая из отмеченных связей требует от человека отдачи, но в свою очередь обогащает его, стимулирует развитие и совершенствование личности. «Только в коллективе, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода»<sup>1</sup>.

Всякая совместная жизнь обуславливает наличие социальных норм, регулирующих обычные, повторяющиеся отношения между членами общества, коллектива. Сами по себе общественные отношения не имеют нормативного характера, не обладают нормативностью в качестве имманентного, присущего им свойства<sup>2</sup>. Но общественные отношения, несомненно, имеют признак урегулированности социальными нормами, создаваемыми обществом, классом, государством, общественной организацией специально для целей регламентации.

Существование коллектива, установление взаимных прав и обязанностей его членов — словом, нормальное общежитие, невозможны без упорядочивающего воздействия определенной системы общеобязательных норм (правил поведения). Энгельс указывал на немыслимость существования общества хотя бы из двух человек без того, чтобы каждый из них не поступился чем-нибудь из своей автономии, не подчинился единой воле и авторитету правил, которые в любом обществе весьма авторитарны<sup>3</sup>.

Деяние, противоречащее этим нормам (правилам), влечет ответственность нарушителя. Следовательно, сама ответственность возможна лишь при условии предварительного предъявления к поведению людей определенных требований, сформулированных устно или письменно в соответствующих нормах. Установление и поддержание данных норм предполагает наличие известной подчиненности участников общественных отношений выраженной в этих нормах воле.

Способностью создавать нормы, обязательные для

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 75.

<sup>2</sup> Поэтому выражение «общественное отношение... носит нормативный характер» (А. В. Дроздов, Человек и общественные отношения, изд-во ЛГУ, 1966, стр. 28) представляется неточным.

<sup>3</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 329, 309.

всех или многих, возможностями подчинять своей воле, властью принудить к соблюдению выработанных правил поведения обладают лишь коллектив, класс, общество и их организации. Отдельные лица пользуются такими полномочиями постольку, поскольку выступают от имени определенного социального образования, выражают его волю, опираются на его поддержку. Таким образом, в любой разновидности социальных норм отражается общегрупповая (коллективная) воля, а ответственность, наступающая вследствие их нарушения, представляет собой реакцию на поступок со стороны определенного социального образования.

4. Необходимой субъективной предпосылкой социальной ответственности является свобода воли человека.

Социальные нормы обращены к воле людей, и пределы возможной сферы действия данных норм ограничиваются теми общественными отношениями, которые зависят от этой воли. «Невозможно рассуждать о морали и праве, — писал Ф. Энгельс, — не касаясь вопроса о так называемой свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой»<sup>1</sup>.

Регулировать общественные отношения с помощью социальных норм, направлять поведение людей в том или ином плане, осуждать человека за поведение, отклоняющееся от требований этих норм, возможно лишь при условии свободы человеческой воли.

Если в определенных общественных отношениях человек более или менее свободно выбирает различные варианты поведения, значит, такие отношения можно регулировать с помощью норм права, морали. Вместе с тем нельзя регулировать с помощью права и иных социальных норм такие общественные отношения, участники которых лишены возможности выбора решения или способности руководить своими поступками.

Равным образом, если поведение человека в известных пределах зависит от его свободного решения, значит, он может нести ответственность за свои поступки. В то же время невозможна ответственность лиц, лишенных вообще или в данном конкретном случае в силу возраста

---

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 115.



либо душевного заболевания способности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. «Человек только в том случае несет полную ответственность за свои поступки, если он совершил их, обладая полной свободой воли»<sup>1</sup>.

Марксистско-ленинская наука исходит из признания относительной свободы человеческой воли. В истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели<sup>2</sup>. Однако идеальные побудительные причины всегда объективно обусловлены. Люди действуют сознательно и по своей воле, исходя из определенных мотивов и преследуя определенные цели, но их сознание и воля детерминированы многими естественными и в еще большей мере общественными факторами, среди которых в конечном счете ведущую роль играют общесоциальные и личные экономические условия их жизни и деятельности.

В числе факторов, оказывающих воздействие на человека, следует выделить микросреду, которая является непосредственным источником, откуда индивид черпает свои настроения, мысли, стремления, мотивы поступков.

Признавая объективную обусловленность и в этом смысле необходимость человеческих поступков, марксизм вместе с тем не отрицает всякую свободу человеческой воли, не сводит ее детерминированность к фатальной предопределенности волевых процессов. «Детерминизм не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действовани<sup>3</sup>», — подчеркивал В. И. Ленин.

Ленинская мысль о «разумном действовании» указывает на активную, творческую роль сознания, что объясняется рядом причин.

Во-первых, сознание, чувства людей с самого начала представляют собой общественный продукт<sup>4</sup>, т. е. результат не только отражения объективной действительности

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 82.

<sup>2</sup> См. там же, стр. 306.

<sup>3</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 440.

<sup>4</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 29.

в головах людей, но и активного обратного воздействия человека на природу и социальные условия своего существования в процессе сложнейшей общественно-производственной практики. Ленин подчеркивал, что отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий<sup>1</sup>. Помыслы и чувства человека вытекают необходимо из данной общественной среды, которая служит материалом, объектом его духовной жизни и которая отражается в его помыслах и чувствах, но отражается активно — с положительной или отрицательной стороны<sup>2</sup>, в смысле поддержки или борьбы<sup>3</sup>. Сознание активно участвует в преобразовании тех объективных условий, которые его детерминируют.

Во-вторых, сознание и воля людей обладают такой потенциальной силой, что могут противостоять отдельным объективно обусловленным явлениям в жизни общества. Происходит это тогда, когда объективные закономерности, определяющие ход и перспективы общественного развития, и обусловливаемое ими сознание сталкиваются с тоже объективно существующими и противоборствующими, олицетворяющими прошлые силы и обстоятельствами, которые отнюдь не выражают тенденции развития.

В-третьих, объективная реальность предопределяет поведение человека лишь в том смысле, что ставит ему в каждый данный период развития известные пределы (необходимость): В выборе же того или иного варианта поведения в очерченных пределах решающую роль играет сознание (свобода). Иначе говоря, объективные моменты не детерминируют действия человека полностью. Развитие причинности зависит и от сознания человека, хотя последнее, конечно, основывается не на произволе, а определяется самыми различными моментами, в конечном счете социальными<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 177.

<sup>2</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 423.

<sup>3</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 98.

<sup>4</sup> Б. С. Никифоров считает, что такие определители поведения людей, как свойства характера, особенности темперамента, способность реагировать на возникающую и меняющуюся ситуацию и другие, вряд ли можно считать по их происхождению и природе целиком и во всех случаях социальными. Отсюда он делает вывод: в условиях дальнейшего роста культурного уровня и сознательно-

В противном случае, если бы объективные условия в любой момент допускали возможность только одного варианта поведения и исключали бы всякое участие сознания в выборе поступков, очевидно, следовало бы попросту снять вопрос о нормативном регулировании обществен-

сти людей постепенно исчезнет все то, что уходит своими корнями в пережитки прошлого в сознании и поведении людей, уменьшится число «эксцессов темперамента», а также случаев неосторожного причинения вреда. Однако антиобщественные проявления последнего рода, которые автор не считает преступлениями в собственном смысле слова, окажутся менее податливыми к социальным воздействиям и сохранятся в течение длительного времени (см. «Некоторые вопросы уголовного права в условиях общенародного государства», «Советское государство и право» 1963 г. № 4, стр. 61—62). Выходит, что антиобщественные поступки (хотя бы немногие) имеют не социальные, а биологические корни, и если быть последовательным, то из этой посылки вытекает, что об окончательной ликвидации антиобщественных поступков не может быть и речи. Между тем марксистская психология совершенно определенно установила, что способность, темперамент, характер человека, имея, конечно, естественную физиологическую основу (врожденные анатомо-физиологические особенности организма, тип высшей нервной деятельности, «сплав» типа высшей нервной деятельности и сложных устойчивых систем временных связей), никогда не определяются только этой основой. Напротив, они являются социальным продуктом: продуктом общесоциальных и личных условий жизни и деятельности каждого человека, воспитания, обучения и т. д. (см. «Психология», Госпедиздат, 1962, стр. 466 и сл.). Отрицательные черты характера и темперамента человека, безусловно, нередко проявляют себя в виде правонарушений. Но это не какая-то самостоятельная психологическая причина правонарушения, а лишь одно из проявлений пережитков прошлого в идеологии и психологии советских людей, влияющих на выбор ими определенного поведения. Недисциплинированность, невнимательное отношение к общественным интересам и интересам других людей, с которыми Б. С. Никифоров связывает «эксцессы темперамента» и неосторожные правонарушения, как раз и представляют собой эти пережитки, проявляющиеся в характере и темпераменте отдельных членов нашего общества. Гораздо чаще, однако, отрицательные черты характера, темперамента, как отмечает А. Б. Сахаров (см. «О личности преступника и причинах преступности в СССР», Госюрисдат, 1961, стр. 45 и сл.), оказываются лишь условием, способствующим конкретным проявлениям других антиобщественных взглядов и чувств нарушителя (ревность, презрение к женщине, неуважение к людям другой национальности или расы и т. п.). Только в комбинации с неблагоприятными личными или общественными условиями и обстоятельствами (а не сами по себе) отрицательные черты характера, темперамента, которые у незначительной части людей останутся какое-то время и при коммунизме, будут приводить к тем эксцессам личности при коммунизме, о которых говорил В. И. Ленин.

ных отношений и об ответственности людей за свое поведение.

Именно способность человека в объективно обусловленных пределах выбирать различные варианты поведения и самостоятельно принимать решения составляет содержание относительной свободы человеческой воли. Признание этого лежит в основе вывода марксистско-ленинской философии о том, что идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий<sup>1</sup>.

Признание относительной свободы воли человека лежит и в основе подлинно материалистического обоснования возможности регулировать поведение людей с помощью разного рода социальных норм, а также возможности ответственности человека (в любой ее форме) за свои поступки.

Более того, из относительной свободы человеческой воли вытекает не только возможность, но и необходимость регулирования общественных отношений и ответственности за нарушения социальных норм, особенно в развитом социалистическом обществе, где постепенно исчезают такие причины общественного регулирования и ответственности, как утверждение и защита интересов господствующих классов. В условиях социализма человек более свободен в выборе поступка, а значит, более ответствен за этот выбор<sup>2</sup>.

Регулирование общественных отношений с помощью социальных норм, неотвратимая ответственность за их нарушения — необходимое условие организованности общественной жизни при социализме и коммунизме, гармонического сочетания общественных и личных интересов, господства единой общенародной воли.

Возможность выбора различных вариантов поведения нельзя, конечно, объяснять только активной, творческой ролью сознания, его относительной самостоятельностью. Такая возможность имеет корни в объективной действительности, которая представляет собой сложное переплетение объективных закономерностей естественного и

<sup>1</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1. стр. 159.

<sup>2</sup> См. А. Ф. Шишкин, Основы марксистской этики, изд-во ИМО, 1961, стр. 204.

общественного развития и определяемых ими конкретных жизненных явлений с обстоятельствами и ситуациями, не вытекающими из этих закономерностей, а подчас конфликтующими с ними. Именно противоречивость действительности составляет объективную основу возможности выбора в данных конкретных условиях различных поступков.

Другой, тоже объективной, основой выбора решения является противоречие между действительностью, с которой сталкивается индивид, и прошлым, накопленным опытом, олицетворенным в его «я» и преломленным в сознании, мышлении, характере данного «я». Это — противоречие между конкретной ситуацией, требующей определенного выбора решения, и условиями предыдущего развития, в которых формировался человек.

Следовательно, противоречивая действительность создает возможность неодинаковых решений и выбора различных вариантов поведения, а человек благодаря сознанию и воле использует эту возможность, принимает решение и делает выбор.

Как нетрудно заметить, внешние факторы, с одной стороны, сознание и воля — с другой, играют различную роль в механизме избирательного поведения. Поэтому можно согласиться с тем, что «волю, психическое нельзя ставить в один ряд с внешними факторами»<sup>1</sup> в смысле их равноценности или независимости психического от внешнего. Однако это вовсе не значит, что волю, психическое нельзя рассматривать «как элемент причинности, как одно из обстоятельств, которые в совокупности с внешними причинами обуславливают человеческое поведение»<sup>2</sup>. Сознание, воля включаются в общий причинный ряд, вместе с другими факторами определяют тот или иной вариант поведения, но не абсолютно свободно, а в пределах, которые ставит объективная действительность.

Относительную свободу человеческой воли, детерминированную внешними (социальными и естественными) условиями жизни индивида, а также его физической конституцией и прирожденными инстинкта-

<sup>1</sup> Б. С. Волков, Проблема воли и уголовная ответственность, Казань, 1965, стр. 129.

<sup>2</sup> Там же.

ми, следует отличать от свободы как использования человеком объективных законов для достижения своих целей, как основанного на знании этих законов господства его над обстоятельствами и над самим собой.

В первом аспекте человеческая воля в каждом конкретном случае, как правило, и несвободна (объективно обусловлена), и свободна (зависит в определенных границах от активно формирующегося, саморегулирующегося и самосовершенствующегося человеческого сознания); т. е. относительно свободна. В этом аспекте свобода воли означает возможность выбора поведения и способность действовать согласно собственным решениям.

По-иному выглядит свобода воли в соотношении с конкретными объективными законами развития природы и общества. Марксизм утверждает, что свобода воли заключается не в воображаемой независимости людей от законов природы, а в познании их и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека. Свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Чем свободнее суждение человека по отношению к тому или иному вопросу, с тем большей необходимостью будет определяться содержание этого суждения. Свобода состоит в основанном на познании необходимостей природы господстве над нами самими и над внешней природой<sup>1</sup>. Эта свобода является продуктом исторического развития и постоянно возрастает по мере поступательного движения общества, особенно при социализме, где и законы общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, применяются людьми со знанием дела и, следовательно, подчинены их господству<sup>2</sup>.

Совершенно очевидно, что нужно проводить различия между двумя указанными аспектами свободы воли, ни в коем случае не смешивать их, иначе существует

<sup>1</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 116.

<sup>2</sup> См. там же, стр. 294—295.

опасность принципиально неверных заключений. Между тем именно такую ошибку допускают некоторые авторы. Так, подчеркивая несвободу правонарушителя в условиях социалистического общества, Н. А. Беляев и Д. А. Керимов пишут: «Нарушение требований социалистической законности практически выражается в совершении деяний, противоречащих развитию объективных закономерностей. Свобода же личности проявляется в действиях, соответствующих познанным закономерностям. Поэтому правонарушения в социалистическом обществе не могут рассматриваться как поступки личности, действующей свободно»<sup>1</sup>. Избирательный момент в сознании и поведении правонарушителя авторы не считают свободой воли и выступают против утверждения, что свобода воли — необходимая предпосылка виновности лица, совершившего преступление<sup>2</sup>.

Такую позицию нельзя признать правильной. Деятельность в соответствии с познанной необходимостью и выбор различных вариантов поведения — два самостоятельных аспекта свободы воли человека. Различие между ними покоится на том, что воля индивида рассматривается в разных связях. С одной стороны, воля соотносится с объективными закономерностями естественного и общественного развития, с другой — с собственным поведением лица. В первом аспекте она выступает как нечто производное и обусловленное. При этом обусловленность понимается в том смысле, что объективный мир очерчивает определенные границы, которыми связана воля, но в пределах которых она, несомненно, обладает свободой, причем сами объективно обусловленные границы не остаются неподвижными и с развитием познания и переходом от общественных отношений одного порядка к общественным отношениям более высокого порядка (от буржуазных к социалисти-

---

<sup>1</sup> Н. А. Беляев, Д. А. Керимов, Личность и законность, кн. «Человек и общество», вып. I, изд-во ЛГУ, 1966, стр. 130. Сходную позицию занимает Л. М. Архангельский, утверждающий, что «человек, захваченный частнособственническими, индивидуалистическими чувствами и настроениями, лишен возможности свободного выбора поступков» («Категории марксистской этики», Соцэкгиз, 1963, стр. 145).

<sup>2</sup> См. там же. См. также Д. А. Керимов, Свобода и право, «Философские науки» 1964 г. № 3.

ческим и от социалистических к коммунистическим) расширяются. Во втором аспекте свобода воли выступает (в ряду других факторов) как нечто первичное. Здесь поведение лица ограничено не только существующими объективными факторами, но и собственной волей деятеля. Именно в этом аспекте свобода воли составляет то неперемнное условие, без которого невозможно никакое обоснование и возложение ответственности.

Сказанное не означает, что свобода воли как господство человека над обстоятельствами и над самим собой не имеет никакого отношения к решению вопроса о том, можно ли регулировать поведение людей социальными нормами и ставить в упрек субъекту допущенное им нарушение этих норм. Напротив, раз человек в состоянии познать законы действительности и использовать их в своих целях, раз он господствует над обстоятельствами и над самим собой, значит, и с этой позиции его поведение можно регулировать социальными нормами и он должен нести ответственность за свои поступки, значит, ему тем более можно ставить в упрек то, что он совершает поступок, расходящийся с закономерностями развития социалистического общества.

Против выделения двух сторон свободы воли выступает и К. Ф. Тихонов. Он считает неправомерным противопоставление философского понятия свободы и свободы выбора поведения. Автор утверждает далее, что такое разграничение по существу снимает вопрос о материалистическом обосновании ответственности. Наконец, по его мнению, обоснование ответственности свободой выбора поведения не устраняет тех противоречий, которые возникли при индетерминистическом толковании ответственности: в частности, ссылкой на свободу выбора трудно объяснить ответственность за преступления, совершенные по небрежности<sup>1</sup>.

Аргументация К. Ф. Тихонова вызывает серьезные возражения. Прежде всего непонятно, почему выделение двух сторон свободы воли нужно рассматривать в плане их противопоставления. Ведь подчеркивание различных сторон явления еще не означает их противопос-

---

<sup>1</sup> См. К. Ф. Тихонов, Субъективная сторона преступления. Проблема социального содержания вины в советском уголовном праве, Саратов, 1967, стр. 52—53.



тавления. Свобода воли как господство человека над обстоятельствами и над самим собой и свобода воли как возможность выбора в данной ситуации различных вариантов поведения взаимосвязаны. Чем глубже человек познает объективные закономерности развития природы и общества, чем эффективнее он овладевает ими и использует в своей практической деятельности, тем более вероятно, что его поведение, образ действий будут соответствовать этим закономерностям, а следовательно, и нормам социалистического права, в которых они отражаются. Вместе с тем непознанность объективных закономерностей развития природы и общества препятствует господству человека над обстоятельствами и над самим собой, хотя и не исключает возможности выбора им в конкретной ситуации различных вариантов поведения. Однако в данном случае этот выбор не будет опираться на познанную необходимость, что в свою очередь подрывает эффективность человеческой деятельности и, более того, может вызвать вредные для общества или класса последствия. Лишь тогда, когда выбор поведения основывается на познании закономерностей естественного и общественного развития, обеспечивается целесообразность и эффективность деятельности людей.

Обе рассматриваемые стороны свободы воли связаны с обоснованием ответственности человека за свои поступки, но связаны по-разному. Если свобода воли как господство человека над обстоятельствами и над самим собой составляет самую общую предпосылку ответственности его как социального существа, то свобода воли как возможность выбора поведения является непосредственной предпосылкой ответственности именно данного лица в данной конкретной ситуации за данный поступок.

Кроме того, трудно согласиться с К. Ф. Тихоновым в том, что выделение двух сторон свободы воли снимает вопрос о материалистическом обосновании ответственности. Очевидно, чувствуя несостоятельность подобного вывода, автор впоследствии заявляет, что, «конечно, свободе выбора поведения можно дать материалистическое обоснование, как это делает Б. С. Волков» (в работе «Проблема воли и уголовная ответственность», стр. 133). Хорошо известно, что в марксистском

понимании свобода выбора поведения не имеет ничего общего с индетерминистическим обоснованием свободы воли. В марксистской теории подчеркивается относительность свободы выбора поведения, обусловленность этой свободы объективными причинами.

Наконец, неверно утверждение о том, что ссылкой на свободу выбора трудно объяснить ответственность за преступления, совершенные по небрежности. Именно из признания относительной свободы выбора поведения вытекает вывод о том, что совершивший по небрежности правонарушение, в частности преступление, не проявил должной заботы о защищаемых правом интересах, хотя мог и должен был это сделать, избрав иной вариант поведения.

Таким образом, возможность выбора различных вариантов поведения является необходимой субъективной предпосылкой ответственности человека за свои поступки. Отсутствие такого выбора снимает с него всякую ответственность<sup>1</sup>.

Для возложения ответственности на конкретное лицо достаточно установить, что оно нарушило социальную норму, обладая при этом свободой воли в смысле возможности избрания того или иного варианта действий. В данном случае ответственность наступает независимо от того, соответствует поступок индивида объективным законам развития общества (он свободен) или не соответствует (он не свободен).

Нарушитель социальной нормы свободно выбирает поведение, но он может быть свободен и в том смысле, что его поступок соответствует познанной необходимости. Это имеет место в случаях, если требования, предъявляемые к личности и составляющие ее долг, сами противоречат объективным закономерностям общественного развития. Например, коммунисты, борющиеся в условиях буржуазного общества против реакционного законодательства (в частности, законов о запрещении компартии), поступают свободно как потому, что они по своей воле избирают данный образ действий, так и потому, что их действия находятся в соответствии с объективными законами развития общества.

---

<sup>1</sup> См. также М. Д. Шаргородский, Детерминизм и ответственность, «Правоведение» 1968 г. № 1, стр. 42 и сл.

Даже в социалистическом обществе, где социальные нормы, как правило, верно отражают действительность и тенденции ее развития, не исключено, что нарушитель, например, правовой нормы может быть свободным в смысле соответствия его поступка познанной необходимости. Это может произойти в том нетипичном случае, когда изданный закон научно не обоснован. Однако, признавая возможность подобной ситуации, следует подчеркнуть, что истинная свобода заключается не в сознательном нарушении необоснованных законов (это чревато отрицательными последствиями для всего режима социалистической законности), а в активной борьбе за их отмену. В принципе же правовым актам в условиях социализма присуще качество глубокой обоснованности; они, как правило, соответствуют объективным потребностям развития общества, поэтому отношение к ним является одним из критериев свободы личности. Правонарушитель здесь свободен (в смысле избрания противоречащего закону поступка, за что он и осуждается) и не свободен (в смысле несоответствия его поступка познанной необходимости).

5. Отрицание относительной свободы воли человека является источником взглядов, согласно которым нарушитель норм общественного поведения есть «жертва обстоятельств», его вина и наказание исключаются, его исправление невозможно, к нему можно применять лишь меры «социальной защиты». При сколько-нибудь широком распространении подобные взгляды могут серьезно повредить делу борьбы с правонарушениями, оправдывая нарушителя в его собственных глазах и глазах общества, мешая его нравственному перевоспитанию, внедрению в его сознание таких представлений, которые обеспечивали бы надлежащее уважение им норм поведения в обществе.

Теория «социальной защиты», оказывающая немалое влияние на реакционное буржуазное законодательство и практику его применения, уходит своими корнями именно в вульгарно-механическое отрицание свободы воли. Развивая мысль о несвободе воли человека, Гольбах ставил вопрос в следующей форме: «Если действия людей обусловлены необходимостью, если люди несвободны, то по какому праву общество может

наказывать дурных людей, наносящих ему ущерб? Справедливо ли наказывать за поступки, которых люди не могли не совершить?» Ответ Гольбаха таков: «Если дурные люди неизбежно ведут себя дурно, потому что они злы и дурны по природе, общество, наказывая их, со своей стороны, действует точно так же по необходимости, стремясь к самосохранению». В этом ответе, справедливо подчеркивал А. А. Герцензон, по существу заложены основы теории «социальной защиты», окончательно сформировавшейся значительно позднее, в развитом буржуазном обществе<sup>1</sup>.

В советской юридической литературе возможность ответственности людей за свои проступки обосновывается именно признанием свободы воли. Лишь очень редко встречаются иные взгляды. Например, по мнению Е. М. Эдельгауза, о свободе воли применительно к правовой сфере говорить не нужно. «Волевое действие следует рассматривать только как процесс мышления, выбирающего поступок»<sup>2</sup> Автор считает, что выбор поведения, поступка зависит от «личностного стереотипа» человека, под которым понимается создавшаяся в коре головного мозга мозаика постоянных доминант вместе с преходящими моментальными доминантами и который складывается под воздействием общественных отношений, а также под влиянием унаследованного типа высшей нервной деятельности, физического состояния, передаваемых по наследству пороков, всего предшествующего опыта человека. «Личностный стереотип», с его точки зрения, это то, что получается в итоге высшей нервной деятельности индивидуума, его принципы жизни, человек в целом. «Личностный стереотип» непосредственно определяет поступок человека. Поступок выбран человеком вполне свободно, в соответствии с его взглядами, желаниями, вполне обдуманно, то есть определен личностным его стереотипом, а последний определен общественными, природными и другими условиями, в которых человек

<sup>1</sup> См. А. А. Герцензон, Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII века, изд-во АН СССР, 1962, стр. 104—105.

<sup>2</sup> Е. М. Эдельгауз, К вопросу о понятии свободы воли в уголовном праве, «Правоведение» 1962 г. № 4, стр. 140.

живет, а также предпосылками, с которыми он родился или которые приобрел в жизни<sup>1</sup>. Детерминизм не прекращается ни на секунду, а поступок выбран свободно. Выбирает стереотип. За него человека винить нельзя, писал автор, ведь порочный «личностный стереотип» складывается под влиянием объективных факторов. За проступок же винить можно, коль скоро он выбран человеком свободно, согласно его принципам жизни. Это противоречие разрешается в целях наказания: наказание есть не кара, а средство воспитания, изменения стереотипа<sup>2</sup>.

Такое признание «свободы выбора» представляется уступкой фатализму, ибо человек оказывается свободным лишь в выборе антиобщественного проступка, который он рано или поздно — в силу объективно обусловленных особенностей своего «личностного стереотипа» — все равно должен совершить. В проступке в конечном счете оказывается виновным не человек, а его порочный «личностный стереотип», сложившийся под влиянием объективных факторов. И коль скоро за стереотип человека винить нельзя, то трудно объяснить утверждения Е. М. Эдельгауза о том, что человек все-таки действует свободно и его можно винить за совершенный проступок. Рассуждая логично, следует сделать вывод, что в обществе существуют люди с порочным стереотипом (так сказать, неизбежные правонарушители), что это от них не зависит, что, следовательно, об их вине и ответственности не может быть и речи, что надо отказаться от наказания и применять к ним меры социальной защиты.

Личность формируется и действует отнюдь не только под влиянием объективных факторов (строение и потребности организма, тип высшей нервной деятельности, унаследованные пороки, общественная среда и опыт прошлой жизни и т. п.), Громадное влияние на формирование и поведение личности оказывает разум. Человек есть система, единственная по высочайшему саморегулированию, сама себя совершенствующая. Благодаря регулирующей функции второй сигнальной системы он может сознательно формировать у

<sup>1</sup> См. Е. М. Эдельгауз, указ. статья, стр. 143.

<sup>2</sup> См. там же, стр. 144.

себя определенные системы временных связей, воспитывать в себе желательные качества и искоренять нежелательные<sup>1</sup>. Самовоспитание, самокритичность, самоконтроль, самосознание — существенные факторы, определяющие формирование личности и ее поведение. От них в огромной мере зависят такие волевые черты характера, как целеустремленность, самостоятельность, решительность, настойчивость, выдержка и самообладание, дисциплинированность, мужество и смелость. Если же к этому добавить, что в конкретных жизненных ситуациях человек как сознательное существо способен бороться и с собственными отрицательными чертами, что в борьбе мотивов могут побеждать благородные в ущерб низменным, то от фатальной предопределенности его поступков «личностным стереотипом», от «невозможности обвинять» за его стереотип ничего не остается. Человек может отвечать за собственные поступки именно потому, что от него, от его выбора, решения, волевых усилий во многом зависит и то, что он собой представляет вообще, и в еще большей мере то, каким образом он проявляет себя в каждом конкретном акте своего поведения.

Отрицает свободу воли как основание ответственности и венгерский ученый Д. Эрши. Он считает фаталистическим понимание ответственности, при котором она обосновывается свободой выбора, поскольку это понимание, по его мнению, связано с предположением, что среди элементов человеческого поведения существует и такой, который не поддается никакому влиянию. При подобном предположении программа полной ликвидации правонарушений иллюзорна. Напротив, если исходить из полной обусловленности поведения человека, считает автор, право может серьезно содействовать созданию такой диспозитивной и сдерживающей системы, при которой члены общества одобряют цели общества и сознательно способствуют осуществлению этих целей. Такое понимание, по словам автора, придает решающее значение развитию способности самовоспитания, определения целей и целенаправленности. Как раз из полной обусловленности, с его точки зрения, вытекает, что при социализме развитие этих спо-

<sup>1</sup> См. «Психология», 1962, стр. 539.

собностей ведет к успеху<sup>1</sup>. В рамках сложившихся и постоянно формирующихся свойств личности, сохраняющих ее индивидуальность и непрерывность, проявляется также способность предусмотрительности, целенаправленности. Однако и эта способность обусловлена определенными воздействиями. Выбор, пишет Д. Эрши, есть лишь та форма деятельности сознания, в которой проявляются вполне обусловленные человеческая воля, решения и действия. В связи с наказанием, предусматриваемым правом, иллюзия выбора уже сегодня служит только излишней апологетике насилия<sup>2</sup>.

Свобода выбора не есть антипод детерминированности человеческих поступков. Такое противопоставление верно лишь в том случае, если свобода выбора будет пониматься в духе идеалистического учения об абсолютной свободе воли. В данном случае свобода выбора действительно означает, что в человеческом поведении есть элементы, которые вообще не поддаются никакому влиянию. Это учение, выводя правонарушение из «злой воли» правонарушителя, служит апологетике насилия, наказания как мести правонарушителю. Признание же марксистской философией относительной свободы воли не исключает детерминированности человеческих поступков. Только эту детерминированность марксистская философия не сводит к механической, а потому в конечном счете к фатальной обусловленности содержания волевых процессов в каждом конкретном акте поведения человека.

Исходным пунктом всякого человеческого поступка являются потребности (физические и духовные, личные и общественные). Но сами по себе, автоматически они не порождают ни целей человека, ни его поступков. У человека как существа сознательного потребности всегда принимают форму определенного побудительного мотива — чувства, взгляда, убеждений, мировоззрения и т. п. Все эти моменты играют громадную роль в определении его целей, конкретных путей и средств их достижения. Разумеется, они всегда обусловлены — и

---

<sup>1</sup> Jyula E ö r s i, A Jogi felelősség alapproblémai a polgari jogi felelősség, Budapest, 1961, краткое содержание на русском языке, стр. 6—7.

<sup>2</sup> Ibid, стр. 6.

В плане историческом (всей историей выделения человека из царства животных, существующим общественным строем, достигнутой ступенью развития науки и техники и т. д.), и в плане индивидуальном (конкретной жизненной обстановкой, воспитанием и т. п.), но обусловлены не однозначно. Уже отмечалось, что человеческое сознание отражает окружающую действительность не пассивно, а активно, с положительной или отрицательной стороны, в смысле поддержки или борьбы и т. д. И то, как именно сознание данного человека отражает окружающие условия, во многом зависит от него самого. Без этого самовоспитание, самосознание, самоконтроль, самокритичность были бы невозможны и практически не нужны. Но они есть, и их роль в выработке социально полезных свойств человека, в его становлении и развитии как подлинно самоопределяющегося и ответственного существа возрастает в процессе поступательного развития человечества, особенно в социалистическом обществе. Юридическая ответственность не способна исправить или перевоспитать правонарушителя, искоренить из его сознания и психологии антиобщественные взгляды, чувства, стремления и внедрить на их место новые, общественно полезные, если она остается чисто внешним насилием, не стремится к пробуждению у наказываемого раскаяния в проступке, желания порвать с антиобщественными взглядами и чувствами внутренней потребности стать лучше. Очевидно, выступление Д. Эрши против обоснования ответственности свободой выбора можно объяснить только ошибочным отождествлением открытой марксизмом относительной свободы воли человека с абсолютной свободой воли.

6. Как уже отмечалось, одной из объективных предпосылок ретроспективной ответственности является урегулированность общественных отношений социальными нормами. Поэтому в принципе существует столько видов социальной ответственности, сколько видов социальных норм действует в данном обществе. Это, как мы увидим далее, не означает, что каждый вид социальных норм обеспечивается лишь соответствующим ему видом ответственности. Напротив, реальная картина соотношения и взаимосвязи отдельных разновидностей социальных норм и видов ретроспективной от-



ветственности в развитом обществе гораздо сложнее. Особенно сложна эта картина в классово-антагонистическом обществе, где существует несколько видов нравственных и других норм, выражающих интересы разных классов, и соответственно несколько видов моральной и иной ответственности.

В классовом обществе всякая ответственность по своим конечным целям и природе имеет политический характер, ибо здесь социальные нормы выражают волю определенных классов или всего трудового народа, состоящего из дружественных классов, а заключенная в ответственности реакция отражает интересы какого-то класса. Сказанное верно в отношении не только юридической ответственности (где эти свойства проявляются наиболее ярко), но и всех иных видов ответственности, включая ответственность за нарушение внутриорганизационных норм общественных организаций и даже ответственность нравственную. Тем не менее имеются достаточно веские основания для выделения *политической ответственности* и в качестве самостоятельного вида ответственности.

Специфика политической ответственности вытекает из особенностей политических отношений и регулирующих их норм. В. И. Ленин определял политику как отношения между классами, область политики как область взаимоотношений всех классов<sup>1</sup>. В письме к Инессе Арманд В. И. Ленин указывал, что политика есть отношение между нациями, классами<sup>2</sup>. В обществе, разделенном на классы, все общественные отношения имеют политический характер, так как в той или иной степени прямо либо косвенно испытывают на себе влияние классовых интересов. Но степень, так сказать, политичности этих отношений неодинакова. По нашему мнению, среди всей совокупности общественных отношений можно выделить собственно (непосредственно) политические отношения — отношения между классами, отношения между нациями, в основе которых лежат классовые взаимоотношения, отношения между классом и его отдельными членами, и не собст-

<sup>1</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 72; т. 6, стр. 79.

<sup>2</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, стр. 369.

венно политические отношения — все другие отношения, имеющие политический характер, политическую окраску лишь в классовом обществе.

Соответственно различаются социальные нормы, регулирующие общественные отношения в классовом обществе. Существуют нормы собственно политические и не собственно политические, имеющие политический характер в классовом обществе. Не собственно политические отношения могут регулироваться юридическими, нравственными и другими социальными нормами. Несколькими по-иному обстоит дело с собственно политическими отношениями. Собственно политические отношения могут существовать между отдельными людьми только в том случае, если последние выступают представителями классов<sup>1</sup>.

Действенность социальных норм предполагает признание их классами, отношения между которыми регулируются данными нормами (что имеет место в том случае, когда они отражают совпадающие интересы и волю этих классов), либо принудительное подчинение одного класса выраженной в социальных нормах воле другого класса (при антагонизме классов). В обществе, расколотом на классы с противоположными интересами и целями, господствующий класс, стремясь урегулировать классовые отношения в собственных интересах, прибегает к такому в высшей степени авторитарному средству, как право, использует государство со всеми его вещественными прибавками. Подчинить своей воле класс-антипод иными средствами он не может, (если не считать непосредственное, внеправовое принуждение, а также всякого рода методы социальной демагогии, обмана масс, воспитания их в духе слепого повиновения велениям власти и т. п.). Поэтому отношения между антагонистическими классами (разновидность собственно политических отношений) всегда юридически опосредствуются. Нарушение правовых норм, регулирующих эти политические отношения, влечет наступление юридической ответственности.

В обществе, расколотом на классы с непримиримыми интересами, не может быть единых собственно политических норм, одинаково признаваемых противо-

<sup>1</sup> См. А. В. Дроздов, указ. работа, стр. 119.

ложными классами и регулирующих отношения между ними. Только в социалистическом обществе, где коренные экономические, социально-политические и духовные интересы классов совпадают, классовые взаимоотношения регулируются наряду с правовыми нормами и едиными собственно политическими нормами, за нарушение которых наступает непосредственно политическая ответственность.

Другую группу собственно политических норм составляют нормы, регулирующие отношения между классом и относящимися к нему отдельными коллективами, индивидами в связи с взаимоотношениями этого класса с другими классами, враждебными или дружественными. Каждый класс придерживается принципа защиты и неприкосновенности собственных, в первую очередь коренных экономических интересов. Существование этого принципа можно проследить на протяжении всей истории классового общества. Основываясь на нем, каждый класс устанавливает для своих членов, организаций, входящих в него ячеек ряд норм (правил) поведения (активно утверждать интересы класса и его классовых союзников; не допускать действий, подрывающих единство класса и его союзников или иным образом усиливающих классового противника и т. п.). Нарушение указанного принципа и основанных на нем политических норм влечет собственно политическую ответственность. При этом если соответствующий классовый интерес получил выражение в форме правового требования, то вместе с собственно политической ответственностью наступает юридическая ответственность.

Однако и этим сфера действия политической ответственности не ограничивается. Для класса, партии нормативное значение имеют некоторые положения выдвинутой ими политической программы. При исследовании вопроса о видах социальных норм, действующих в классовом обществе, мы об этих положениях не говорим. Между тем политические программы, например коммунистических и рабочих партий, во многих своих частях играют роль не просто руководящих идей, а именно социальных норм, регулирующих деятельность огромных масс людей. Классы, партии, безусловно, несут политическую ответственность за выполнение выдвину-

тых ими программ в целом, в том числе и за соблюдение сформулированных в них норм поведения (политических принципов и т. п.).

Таким образом, среди различных видов социальной ответственности можно выделить собственно политическую ответственность и другие, не собственно политические виды ответственности (юридическую, нравственную, дисциплинарную ответственность членов общественных организаций), которые, как отмечалось, имеют в классовом обществе политический характер. Сфера действия политической ответственности — политические отношения, урегулированные политическими нормами, действующими наряду и вместе с другими социальными нормами.

Ее субъектами являются классы (ответственность перед союзниками, перед братьями по классу, например, ответственность рабочего класса отдельной страны перед международным рабочим движением), партии, политические вожди, деятели, иные представители класса. Все они отвечают за политические проступки, наносящие ущерб интересам класса (к которому они принадлежат) и внешне выражающиеся в нарушении предписаний соответствующих политических норм.

Своеобразие политической ответственности заключается в том, что она наступает не только за виновные действия, но и за неумелость, опрометчивость, колебания и т. д. Здесь не имеет решающего значения субъективная сторона проступков, ибо в политике приходится «разбирать явления с массовой, а не с личной точки зрения»<sup>1</sup>. «В личном смысле, — писал В. И. Ленин, — разница между предателем по слабости и предателем по умыслу и расчету очень велика; в политическом отношении этой разницы нет, ибо политика — это фактическая судьба миллионов людей, а эта судьба не меняется от того, преданы ли миллионы рабочих и бедных крестьян предателями по слабости или предателями из корысти»<sup>2</sup>.

Главная особенность и сущность политической ответственности состоят в том, что в ней заключено классовое осуждение, отрицательная оценка политическо-

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 220.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 131—132.

го проступка и его субъекта со стороны определенного класса. Такая оценка дается либо самим классом непосредственно, что предполагает наличие довольно развитого классового самосознания, либо политической партией, которая, как известно, выступает наиболее полным выразителем классовых интересов.

Заключенная в политической ответственности отрицательная классовая оценка проявляется вовне в самых различных формах: критике в устной форме на собраниях, митингах, съездах и т. д.; в печати, разрыве союза и прекращении иных связей, лишения доверия. Иногда к этому может присоединяться лишение лица, несущего ответственность, определенного политического положения, применение к нему организационно-политических мер.

7. Важным видом ответственности является *моральная ответственность*. Период коммунистического строительства характеризуется возрастанием роли нравственных начал в жизни общества, расширением сферы действия моральных факторов.

Возрастание роли нравственных начал означает не только то, что моральные нормы приобретают все больший вес, но и то, что все иные правила общественного поведения все более соблюдаются в силу внутренней убежденности советских людей в необходимости и справедливости этого.

Моральные нормы в социалистическом обществе опираются прежде всего на сознательность масс, обеспечиваются в первую очередь и главным образом убеждением, хорошим примером, поощрением всех форм сознательной самодисциплины граждан, ведущих к закреплению и развитию основных правил коммунистического общежития<sup>1</sup>. Но, конечно, и моральная ответственность, моральное принуждение<sup>2</sup> не могут быть сброшены со счета.

Моральная ответственность имеет весьма широкую сферу действия. Ее отличительной особенностью является обеспечение всех видов социальных норм: нравственных, правовых, политических, эстетических, норм

<sup>1</sup> См. «Материалы XXII съезда КПСС», Госполитиздат, 1962; стр. 410—412.

<sup>2</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс; Соч., т. 11, стр. 478.

общественных организаций, ибо социалистическая нравственность требует неуклонного соблюдения всех норм социалистического общежития. Ни юридической ответственности, ни ответственности перед общественными организациями подобная роль не присуща. Но такие нормы, как эстетические или нравственные, обычно защищаются в первую очередь с помощью моральной ответственности.

Самым существенным качеством, характеризующим природу нравственной ответственности, является осуждающее мнение о нарушителях социальных норм, которое складывается у общества, коллектива, его отрицательная оценка поступка, противоречащего нормам морали. Возложение моральной ответственности и реальная возможность ее воздействия на нарушителя предполагают, что он входит в состав группы, класса, общества. Выражающееся во мнении коллектива суждение о нравственной стороне поступка всегда опирается на общественное мнение класса, общества<sup>1</sup>.

Поэтому суждение группы, отдельного коллектива не должно расходиться с общепринятой в данном классе, обществе оценкой вредности, моральной недопустимости поступка, нарушающего общепризнанную норму, иначе моральная ответственность не принесет тех результатов, на достижение которых она рассчитана.

Нормы нравственности непосредственно исходят из классовых или общенародных представлений о добре, справедливости, достоинстве, совести, чести и т. п. Поэтому осуждение выступает как упрек в злом, несправедливом, бессовестном, бесчестном и т. д. поступке и, следовательно, как отрицательная общественная оценка определенных качеств личности нарушителя. Соответственно, потеря виновного выступает как потеря во мнении общества о его личных качествах.

Внешнее проявление моральной ответственности также имеет свою специфику. Отрицательное коллективное мнение выражается в презрении к нарушителю, насмешке над ним, резкой отповеди за учиненное зло,

---

<sup>1</sup> О понятии общественного мнения см. А. К. Уледов, Общественное мнение советского общества, Соцэкгиз, 1963, стр. 20—26; Б. А. Грушин, Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения, Политиздат, 1967; стр. 22—99.

негодований, потере во мнении людей, лишении доверия коллектива. Такие последствия (проявления) могут выступать как в активной форме, так и в виде молчаливого неодобрения, которое является одной из разновидностей отрицательного отношения к нарушителю за его аморальный поступок (его не замечают, ему не отвечают и т. п.)<sup>1</sup>.

Социалистическое общество знает, поощряет и культивирует также «организованные» формы нравственной ответственности. Они заключаются, с одной стороны, в критике виновного на собраниях, заседаниях товарищеских судов присутствующими и довольно часто в применении к нему формально-определенных мер общественного воздействия, с другой — в том, что нарушитель публично отчитывается перед коллективом в своем проступке, а когда это требуется характером примененной меры, то и исполняет ее. При этом следует подчеркнуть, что общей тенденцией в развитии моральной ответственности является переход от пассивных форм осуждения к прямому, резко выраженному осуждению, к применению вполне определенных мер<sup>2</sup>.

Моральная ответственность вызывает к совести лица: с ее помощью общество добивается осознания им ошибочности совершенного поступка, заставляет выполнять признанные и поддерживаемые коллективом нормы, прививает нарушителю правильные взгляды, привычки, в соответствии с которыми следует поступать в области общественных отношений, регулируемых социальными нормами. Она оказывается действенной только в отношении людей с развитым чувством собственного достоинства, чести, не потерявших стыд и совесть, как

---

<sup>1</sup> Думается, И. Ребане допускает неоправданную формализацию категории моральной ответственности, когда общую атмосферу немого осуждения не считает мерой ответственности и относит к последней лишь организованные меры общественного воздействия, применяемые определенными органами общественной жизни, например, товарищеским судом («Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на социалистический правопорядок», «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 182, «Труды по правоведению», Тарту, 1966, стр. 247).

<sup>2</sup> См. Б. Б. Хангельдыев, Об основных направлениях деятельности товарищеских судов на современном этапе, кн. «XXII съезд КПСС и вопросы государства и права», Свердловск, 1962, стр. 476—477, 484.

правило, случайных нарушителей социальных норм, глубоко и искренне переживающих совершенное<sup>1</sup>. Таким образом, охранительная и воспитательная функции моральной ответственности неразрывны.

8. Среди действующих в социалистическом обществе социальных норм видное место занимают нормы, устанавливаемые общественными организациями (как их обычно называют в нашей литературе). Такое название представляется неточным: в социалистическом обществе эти организации устанавливают и юридические нормы (по уполномочию или с последующей санкции государственных органов); в их актах часто закрепляются нормы моральные (например, закрепление в Уставе КПСС принципов морального кодекса строителя коммунизма как обязательных для соблюдения каждым коммунистом). Тем не менее среди норм, устанавливаемых общественными организациями, имеется особая разновидность правил, которая не охватывается ни правовыми, ни моральными нормами. Они касаются внутриорганизационных отношений и представляют собой особую, самостоятельную разновидность социальных норм. За их нарушение к членам соответствующих общественных организаций применяется принуждение, они несут дисциплинарную ответственность<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Подчеркивая этот момент, некоторые авторы необоснованно противопоставляют нравственное порицание и правовую санкцию. Эффективность первого ставится в зависимость от стыда и совести человека, которому адресовано нравственное порицание, а в качестве особенности правовой санкции указывается на ее способность подавить нежелательное поведение независимо от характера реакции правонарушителя на воспринимаемое наказание (см., например, И. А. Вавилова, О взаимоотношении правового и нравственного регулирования общественных отношений, «Философские науки» 1966 г. № 6, стр. 31). Не говоря уже о неудачном использовании термина «подавить», автор смешивает два различных явления: возложение ответственности независимо от желания нарушителя и условия ее эффективности. Ответственность за нарушение социальной нормы всегда есть внешнее по отношению к нарушителю явление, будь то правовая или нравственная ответственность. А эффективность юридической ответственности не в меньшей мере, чем моральной, зависит от того, насколько глубоко переживает ее правонарушитель.

<sup>2</sup> На наш взгляд, неточным является утверждение, что «в отличие от государственных органов общественные организации не прибегают к принуждению» (С. В. Мокин, Политическая орга-



Сфера действия *ответственности, возлагаемой общественными организациями*, не совпадает со сферой действия моральной ответственности. Ответственность перед общественной организацией уже, поскольку наступает только при условии, если нарушающий нравственные нормы одновременно посягает и на нормы данной общественной организации, не исполняет возложенных ею обязанностей. Кроме того, менее широкая сфера действия ответственности перед общественными организациями обуславливается тем, что возможность ее возложения предполагает *членство* нарушителя в организации.

Сущность ответственности перед общественной организацией состоит в осуждении нарушителя со стороны определенного *организационно оформленного* целого, т. е. со стороны конкретной общественной организации, и в претерпевании этого осуждения нарушителем. Поэтому в качестве характерной особенности данного вида ответственности следует отметить *организационную оформленность*, подчеркнутость выражаемого ею осуждения.

Здесь более четко выступают черты формальной определенности ответственности, имеющиеся лишь в спорадическом, или зародышевом, состоянии, например в моральной ответственности. Связано это с тем, что в рассматриваемом случае речь идет об ответственности членов определенных коллективов людей. Тут совершенно ясны и определены как требования, предъявляемые к лицу, так и коллектив, перед которым оно может отвечать за нарушение этих требований. Сказанным объясняется то, что в ответственности перед общественной организацией более сильно, чем в нравственной, выражены элементы общественного принуждения. В то же время моральная ответственность обычно начинает складываться быстрее, чем ответственность перед общественной организацией, — непосредственно за проступком; она, как правило, предшествует возложению ответственности перед общественной организа-

---

низация общества в период перехода от социализма к коммунизму, изд-во МГУ, 1967, стр. 16). Оно не соответствует фактическому положению дел.

цией и служит своего рода нравственным оправданием последней.

Весьма существенные особенности имеются и в формах проявления ответственности перед общественной организацией. Она выражается в публичной товарищеской критике виновного, потере им уважения, авторитета в глазах товарищей по организации. Типичной формой выражения осуждения, заключенного в данном виде ответственности, являются меры общественного воздействия. К ним относятся постанова на вид, выговор, строгий выговор и др. Круг указанных мер определяется исчерпывающим образом в уставе, положении организации. Система мер общественного взыскания позволяет подходить индивидуально к каждому поступку и к лицу, его совершившему. В различных мерах взыскания выражается неодинаковая степень осуждения, ответственности.

Своеобразием ответственности перед общественной организацией является возможность лишения прав, которые имеют лишь члены организации, а также применения в качестве крайней меры исключения из числа членов данной организации. Ни один другой вид социальной ответственности, кроме юридической, такой особенностью не обладает.

Поскольку внутриорганизационные нормы общественных организаций устанавливаются ради обеспечения единства воли и действий членов данной организации, без которого немислимо достижение целей, стоящих перед ней, постольку осуждение виновного выступает прежде всего как осуждение его недостаточной дисциплинированности, следовательно, в первую очередь определенных его общественных качеств.

Кроме политической, моральной ответственности и ответственности перед общественной организацией важным средством обеспечения социальных норм (а именно такой их разновидности, как правовые нормы) служит юридическая ответственность. Она является самостоятельным видом социальной ретроспективной ответственности. Ее основные признаки рассматриваются в следующей главе.

## ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

1. Специфика правовой ответственности определяется ее неразрывной связью с государством; она возлагается за нарушение правовых норм. До последнего времени это положение считалось в нашей литературе бесспорным. Оно было поставлено под сомнение В. Г. Смирновым, который полагает, что «проблема правовой ответственности не сводится к проблеме ответственности за причиненный вред, за нарушение каких-либо охраняемых законом интересов: правовая ответственность только наиболее рельефно проявляется в нарушении, но она реально существует и при совершении дозволенных, а тем более прямо вытекающих из закона деяний». По мнению автора, «о понятии правовой ответственности, равно как и о понятии ответственности в общесоциологическом плане, можно говорить в двух аспектах: а) об ответственности как обязанности, установленной в законе, совершать действия, соответствующие природе социалистического строя и б) об ответственности как обязанности, возникающей вследствие правонарушения и сводящейся к восстановлению ущерба, причиненного этим посягательством»<sup>1</sup>.

Об ответственности в общесоциологическом плане уже говорилось выше. Мы видели, что ни в активном, ни в ретроспективном аспекте она не сводится к обя-

<sup>1</sup> В. Г. Смирнов, *Функции советского уголовного права*, изд-во ЛГУ, 1965, стр. 78. Еще дальше в этом направлении идет З. А. Астемиров (см. «Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних», М., 1970, стр. 7 и сл.).

занности (долгу), а выступает либо как понимание этого долга и действие в соответствии с ним, либо как внешняя по отношению к нарушителю долга отрицательная для него реакция того или иного социального образования на его проступок. Что касается юридической ответственности, то применительно к ней об активном аспекте речи вообще быть не может (мы не говорим в данном случае о терминологическом отождествлении в нормативных актах юридической обязанности с ответственностью; юридическая обязанность субъекта права, как ее терминологически ни назови, остается обязанностью и ничем другим — именно в качестве особого явления — быть не может). Юридическая ответственность, с тех пор как она возникла, всегда была ответственностью за прошлое, за совершенное противоправное деяние. Иначе можно прийти к неприемлемому выводу, что лицо, не совершающее преступления, уже несет правовую ответственность. Ни научные соображения, ни тем более интересы практики не дают оснований для пересмотра взгляда на юридическую ответственность как последствие правонарушения<sup>1</sup>.

Спорным в науке является вопрос о том, может ли юридическая ответственность наступать за объективно противоправные деяния. Если исходить из того, что свобода воли есть необходимая предпосылка социальной (в том числе юридической) ответственности, а также из содержания целей охраны социалистического правопорядка и оказания воспитательного воздействия на правонарушителей и других лиц, достижению которых служит институт ответственности в социалистическом обществе, то правильнее всего считать юридическую ответственность последствием только правонарушения, т. е. общественно вредного, противоправного, виновного деяния<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Позиция В. Г. Смирнова была подвергнута справедливой критике М. Д. Шаргородским (см. «Курс советского уголовного права», часть Общая, т. 1, изд-во ЛГУ, 1968, стр. 218—219) и Н. С. Лейкиной (см. «Личность преступника и уголовная ответственность», изд-во ЛГУ, 1968, стр. 28—30).

<sup>2</sup> Подробное обоснование этого взгляда см. в статье М. Х. Фарукшина, Свобода воли и юридическая ответственность, «Рестник Московского университета», серия X. «Право», 1965 г. № 1, стр. 14 и сл. См. также Н. Г. Александров, Законность

Но и истории, и традиции, и действующий закон, и практика считают юридической ответственностью также применение правовосстановительных санкций за невиновное, объективно противоправное деяние. «По чисто практическим соображениям, — пишет С. С. Алексеев, — в нынешних условиях невозможно ограничить понятие ответственности только случаями правонарушений, связанных с общественным осуждением правонарушителя, т. е. виновных правонарушений»<sup>1</sup>. Поэтому в дальнейшем изложении мы будем рассматривать юридическую ответственность в традиционном ее понимании.

2. Являясь реакцией на совершенное противоправное деяние, юридическая ответственность имеет государственно-принудительный характер. Он выражается прежде всего в том, что ответственность возлагается в случае правонарушения независимо от воли и желания правонарушителя и имеет по отношению к нему внешний характер.

Этот существенный для правовой ответственности момент не учитывают В. М. Горшенев<sup>2</sup> и разделяющий его точку зрения В. В. Меньшиков<sup>3</sup>. Определяя юридическую ответственность как признаваемую государством способность лица (гражданина, учреждения, органа государства, должностного лица и т. д.) отдавать отчет о своем противоправном деянии и претерпевать меры государственно-принудительного воздействия в форме лишения благ, непосредственно находящихся в распоряжении правонарушителя, В. М. Горшенев по существу сводит категорию ответственности к собственному состоянию и даже способности правонарушителя.

и правоотношений в советском обществе, Госюриздат, 1955, стр. 166—168; И. Ребане, К постановке вопроса об основаниях правовой ответственности, «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 44, 1956, стр. 159; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, Госюриздат, 1961, стр. 338—340; «Общая теория государства и права», изд-во ЛГУ, 1961, стр. 466—468; О. А. Красавчиков, Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности «Юридическая литература», 1966, стр. 137 и сл.

<sup>1</sup> С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. 2, Свердловск, 1964, стр. 194.

<sup>2</sup> См. В. М. Горшенев, указ. статья.

<sup>3</sup> См. В. В. Меньшиков, указ. статья.

Однако признание государством способности лица отвечать за свои поступки, претерпевать меры государственно-принудительного воздействия и реакция государства на противоправное поведение, проявляющаяся в возложении юридической ответственности, — отнюдь не одно и то же. В первом случае речь идет о свойствах личности (вменяема она или невменяема, дееспособна или нет), во втором — об объективной реакции государства на правонарушение.

Те аргументы, которые В. М. Горшенев и В. В. Меньшиков приводят в обоснование своего взгляда на юридическую ответственность, нельзя признать убедительными. При характеристике ответственности они считают необходимым учитывать состояние личности, от которого в решающей степени зависит эффективность применяемых мер государственного принуждения. Действительно, свобода воли человека, его способность выбирать тот или иной вариант поведения, принимать решения и отдавать отчет в своих действиях имеют большое значение и в качестве предпосылки самой возможности юридической ответственности, и в качестве одного из условий ее эффективности. Однако это вовсе не говорит о том, что указанные обстоятельства нужно включать в содержание ответственности. Следует четко различать содержание правового института и условия его действительного применения.

Концепция В. М. Горшенева неприемлема и потому, что в ней по сути дела не отражается специфика юридической ответственности как последствия правонарушения. Способность отдавать отчет в своем поведении и претерпевать на себе меры государственно-принудительного воздействия существует до и независимо от правонарушения. Иначе ответственность была бы невозможна и после того, как лицо совершило деяние, расходящееся с требованиями права. Именно отсутствие таких качеств у недееспособных приводит к тому, что их общественно вредные и даже опасные деяния не считаются проступками или преступлениями и юридической ответственности не влекут.

Следует также отметить, что развиваемое В. М. Горшеневым понимание правовой ответственности неприменимо к характеристике ответственности коллективных субъектов права. Если рассматривать ответственность как

состояние, находясь в котором личность способна отдавать отчет в своих действиях и воспринимать меры государственного принуждения, то возникает законный вопрос: имеет ли это отношение к характеристике ответственности организации, которая не может находиться в неменяемом состоянии и, будучи признанной по закону, обладает дееспособностью, а потому всегда имеет отмеченную выше способность? Очевидно, нет. Думается, не случайно в подтверждение правильности своей точки зрения В. М. Горшенев ссылается на ст. 11 ГК РСФСР и ст. 11 УК РСФСР, поскольку это необходимо для обоснования, используя терминологию автора, «лично-го, психологического характера ответственности индивида». Правда, в предложенном им определении содержится ссылка на учреждение и орган государства, как на субъекты ответственности, но в общем контексте такая ссылка не вытекает из всей концепции автора.

Наконец, нельзя не указать и на некоторую непоследовательность позиции В. М. Горшенева. С одной стороны, категория ответственности «сводится, главным образом, к собственному состоянию личности индивида, представляющего собой объект приложения внешнего принудительного воздействия на нее (личность)», т. е. ответственность является, по логике автора, сугубо внутренним состоянием; с другой — меры государственного принуждения служат «своего рода юридическим эффектом, материализацией ответственности»<sup>1</sup>, что подчеркивает внешний по отношению к личности индивида характер ответственности. Здесь нетрудно заметить противоречие.

Впоследствии В. М. Горшенев стал трактовать юридическую ответственность в качестве одного из компонентов правового статуса (наряду с субъективным правом и обязанностью). «Допуская известную аналогию с субъективным правом и юридической обязанностью, беря за основу их формально-нормативный характер и одновременно учитывая специфическое назначение юридической ответственности, последнюю можно определить как вид и меру принудительного претерпевания правонарушителем лишения

<sup>1</sup> В. М. Горшенев, указ. статья, стр. 41.

благ, непосредственно ему принадлежащих»<sup>1</sup>. Исходя из такой трактовки юридической ответственности, он выделяет два относительно самостоятельных ее понятия: статутную ответственность как вообще закрепленную законодательством и субъективную ответственность как возникающую при наличии конкретного правоотношения. Юридическая ответственность, по мнению автора, как и, например, субъективное право, может быть рассмотрена в плане стадий осуществления: 1) стадия общего состояния; 2) стадия привлечения к ответственности; 3) стадия установления ответственности и 4) стадия реализации<sup>2</sup>. Но это лишь «формально-нормативный аспект» ответственности. Уточняя его с точки зрения интеллектуально-волевого содержания, автор вновь подчеркивает, что юридическая ответственность есть «признаваемая государством способность лица... отдавать отчет о своем противоправном деянии и претерпевать на себе меры государственно-принудительного воздействия в форме лишения благ, непосредственно ему принадлежащих»<sup>3</sup>.

О неправильности последнего утверждения уже говорилось. Что касается трактовки ответственности в «формально-нормативном аспекте», то тут необходимо иметь в виду следующее. Юридическая ответственность, безусловно, выступает и как «статутная» (как правовой институт уголовной, административной и т. п. ответственности, как совокупность правовых предписаний, определяющих вид, меру, условия и порядок применения государственного принуждения в отношении лиц, допустивших нарушения законности), и как «субъективная» (как конкретное правовое отношение).

Юридическая ответственность имеет и другие «обличия», в которых на первый план выступает не правовая форма, а ее социальное содержание. Но сейчас речь не об этом, а о том, правильно ли юридическую ответственность в ее правовых формах считать компонентом право-

<sup>1</sup> В. М. Горшенев, Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства, автореферат докт. дисс., Свердловск, 1969, стр. 13:

<sup>2</sup> См. там же, стр. 13—14.

<sup>3</sup> Там же, стр. 13.



вого статуса, угодоблять субъективному праву и юридической обязанности. На наш взгляд, без существенных оговорок этого делать нельзя. Во-первых, правовой статус — категория, имеющая отношение лишь к гражданам. Что касается органов государства и т. п., то их общее правовое положение, в том числе общие права привлекать к ответственности или общие обязанности нести ее, входят в категорию компетенции. Во-вторых, только очень немногие советские авторы включают в правовой статус конкретные субъективные права и обязанности граждан. Правовой статус (правовое положение) у всех граждан одинаковый (это одно из выражений их равноправия), а сумма конкретных субъективных прав и обязанностей разная (в зависимости от возраста, семейного положения, рода работы, совершения или не совершения определенного правонарушения и т. д.). В-третьих, юридическая ответственность конкретного лица не есть одно субъективное право или одна юридическая обязанность. Тут всегда имеется сложное правовое отношение, в котором как на стороне органа, привлекающего к ответственности, так и на стороне лица, привлекаемого к ответственности, есть сумма взаимокорреспондирующих прав и обязанностей. В-четвертых, лишь некоторые авторы находят стадии осуществления субъективного права; большинство авторов не признают стадий осуществления субъективных прав или прав, из которых складывается правовой статус. *Юридическая ответственность в ее правовом опосредствовании имеет, таким образом, отношение и к компетенции, и к правовому статусу личности, и к субъективному праву и юридической обязанности, но ни к одной из этих правовых категорий не относится полностью.*

*Внешний, не зависящий от воли правонарушителя характер ответственности — это лишь одно из проявлений государственно-принудительной природы юридической ответственности. Другое ее проявление состоит в том, что, используя институт правовой ответственности; государство причиняет правонарушителю указанные в законе лишения, принуждает его к исполнению требований права, оказывает воздействие на других неустойчивых лиц, заставляя их подчиниться правовым предписаниям хотя бы из страха и нежелания подвергнуться возможным в случае правонарушения ограничениям.*

Юридическая ответственность имеет государственно-принудительный характер не только по своему содержанию (отрицательной реакции государства, а в его лице и общества на противоправный поступок), но и по своей форме.

В подавляющем большинстве случаев юридическая ответственность (уголовная, административная, дисциплинарная, частично — гражданско-правовая) без особой деятельности государственных органов по обнаружению, разбирательству и разрешению дела о противоправном деянии невозможна. Связано это с тем, что большинство юридических санкций представляют собой указания на меры государственного принуждения, которые применяются в качестве кары за совершенное правонарушение. В интересах справедливости и законности такие санкции не могут быть применены без установления факта правонарушения, вины лица и многих других обстоятельств, влияющих на его ответственность. Отсюда — строгая правовая регламентация компетенции государственных органов по рассмотрению соответствующих разновидностей правонарушений, четкое определение порядка исследования обстоятельств дела, разрешения его по существу, исполнения актов о применении санкций и т. п. В то же время необходимость в специальной деятельности государственных органов для осуществления юридической ответственности диктуется тем, что эти санкции должны быть именно применены к нарушителю кем-то другим. Они представляют собой причинение лицу определенных лишений личного, имущественного, организационного порядка и т. п. Причинить же их нарушитель сам себе не может (объявить порицание, выговор, предупреждение, сослать или выслать, лишить свободы или оштрафовать и т. д.); это могут сделать только лицо или организация, обладающие необходимой властью и способные принудительно осуществить такие лишения (когда это требуется по их характеру), т. е., как правило, специальный государственный орган.

Однако не исключены случаи, когда реализация правовой ответственности происходит без специальной деятельности государственного аппарата. Это особенно характерно для осуществления гражданско-правовой ответственности, а также ответственности по трудовым правоотношениям.

Особенность ответственности в гражданском праве состоит в том, что в договорных отношениях сам контрагент в ряде случаев может применить к правонарушителю установленную в законе либо договоре санкцию, не прибегая к помощи судебных или иных государственных органов<sup>1</sup>. Иногда правонарушитель может сам признать противоправность поведения и без вмешательства соответствующих государственных органов нести правовую ответственность. В качестве примера сошлемся на практику договорных отношений между государственными хозяйственными органами. Здесь уже в течение многих лет практикуется добровольное удовлетворение (в том числе путем возмещения убытков, уплаты неустойки) бесспорных претензий контрагентов. Внедрению этой практики всемерно способствует законодательство, которое не допускает принятия арбитражем к своему рассмотрению споров до того, как стороны сами не попытаются уладить данный спор в претензионном порядке. Содействует этому и арбитраж, который осуждает хозяйственных руководителей, передающих явно безнадежный спор в арбитраж только для того, чтобы иметь на будущее формальное оправдание выплаты денег<sup>2</sup>.

В качестве другого примера можно указать на возмещение причиненного рабочему или служащему вреда в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1961 г. «О порядке рассмотрения споров о возмещении предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой». Этим Указом установлено, что в случае причинения по вине предприятия, учреждения, организации рабочему или служащему увечья либо иного повреждения здоровья, связанного с его работой, возмещение причиненного рабочему или служащему ущерба производится по решению администрации соответствующего предприятия, учреждения, организации. Если заинтересованное лицо не согласно с решением администрации, спор рассматривается ФЗМК, а если заинтересован-

<sup>1</sup> См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, изд-во ЛГУ, 1955, стр. 10.

<sup>2</sup> См. Р. Ф. Каллистратова, Претензионный порядок разрешения споров между социалистическими организациями, Госюр-издат, 1963.

ное лицо или администрация не согласны с решением ФЗМК, спор рассматривается районным (городским) народным судом. Иначе говоря, в обычных бесспорных случаях юридическая санкция «применяется» нарушителем самим к себе. Он исполняет ее без какой-либо специальной деятельности по рассмотрению дела и т. д. со стороны иных государственных органов.

Кроме того, — и это особенно важно для характеристики юридической ответственности в советском обществе на современном этапе его развития — как карательные, так и праввосстановительные санкции иногда применяются не специальными государственными органами, а общественными организациями, их органами, органами общественности. Именно с этим мы встречаемся в случаях дисциплинарной ответственности колхозников, применения штрафов и иных юридических санкций техническими инспекторами профсоюзов, разрешения трудовых споров, связанных с нарушениями законности, фабрично-заводскими и местными комитетами профсоюзов, применения штрафа и возложения обязанности возместить причиненный противоправными действиями ущерб до 50 руб. товарищескими судами и т. п.

Хотя во всех рассмотренных случаях ответственность правонарушителя осуществляется без специальной деятельности соответствующих государственных органов, тем не менее здесь тоже имеет место государственное принуждение к исполнению требований советского права, приводимое в действие фактом реализации санкций. Это вытекает из того, что вид и мера принуждения на случай правонарушения устанавливаются государством, процесс осуществления его находится под контролем государства, а действия контрагента, правомерно применяющего санкцию, или действия общественного органа по возложению на правонарушителя ответственности пользуются поддержкой и защитой государства. В случае же необходимости оно может применить соответствующую санкцию принудительно.

В государственно-принудительном характере выражается суть, содержание юридической ответственности, рассматриваемой со стороны того, перед кем отвечает лицо, совершившее противоправный поступок.

Эта черта ответственности и тех мер, в применении которых она выражается, не всегда учитывается неко-

торыми авторами. Так, Б. С. Утевский оспаривал правильность трактовки уголовного наказания в условиях социалистического общества только как меры принуждения и считает, что о нем следует говорить, как о мере принуждения и воспитания. При этом он ссылается на то, что В. И. Ленин, признавая невозможность существования норм права без аппарата, способного принуждать к их соблюдению, считал даже для государства диктатуры пролетариата характерным соединением принуждения и убеждения; тем более это верно в общенародном государстве<sup>1</sup>.

Постановка вопроса в такой плоскости представляется нам неправильной. Во-первых, нельзя указания о методах деятельности социалистического государства в целом переносить на каждый государственный орган. В механизме социалистического государства есть звенья, специфичным для которых является принуждение. «Нам нужно государство, нам нужно принуждение, — писал В. И. Ленин. — Органом пролетарского государства, осуществляющего такое принуждение, должны быть советские суды»<sup>2</sup>. Во-вторых, убеждение и принуждение нельзя рассматривать в одной плоскости с воспитанием. Воспитание есть цель, а убеждение, поощрение, пример и т. д. — средства. Одним из таких средств является государственное принуждение к исполнению требований советского права. Указав, что суды есть органы принуждения, В. И. Ленин тут же подчеркивает, что на них ложится промадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине.

Ответственность, как мы увидим далее, служит целям не только воспитания, но и охраны социалистического правопорядка; в свою очередь обе они охватываются целью обеспечения победы коммунизма и, кроме того, проявляются в более конкретной цели — предупреждении правонарушений. Способность юридической ответственности служить столь многим творческим целям объясняется особыми свойствами государственного принуждения при социализме. Но содержание явления нельзя смешивать с целями, которым оно служит, а тем более

<sup>1</sup> См. Б. С. Утевский, «Некоторые вопросы дальнейшего развития теории уголовного права, «Советское государство и право» 1963 г. № 6, стр. 39—40.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 163.

включать в него лишь одну из целей; как это делает Б. С. Утевский. Впрочем, через несколько страниц он сам отмечал, что кара, будучи необходимой формой принуждения, служит вместе с тем одним из средств исправления и перевоспитания<sup>1</sup>. Это суждение верно, но оно не означает, что средство (его содержание, его необходимую форму) можно смешивать с целями, которым оно служит.

По другим основаниям, но в общем такую же точку зрения отстаивает Д. И. Бернштейн. В случаях, когда к лицам, совершившим небольшие по степени общественной опасности правонарушения, применяются не меры государственного принуждения и не заменяющие их меры общественного воздействия, а только меры государственного убеждения, эти лица, по его мнению, вовсе не освобождаются от юридической ответственности. Меры убеждения (при успешном их применении) влекут за собой отрицательные для правонарушителя последствия. Они выражаются в его переживаниях в связи с осознанием им вредности, порочности своего поведения, в появлении чувства стыда, раскаяния и т. д. Таким образом, ответственность за нарушение социалистических правовых норм, с точки зрения автора, при определенных условиях может быть выражена в применении к правонарушителю мер государственного убеждения.

При ином понимании, полагает Д. И. Бернштейн, получается, что у нас нет неотвратимости юридической ответственности, которой требовал Ленин<sup>2</sup>. Здесь Д. И. Бернштейн, как и Б. С. Утевский, недооценивает того, что убеждение и принуждение — разные средства воспитания. Правонарушитель может исправиться, глубоко пережить свое нарушение под влиянием одного лишь убеждения, увещевания и т. д. Но из этого ни в коем случае не следует, что убеждение есть юридическая ответственность. Одни и те же цели достигаются этими различными средствами по-разному: принуждением — путем навязывания нарушителю чужой воли, убеждением — путем та-

<sup>1</sup> См. Б. С. Утевский, Некоторые вопросы дальнейшего развития теории уголовного права, «Советское государство и право» 1963 г. № 6, стр. 42.

<sup>2</sup> См. Д. И. Бернштейн, Понятие ответственности за нарушение социалистических правовых норм и вина как неперемное условие ответственности, автореферат канд. дисс., Ташкент, 1964, стр. 10—12.

кого воздействия, при котором чужая воля так доводится до другого лица, что добровольно и сознательно становится для последнего его волей. Таким образом, утверждение о том, что правовая ответственность может быть выражена в применении мер государственного убеждения, ведет к смешению двух различных методов государственного руководства обществом — убеждения и принуждения.

3. Юридической ответственности неразрывно связана с государственным принуждением, но не со всяким, а лишь с государственным принуждением к исполнению требований советского права. В широком смысле такое принуждение есть многогранная и сложная деятельность компетентных государственных органов по охране права от нарушений. Она состоит в: а) наблюдении за правомерностью поведения участников общественных отношений; б) исследовании обстоятельств деяний, в которых обнаружены признаки неправомерности; в) рассмотрении дел о противоправных деяниях по существу, применении юридических санкций и исполнении актов применения. На первых двух стадиях возможно только привлечение к юридической ответственности. Последняя же как раз и состоит в истребовании государством от правонарушителя отчета в совершенном противоправном деянии, в государственном осуждении этого правонарушителя, если есть его вина, в применении к нему юридической санкции и исполнении акта применения. Юридическая ответственность, рассматриваемая со стороны органов, которые ее осуществляют, — лишь иное наименование заключительной, наиболее серьезной стадии государственного принуждения к исполнению требований советского права. Эту стадию можно кратко назвать стадией реализации юридических санкций.

Понимание юридической ответственности в целом как реализации правовых санкций правильно. Оно охватывает подавляющее большинство случаев юридической ответственности и верно отражает содержание этой ответственности, рассматриваемой со стороны лица, которое ее несет. К. Маркс отождествлял безответственность за нарушение закона с безнаказанностью<sup>1</sup>, а В. И. Ленин

<sup>1</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 329; т. 19, стр. 236.

трактовал ответственность за неисполнение закона как кару за его нарушение<sup>1</sup>.

Но что значит реализация правовой санкции? Это не просто потеря во мнении людей, как в подавляющем большинстве случаев моральной ответственности, и лишь иногда (плюс к тому) претерпевание определенных неблагоприятных организационно-политических мер (отзыв, выведение из состава руководящего органа, исключение из организации) или мер общественного воздействия, не совпадающих с общественным осуждением (принести извинение и т. п.). Для юридической ответственности характерно то, что виновный теряет в глазах государства, компетентных государственных органов, выступает как нарушитель государственной дисциплины. Этим, конечно, не исключается и потеря во мнении общества, окружающих, ибо одним из важнейших принципов социалистической нравственности является неуклонное соблюдение советских законов; всякое правонарушение аморально и влечет осуждение виновного обществом. Но специфика юридической ответственности заключается в том, что правонарушитель испытывает именно государственное порицание. Иногда юридическая ответственность этим исчерпывается, особенно дисциплинарная ответственность рабочих и служащих. Однако в подавляющем большинстве случаев лишения, которые претерпевает несущий юридическую ответственность, этим не ограничиваются.

Обычно к государственному порицанию присоединяется претерпевание лицом определенных личных, имущественных, организационных и иных лишений (арест, лишение свободы, штраф, возмещение причиненного вреда, лишение водительских прав и т. п.). Эти лишения таковы, что осуществить их можно, как правило, лишь с помощью специального государственного аппарата, в то время как меры принуждения, которые применяются общественностью, представляют собой разовое принуждение, для осуществления которого не нужен особый аппарат, готовый в любой момент силой воздействовать на нарушителя<sup>2</sup>. В претерпевании порицания и иных лише-

<sup>1</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 177.

<sup>2</sup> См. В. М. Савицкий, Участие общественности в борьбе с правонарушениями и гарантии социалистической законности, «Советское государство и право» 1963 г. № 5, стр. 83.



ний и состоит государственный характер юридической ответственности, рассматриваемой с позиции несущего такую ответственность.

Подчеркивая государственно-принудительный характер правовой ответственности, следует одновременно учитывать, что эта ответственность и государственное принуждение — разные по объему понятия. Не являются юридической ответственностью меры принуждения, применяемые не за противоправное поведение лица (реквизиция, принудительное лечение и т. п.) или хотя бы в связи с его неправомерным поведением, но до разрешения дела по существу (задержание подозреваемого, меры пресечения уклонения лица от следствия и суда). Эти положения для нашей науки почти бесспорны<sup>1</sup>.

В чем же состоит государственное принуждение, когда оно применяется именно за противоправное деяние?

Существует мнение, что меры правовой ответственности заключаются либо в замене неисполненной обязанности новой обязанностью, либо в лишении права, из которого вытекает нарушенная обязанность, либо в присоединении к нарушенной обязанности новой обязанности<sup>2</sup>. Сторон-

<sup>1</sup> Однако еще и теперь у нас иногда объявляются юридическими санкциями принудительные меры медицинского характера и некоторые другие подобные меры (см., например, Д. И. Бернштейн, указ. работа, стр. 8). Вместе с тем некоторые авторы вообще считают, что применение государственного принуждения при отсутствии правонарушения по советскому праву невозможно. С их точки зрения, например, реквизиция есть не мера принуждения, а просто обязывающая граждан правовая норма, которая хотя и ограничивает в какой-то степени их интересы, но выполняется большинством добровольно (см., например, Д. Н. Бахрах, Административная ответственность, Пермь, 1966, стр. 10—15; М. С. Студеникина, Соотношение административного принуждения и административной ответственности, «Советское государство и право» 1968 г. № 10, стр. 20 и сл.).

<sup>2</sup> См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, стр. 14; А. Н. Арзамасцев, Охрана социалистической собственности по советскому гражданскому праву, изд-во ЛГУ, 1956, стр. 75—76; Б. С. Антимонов, Основания договорной ответственности социалистических организаций, Госюриздат, 1962, стр. 14 и сл.; Е. А. Клецов и В. Г. Малов, Материальная ответственность рабочих и служащих на предприятии, «Юридическая литература», 1968, стр. 6 и сл.; Н. С. Малейн, Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях, «Наука», 1968, стр. 12.

ники этого мнения замечают, очевидно, что при такой трактовке юридической ответственности нельзя понять, например, дисциплинарной ответственности рабочих и служащих. Поэтому вскользь признается, что отрицательные последствия выражаются и в одном лишь факте применения мер государственного принуждения<sup>1</sup>. Вместе с тем явно вопреки указанной оговорке принудительное исполнение невыполненной обязанности и т. п. не считается юридической ответственностью<sup>2</sup>.

На наш взгляд, такое понимание юридической ответственности слишком узко. Вытекает оно из узкого понимания правовых санкций, в применении которых и заключается юридическая ответственность. Даже к карательным санкциям, связанным с причинением лицу определенных страданий, относятся не только такие, которые выражаются в лишении или ограничении определенных прав, благ правонарушителя или в возложении на него специальных, «штрафных» обязанностей, означающих умаление правовой сферы лица (ссылка, высылка, лишение права занимать определенные должности, лишение родительских прав, конфискация имущества, лишение свободы, исправительные работы, штраф, перевод на нижеоплачиваемую работу, административный арест, административное выселение и т. п.). Немалая часть карательных санкций состоит лишь во властном осуждении поведения правонарушителя без ограничения его прав или возложения на него специальных обязанностей. Таковы замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение, общественное порицание и аналогичные им меры<sup>3</sup>. Понять реализацию подобных санкций как юридической ответственности (а это, несомненно, юридическая ответственность) с позиции тех, кто связывает данную ответственность только с дополнительными обязанностями или лишением прав, нельзя.

Что касается правовосстановительных санкций, то и они не всегда связаны с заменой невыполненной обязанности другой, с возложением дополнительной обязаннос-

---

<sup>1</sup> См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, указ. работа, стр. 317.

<sup>2</sup> См. там же, стр. 317—318.

<sup>3</sup> См. О. Э. Лейст, Санкции в советском праве, Госюриздат, 1962, стр. 140—141.

ти и т. п. Это присуще таким восстановительным санкциям, как возмещение причиненного вреда, и некоторым другим. Но советское право знает и такую санкцию, как принудительное исполнение обязанности, не выполненной добровольно. Наиболее яркий пример — взыскание по суду алиментов с родителей, не выполняющих своей обязанности по содержанию детей. Никаких дополнительных обязанностей к тем, которые родители имели до момента возложения на них юридической ответственности, не возникает и после присуждения с них алиментов; тем не менее, конечно, это — юридическая ответственность, ибо осуществляется обязанность здесь в результате властно-принудительного вмешательства государства, пресекающего нарушение права и заставившего нарушителя выполнять свою обязанность. Совершенно аналогичное положение имеет место и тогда, когда компетентные органы государства постановляют о выселении лица, самоуправно занявшего площадь в доме местного Совета или ведомства, признают сделку недействительной, принудительно возвращают имущество в натуре из временного владения и пользования, обязывают поставщика передать недопоставленное в очередной срок исполнения или заменить недоброкачественную продукцию качественной, изымают имущество в натуре согласно ст. ст. 152, 153, 473 ГК РСФСР и т. д. Не случайно ст. 6 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик называет среди путей защиты гражданских прав судом, арбитражем или третейским судом восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право, а также присуждение к исполнению обязанности в натуре.

Когда имеется применение правовых санкций, в том числе предусмотренных ст. 6 Основ, есть и юридическая ответственность. И не нужно думать, что здесь нет лишения для лица, несущего ответственность. Из того, что у него не возникает новых обязанностей и он не теряет тех или иных прав, совсем не следует, что он не несет никаких лишений. Раз его принуждают к исполнению обязанности, значит, с него предварительно спрашивают отчет в совершенном деянии, осуждают его за это деяние, если есть вина, заставляют выполнять правовую обязанность помимо его воли. В то же время несущее ответственность лицо дает отчет в своем поведении перед государ-

ственным органом, теряет во мнении государства и общества, если была его вина, покоряется помимо своей воли властному приказу государства. Представляется поэтому, вопреки имеющемуся мнению<sup>1</sup>, что юридическая ответственность и в этом виде способна предупреждать правонарушения, быть одерживающим юридическим мотивом к тому, чтобы лицо не совершало правонарушения. Сам факт применения государственного принуждения, исполнение обязанности под принуждением помимо воли есть, несомненно, лишение для нарушителя, неблагоприятное для него последствие его противоправного поведения<sup>2</sup>.

Следует иметь в виду, что исполнение обязательства в гражданском праве довольно часто представляет собой именно юридическую ответственность. Для обязательств из причинения вреда, а также для обязательств из неосновательного обогащения, когда последнее является правонарушением, это несомненно. Тут само обязательство есть предусмотренная законом санкция на случай правонарушения, а его исполнение — реализация санкции, юридическая ответственность. Сложнее обстоит дело с так называемыми договорными обязательствами. Было высказано мнение, что долг и ответственность — два аспекта одного и того же отношения, что они представляют собой единое целое, ибо возникают из одного основания<sup>3</sup>. У договорного обязательства и договорной ответственности единым является только правовое основание (закон, договор, плановый акт и т. д.). Но фактическое основание у договорной ответственности иное: Она возникает лишь в случае неисполнения обязательства<sup>4</sup>. Поэтому в подавляющем большинстве исполнение договорного обязательства не есть юридическая ответственность. Когда же оно добровольно не исполняется, когда обязанная сторона допускает правонарушение и приво-

<sup>1</sup> См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, указ. работа, стр. 318.

<sup>2</sup> Подробнее об этом см. «Вопросы общей теории советского права», Госюриздат, 1960, стр. 340 и сл.

<sup>3</sup> См. М. М. Агарков, Обязательство по советскому гражданскому праву, М., 1940, стр. 44—45.

<sup>4</sup> См. О. С. Иоффе, Советское гражданское право, изд-во ЛГУ, 1958, стр. 436; Б. С. Антимонов, Основания договорной ответственности социалистических организаций, стр. 19—21.

дится в действие аппарат государственного принуждения, тогда исполнение договорного обязательства, хотя бы тут и не применялись какие бы то ни было штрафные и прочие дополнительные правовые меры, превращается в *юридическую ответственность*, ибо становится исполнением под принуждением, неблагоприятным для этой стороны последствием невыполнения ею своих обязанностей добровольно.

Своеобразную позицию по рассматриваемому вопросу занимает С. С. Алексеев. Соглашаясь с тем, что содержанием юридической ответственности является государственное принуждение к исполнению требований права, реализация санкций правовых норм или договоров, он считает, однако, случаи применения санкций, не связанных с *лишениями* личного, организационного или имущественного порядка, т. е. с дополнительными обязанностями и т. д., не юридической ответственностью, а мерами защиты субъективных прав и обеспечения исполнения обязанностей. Принуждение к исполнению возложенной на лицо юридической обязанности или восстановление нарушенного состояния (принудительное взыскание налога, принудительное возвращение вещи собственнику от добросовестного приобретателя и вообще виндикация, привод, задержание, арест, признание акта недействительным, установление алиментных обязательств, раздел общей собственности, расторжение брака и т. д.) есть не юридическая ответственность, а «меры защиты». Автор полагает, что такие меры вряд ли правильно именовать «санкциями», поскольку это приводит к тому, что их реализацию характеризуют как «юридическую ответственность»<sup>1</sup>.

Согласиться с этой позицией нельзя потому, что отрицательное реагирование государства на одни и те же факты, применение государственного принуждения за правонарушения или за объективно противоправные деяния искусственно превращается в явления различного порядка (юридическая ответственность и меры защиты).

<sup>1</sup> См. С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. 2, стр. 184 и сл. Эта идея с теми или иными модификациями получила развитие уже в ряде работ. См., например, С. Н. Кожесвинов, Меры защиты в советском праве, автореферат канд. дисс., Свердловск, 1968; В. Д. Ардашкин, Меры защиты (пре-сечения) в советском административном праве, автореферат канд. дисс., Томск, 1968.

Мы уже не говорим об условности выделения юридической ответственности и средств защиты потому, что, как мы увидим далее, одна из непременных основных целей юридической ответственности (связана она с дополнительными лишениями или нет) состоит в охране социалистического правопорядка, обеспечении исполнения юридических обязанностей и неуклонной реализации прав участников общественных отношений. Что же касается приводимых С. С. Алексеевым в обоснование своей точки зрения примеров, то многие из них, как представляется, приняты быть не могут. Расторжение брака, раздел общей собственности, хотя и осуществляются по постановлению суда, никакого отношения ни к юридической ответственности, ни к «мерам защиты» не имеют, ибо в их основе лежат не правонарушения или объективно противоправные деяния и они предусмотрены не санкциями, а диспозициями юридических норм. Личное задержание, арест и иные меры пресечения, как уже отмечалось, не являются мерами ответственности, так как применяются хотя и в связи с правонарушениями, но до решения вопроса по существу и опять-таки предусмотрены не санкциями, а диспозициями норм права. Остальные примеры, приводимые С. С. Алексеевым, — примеры чистой юридической ответственности, как правило, за объективно противоправные деяния (исключая признание недействительными сделок, заключенных недееспособными), хотя большинство их называть ответственностью не принято (виндикация вещи, особенно у добросовестного приобретателя, привод, признание акта недействительным и т. д.), ибо они представляют собой примеры реализации государством санкций правовых норм, предусмотренных на случай их нарушения.

4. В теории юридической ответственности к числу весьма спорных относится вопрос о моменте ее возникновения. Наибольшую дискуссию эта проблема вызывает среди криминалистов. Ее решение в значительной степени зависит от понимания содержания юридической ответственности.

В юридической литературе, особенно уголовноправовой, весьма распространен взгляд на правовую ответственность как на обязанность отвечать за совершенное правонарушение, претерпевать меры государственно-при-

нудительного воздействия в форме лишения личного или имущественного характера и т. п. Эту точку зрения разделяют С. С. Алексеев, Я. М. Брайнин, В. И. Курляндский, Н. С. Лейкина, А. А. Пионтковский<sup>1</sup> и др. В последнее время к ней присоединился и М. Д. Шаргородский<sup>2</sup>.

Данная обязанность (юридическая ответственность) рассматривается как элемент правоотношения. В связи с этим момент ее наступления связывается с моментом возникновения материального охранительного правоотношения. При таком понимании правовой ответственности можно прийти к выводу, что юридическим фактом, служащим основанием возникновения охранительного правоотношения и обязанности правонарушителя отвечать за свое противоправное поведение, является само правонарушение. Некоторые авторы делают такой вывод, считая, что субъект несет юридическую ответственность с момента правонарушения<sup>3</sup>.

Трактовка ответственности как обязанности представляется нам неудачной. Основываясь на ней, пришлось бы признать, что правовая ответственность существует и

<sup>1</sup> См. С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. 2, стр. 182 и сл.; Я. М. Брайнин, Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, стр. 25—26; В. И. Курляндский, Уголовная ответственность и меры общественного воздействия, «Юридическая литература», 1965, стр. 20; Н. С. Лейкина, указ. работа, стр. 25; А. А. Пионтковский, О понятии уголовной ответственности, «Советское государство и право» 1967 г. № 12, стр. 40 и сл. Нужно заметить, что в своей более поздней работе Я. М. Брайнин говорит уже о том, что ответственность представляет собой реализацию предусмотренной законом обязанности юридического или физического лица подлечь действию санкций правовых норм за свое противоправное деяние, что является само по себе существенным уточнением («Уголовный закон и его применение», «Юридическая литература», 1967, стр. 82).

<sup>2</sup> См. М. Д. Шаргородский, указ. статья, стр. 46; «Курс советского уголовного права», часть Общая, т. 1, стр. 217. Ранее вместе с О. С. Иоффе он определял ответственность по советскому социалистическому праву как меру государственного принуждения, основанную на юридическом и моральном осуждении поведения правонарушителя и выражающуюся в установлении для него определенных отрицательных последствий в форме ограничений личного или имущественного порядка («Вопросы теории права», стр. 318).

<sup>3</sup> См., например, А. А. Пионтковский, О понятии уголовной ответственности, «Советское государство и право» 1967 г. № 12, стр. 41.

тогда, когда правонарушитель не установлен, когда он избегает применения к нему санкций и не претерпевает никаких лишений за свое противоправное поведение<sup>1</sup>. Важнейший принцип ответственности по советскому социалистическому праву — принцип неотвратимости ответственности правонарушителя — теряет смысл и становится излишним.

Чтобы избежать вывода, к которому приходит В. И. Курляндский, Я. М. Брайнин, отстаивающий такое же понимание уголовной ответственности, переносит момент возникновения обязанности дать ответ перед компетентным органом государства на момент привлечения конкретного лица к ответственности. Однако для этого ему приходится корректировать общую теорию правоотношения (юридические факты сами по себе не порождают правоотношения и т. д.)<sup>2</sup>.

Мнение о том, что ответственность правонарушителя наступает с момента правонарушения, не находит подтверждения в законодательстве и, более того, не соответствует ему. Это особенно четко видно на примере уголовного законодательства. Согласно ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления. Право же признать конкретное лицо виновным в совершении преступления принадлежит лишь суду (ст. 7 Основ уголов-

<sup>1</sup> Такой вывод делает В. И. Курляндский. Касаясь уголовной ответственности, он пишет: «Данная ответственность как обязанность отвечать существует фактически и в том случае, когда совершившему преступление лицу в течение длительного времени (а, возможно, и вообще) удается уклониться от следствия и суда. Здесь, таким образом, в связи с совершением преступного акта обязанность нести уголовную ответственность возникает, но она остается не реализованной» (указ. работа, стр. 20—21). Складывается любопытное положение: ответственность существует, но она остается нереализованной. См. также «Курс советского уголовного права», часть Общая, т. I, стр. 237.

<sup>2</sup> См. Я. М. Брайнин, Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, стр. 23; А. Е. Наташев и Н. А. Стручков также считают, что предъявление обвинения и есть привлечение к уголовной ответственности. Все последующее производство по делу: дознание, предварительное следствие, производство в суде, наказание лица, совершившего преступление (назначение наказания), — не что иное, как уголовная ответственность (см. «Основы теории исправительно-трудового права», «Юридическая литература», 1967, стр. 8).



ного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Следовательно, закрепленная советским уголовным правом презумпция невиновности означает не только то, что бремя доказывания вины лица в совершении преступления лежит на соответствующих государственных органах<sup>1</sup>, но и то, что до суда никто не может быть признан виновным и нести уголовную ответственность.

Что касается других видов правовой ответственности, то и здесь она наступает лишь после установления факта правонарушения и выражается в причинении нарушителю определенных в законе или договоре лишений.

Своеобразную, хотя и неприемлемую, на наш взгляд, точку зрения на содержание правовой ответственности и момент, с которого она начинается, высказал Б. Т. Базылев. По его мнению, «правовая ответственность — это динамическое правоотношение, возникающее из факта правонарушения, между государством (а также обладателем нарушенного субъективного права) и правонарушителем, представляющее собой диалектическое единство правовой формы — права компетентных органов государства требовать восстановления нарушенного общественного отношения и применять меры государственного воздействия к виновному правонарушителю и обязанности последнего подчинить свое поведение этим требованиям — и содержания — фактических действий сторон по реализации своих субъективных прав и обязанностей»<sup>2</sup>.

Б. Т. Базылев считает, что правовая ответственность с момента возникновения и до момента своего прекращения проходит три стадии: 1) стадию становления, первоначального развития; 2) стадию конкретизации; 3) стадию реализации<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См. А. А. Пионтковский, О понятии уголовной ответственности, «Советское государство и право» 1967 г. № 12, стр. 44.

<sup>2</sup> Б. Т. Базылев, Юридическая ответственность, санкции правовых норм и государственное принуждение, «Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов», Томск, 1966, стр. 6; его же, Понятие юридической ответственности, «Ученые записки Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева» № 66, «Вопросы теории и истории государства и права и государственного строительства», Томск, 1967, стр. 20.

<sup>3</sup> Сходную позицию применительно к уголовноправовой ответственности занимает Н. С. Лейкина (см. указ. работа, стр. 31 и сл.).

По основаниям, указанным выше, мы не можем согласиться с тем, что правовая ответственность возникает до установления факта правонарушения компетентными органами государства, должностными лицами или признания его сторонами в договоре либо в обязательстве из причинения вреда, как это имеет место в области гражданско-правовой ответственности.

Кроме того, выделяя стадии становления, конкретизации и реализации правовой ответственности, автор допускает, на наш взгляд, неоправданную криминализацию общего понятия юридической ответственности. Перечисленные стадии наводят на мысль о стадиях уголовного процесса. Особенно отчетливо такая криминализация проявляется при характеристике автором самих стадий<sup>1</sup>. Помимо того, что границы этих стадий (в первую очередь — стадий становления и конкретизации) трудно определимы, следует отметить фактическое отсутствие указанных стадий при возложении других (кроме уголовной) видов правовой ответственности. Выделение подобных стадий не оправдано и практически.

Недостаточно последовательную позицию по рассматриваемому вопросу занимает В. Г. Смирнов. Он считает, что обязанность субъекта преступления претерпевать меры государственного воздействия, обязанность восстановить ущерб, причиненный правонарушением (правовая ответственность), появляются с момента правонарушения, но само материальное уголовно-правовое отношение (элементом которого, казалось бы, и является данная обязанность) возникает, по его мнению, лишь с момента вынесения судом обвинительного приговора, а до этого момента между лицом, совершившим преступление, и соответствующими государственными органами существует уголовно-процессуальное отношение<sup>2</sup>. Получается,

<sup>1</sup> См. Б. Т. Базылев, указ. работа, стр. 25.

<sup>2</sup> См. В. Г. Смирнов, *Функции советского уголовного права*, стр. 157—159. Н. И. Загородников тоже полагает, что сначала (с момента преступления до вынесения обвинительного судебного приговора) имеет место уголовно-процессуальное отношение, а на более поздней стадии (с вынесением обвинительного приговора) появляется уголовно-правовое отношение, но в отличие от В. Г. Смирнова он относит начальный момент уголовной ответственности к моменту вынесения обвинительного приговора (см. «О пределах уголовной ответственности», «Советское государство и право»

что правовая ответственность наступает раньше, чем возникает материальное охранительное правоотношение.

Непоследовательность здесь заключается, на наш взгляд, в следующем. Если исходить из позиции автора, что обязанность отвечать за свои действия возникает с момента правонарушения, то логично признать, что с этого момента возникает и уголовноправовое отношение, которое развивается в определенных процессуальных формах. Если же утверждать, как это делает автор, что материальное правоотношение возникает после вынесения судом обвинительного приговора, то пришлось бы признать, что с этого момента возникает и обязанность правонарушителя нести ответственность за своё противоправное поведение.

Общим недостатком рассмотренных точек зрения является отождествление юридической ответственности либо с охранительным правоотношением в целом, либо с одним из элементов его — обязанностью правонарушителя отвечать, претерпевать лишения за противоправное деяние. Поэтому отправной точкой в исследовании соотношения охранительного правоотношения и юридической ответственности должно быть признание того, что эти правовые явления не совпадают, что возникающие в результате неправомерного поведения правоохранительное отношение и юридическая ответственность, будучи тесно связаны между собой, имеют тем не менее и существенные различия<sup>1</sup>.

Возникая с момента правонарушения, охранительное правоотношение проходит в своем развитии две стадии: от объективного факта правонарушения до установления его компетентными государственными органами, должностными лицами либо признания сторонами в договоре или обязательстве из виновного причинения вреда (пер-

---

1967 г. № 7, стр. 44—46; его же, Давность уголовного преследования и ее сроки, «Социалистическая законность» 1967 г. № 2, стр. 33—34).

<sup>1</sup> О недопустимости отождествления правовой ответственности с охранительными правоотношениями см. С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. 2, стр. 189—192. См. также И. М. Гальперин, Рецензия на кн. В. И. Курляндского «Уголовная ответственность и меры общественного воздействия» («Юридическая литература», 1965), «Советское государство и право» 1966 г. № 6; К. Ф. Тихонов, указ. работа, стр. 39.

вая стадия) и с момента вынесения решения о возложении юридической ответственности или применения контрагентом обусловленных в законе либо договоре санкций до момента реализации правовой ответственности (вторая стадия).

*Следовательно, охранительное правоотношение порождается самим правонарушением; юридическая ответственность возникает лишь после установления объективного факта правонарушения (его признания) компетентными органами или лицами.*

На первой стадии (ее условно можно назвать стадией разбирательства) основным содержанием охранительного правоотношения является установление факта правонарушения, его объективных и субъективных признаков, правонарушителя (физического или юридического лица). Возможное (дозволенное) поведение управомоченного состоит здесь в истребовании отчета о противоправном деянии у лица, в отношении которого есть основания предполагать, что оно является субъектом правонарушения, в сборе необходимых для установления объективной истины доказательств, в применении соответствующих мер пресечения и обеспечения. Для осуществления указанных действий управомоченная сторона наделяется субъективными правами, одновременно на нее возлагается ряд обязанностей, регламентирующих указанную деятельность.

Должное поведение обязанного заключается в том, чтобы дать отчет в противоправном поведении, если иное не предусмотрено законом, претерпевать применяемые на законном основании меры пресечения и обеспечения. С этой целью на обязанное лицо возлагаются определенные субъективные обязанности. Ему предоставляются и соответствующие правомочия.

Наделение сторон в правоохранительном отношении на стадии разбирательства совокупностью взаимных субъективных прав и обязанностей преследует достижение основной цели правоохранительного отношения на этой стадии — установления объективной истины (наличия или отсутствия факта правонарушения и виновного лица).

На второй стадии развития охранительного правоотношения (ее условно можно назвать стадией возложения и реализации юридической ответственности) основным

содержанием является осуществление ответственности правонарушителя. Здесь одна сторона, возлагающая правовую ответственность, осуждает правонарушителя, если есть его вина, применяет к нему предусмотренные законом или договором санкции, причиняет ему определенные лишения личного, имущественного или организационного характера. Для другой стороны — правонарушителя — юридическая ответственность означает претерпевание<sup>1</sup> им определенных лишений, неблагоприятных последствий своего противоправного поведения.

После установления компетентными органами и лицами факта противоправного поведения и всех относящихся к нему обстоятельств у сторон правоотношения возникают новые правомочия и субъективные обязанности. По отношению к правонарушителю управомоченная сторона наделяется правом применить меры ответственности. Эти меры должны применяться в установленном законом порядке и в соответствии с характером и степенью общественной вредности правонарушения, а при возложении некоторых видов правовой ответственности — и с учетом личности правонарушителя.

Обязанность претерпеть меры ответственности лежит на правонарушителе. Это — основная обязанность, характеризующая его положение в качестве стороны, несущей ответственность. Однако он как сторона в правоотношении имеет и некоторые права. Прежде всего правонарушитель вправе ожидать и требовать осуществления только таких мер ответственности, которые могут быть согласно законодательству применены за совершенное им противоправное деяние. Он может требовать соразмерности ответственности. Кроме того, ему предоставлено законодательством право обжаловать в соответствующие государственные органы решение о возлагаемой на него ответственности и некоторые другие права.

Как видно, между двумя стадиями охранительного правоотношения существуют значительные различия. Но это не дает основания разрывать их. При всем различии стадия разбирательства и стадия возложения и реализации юридической ответственности характеризуются и

---

<sup>1</sup> На претерпевание как на разновидность должного поведения в охранительном правоотношении указывает С. С. Алексеев («Общая теория социалистического права», вып. 2, стр. 104, 135).

внутренним единством. Обе стадии так или иначе связаны с юридической ответственностью, причем если первая является необходимой предпосылкой возложения ответственности, то в рамках второй стадии происходит ее реализация. На обеих стадиях охранительное правоотношение выполняет единую функцию обеспечения правопорядка. Рассматриваемое правоотношение и на той и на другой стадиях характеризуется также единством субъектного состава.

Таким образом, юридическая ответственность и охранительное правоотношение — не совпадающие понятия. Ответственность правонарушителя имеет место лишь на определенной стадии в развитии правоотношения. Применение к правонарушителю юридических санкций, в том числе наказания, не является какой-то отдельной стадией осуществления правовой ответственности. В этом применении состоит вся правовая ответственность. Она наступает после признания факта правонарушения и виновного в нем субъекта или объективно противоправного деяния и его субъекта компетентными органами и лицами, выражается в причинении правонарушителю определенных лишений и ограничений личного, имущественного или организационного характера и заканчивается их реализацией.

Положение о том, что юридическая ответственность возникает с момента признания факта правонарушения и установления лица, его совершившего, отнюдь не противоречит правильному положению о том, что единственным в принципе ее основанием в советском обществе является совершение правонарушения. Из этого положения лишь следует, что основанием ответственности конкретного лица является не просто правонарушение, а установленное правонарушение с его стороны. Пока наличие в деянии конкретного лица конкретного правонарушения не установлено, ответственность этого лица невозможна.

ОСНОВАНИЕ  
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ  
В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

1. Проблема основания ответственности занимает одно из ведущих мест в теории правовой ответственности. Ее значение определяется непосредственной связью института ответственности с государственным осуждением и принуждением. Характер закрепленного в той или иной системе права основания ответственности служит одним из показателей демократичности или реакционности соответствующего политического режима.

Строгое и неуклонное соблюдение указанного в советском законе основания возложения юридической ответственности является непременной чертой социалистической законности и составляет необходимую гарантию прав и свобод советских граждан, прав и интересов государственных и общественных организаций. Отсутствие такого основания, безусловно, исключает правовую ответственность лица в советском обществе, сохраняя в неприкосновенности его субъективные права.

Существует также тесная связь между точным определением основания ответственности, его применением на практике и принципом равенства субъектов права перед законом. Обоснованное возложение ответственности и исключение такого положения, когда лицо терпит юридическую ответственность при отсутствии закрепленного в правовых нормах основания ответственности, — это одно из проявлений принципа равенства всех перед законом. Если для разных лиц устанавливаются неодинаковые основания ответственности

либо при одинаковом основании одни лица привлекаются к ответственности, а другие (при прочих равных условиях) от нее освобождаются, то происходит нарушение равноправия участников общественных отношений.

2. Под основанием юридической ответственности иногда подразумевается основание права государства на применение принудительных мер к человеку несмотря на то, что его поведение всегда детерминировано (свобода воли человека — основание юридической ответственности)<sup>1</sup>. В других случаях под основанием юридической ответственности понимаются причины, вследствие которых государство устанавливает юридическую ответственность (необходимость особой охраны интересов потерпевшего — основание ответственности за случайное причинение вреда)<sup>2</sup>; цели ответственности (стимулирование надлежащего исполнения планово-договорных обязательств — основание имущественной ответственности)<sup>3</sup> и т. д. Но и тогда, когда этот термин применяется для обозначения именно оснований применения к конкретному лицу мер государственного принуждения к исполнению требований права, он употребляется по крайней мере в двух следующих смыслах. Во-первых, на основании чего лицо может нести юридическую ответственность. В данном смысле говорят о законе, договоре, норме права как основании юридической ответственности<sup>4</sup>. В этих случаях речь идет о правовом основании юридической ответственности. Без запрета того или иного деяния законом, договором и т. д. юридическая ответственность недопустима<sup>5</sup>. Во-вторых, за что лицо может нести юридическую от-

<sup>1</sup> См., например, А. А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, М., 1948, стр. 328.

<sup>2</sup> См., например, С. И. Аскназий, Некоторые вопросы гражданско-правовой ответственности, «Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова», № 151. Серия юридических наук, вып. 4, Вопросы советского права, Л., 1953, стр. 167.

<sup>3</sup> См., например, В. Н. Можейко, Хозяйственный договор в СССР, Госюриздат, 1962, стр. 175—176.

<sup>4</sup> См., например, А. Н. Арзамасцев, указ. работа, стр. 74, 85 и др.

<sup>5</sup> См. Б. С. Антимонов, Основания договорной ответственности социалистических организаций, стр. 29—31.



ветственность. Здесь речь идет уже не о правовом, а о фактическом основании юридической ответственности. Нас в данном случае интересует именно фактическое основание, ибо оно имеет наибольшее практическое значение.

Таким фактическим основанием юридической ответственности в развитом обществе могут быть только действия людей и их организаций, притом не всякие действия, а лишь запрещенные правом. На то, что юридическая ответственность — это ответственность именно за нарушение закона, за противоправное деяние, не раз указывали основоположники марксизма-ленинизма<sup>1</sup>. В «Критике Готской программы» К. Маркс писал: «Замечу, между прочим, что в параграфе относительно нормального рабочего дня забыта та часть фабричного законодательства, которая касается санитарно-гигиенических мероприятий и предохранительных мер против несчастных случаев и прочее. Закон об ответственности вступает в действие лишь тогда, когда нарушаются эти предписания»<sup>2</sup>. Тем более применимо это положение к социалистическому обществу. Подлинный демократизм построения юридической ответственности в социалистическом государстве проявляется, в частности, в том, что она следует лишь за деяние, нарушающее запрет закона. Кроме того, — и в этом состоит еще одно проявление демократизма и гуманизма нашего строя, демократизма и гуманизма юридической ответственности при социализме — не любое отступление от требований закона может влечь ответственность, а, как правило, лишь виновное противоправное деяние, правонарушение.

Именно этого всегда требовали основоположники марксизма-ленинизма — страстные демократы и гуманисты. С певом писал К. Маркс о возложении ответственности на Париж и Центральный Комитет национальной гвардии за инцидент, который произошел помимо их воли (линчевание К. Тома в первый момент

<sup>1</sup> См., например, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 1, стр. 67, 182—183, 411; т. 12, стр. 329, 554; т. 18, стр. 70—71 и др.; В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 201; т. 37, стр. 32; т. 43, стр. 128 и др.

<sup>2</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 32.

народного возмущения, вызванного попыткой разоружить национальную гвардию 18 марта 1871 г.)<sup>1</sup>. В.И. Ленин считал нарушением свободы заключение в тюрьму нескольких десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных; и подчеркивал, что это может быть допустимо только в условиях гражданской войны и оправдано спасением тысяч красноармейцев и рабочих, интересами рабочих в борьбе с контрреволюцией<sup>2</sup>.

Отступления от принципа ответственности только за вину имеются в нашем законодательстве, но их немного. Объясняются они либо тем, что гораздо демократичнее не оставлять некоторые невиновные отступления от закона без последствий, либо тем, что еще не созданы экономические предпосылки для отнесения причиненного объективно противоправными деяниями материального ущерба на счет всего общества или государства. С первыми мы встречаемся в случаях отмены незаконных актов государственных органов или решений общественных организаций и их органов. Один из основных принципов демократии состоит в осуществлении управления общественными делами в точном соответствии с нормой, с законом. Без этого неизбежен произвол или по крайней мере субъективизм. Отступления от этого принципа влекут за собой юридическую ответственность в виде отмены незаконных актов независимо от того, изданы они по умыслу, неосторожности или без вины соответствующего органа. Вторые имеют место в области гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, за вред, причиненный воздушным перевозчиком под влиянием непреодолимой силы.

*Фактическим основанием юридической ответственности в советском обществе является в принципе совершение правонарушения; в некоторых случаях таким основанием может служить объективно противоправное деяние.* Юридическая ответственность невозможна, недопустима за что-либо иное, кроме правонарушения; или, когда это допускается законом, объективно противоправного деяния. Поэтому, во-первых, раскрыть ос-

<sup>1</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 508.

<sup>2</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 295.

нование юридической ответственности — значит раскрыть социальную сущность и юридические признаки правонарушений и объективно противоправных деяний. Во-вторых, неправильно рассматривать вопрос об основании юридической ответственности в отрыве от учения о нарушениях правопорядка, считать (или давать повод считать) ее основанием что-либо иное, чем правонарушения и объективно противоправные деяния.

Ответственность следует не просто за нарушение закона, а за наиболее вредные антиобщественные деяния, деяния, причиняющие или создающие угрозу причинения непосредственного материального и другого вреда и всегда причиняющие политический вред социалистическому правопорядку. Антидемократичность, вредность для интересов советского общества правонарушений и объективно противоправных деяний — вот материально-классовое основание юридической ответственности в советском обществе. Но поскольку юридическим выражением общественной вредности этих деяний является их противоправность, прямое в большинстве случаев запрещение их советским законом, поскольку ни одно общественно вредное деяние, прямо, как правило, не запрещенное законом, не считается правонарушением или объективно противоправным деянием, постольку основание юридической ответственности может определяться и определяется как нарушение закона. При этом всегда должно иметься в виду, что действительным нарушением закона может считаться только такое деяние, которое не просто формально расходится с требованиями права, а является общественно вредным. Где нет общественной вредности, там нет противоправности, нарушения закона<sup>1</sup>.

В советской юридической литературе мы не найдем решения рассматриваемого вопроса, отличного от того, которое развито выше<sup>2</sup>. Однако положение о том,

<sup>1</sup> Подробнее см. И. С. Самощенко, Понятие правонарушения по советскому законодательству, «Юридическая литература», 1963.

<sup>2</sup> Оговорки, аналогичные высказыванию О. Э. Лейста о том, что ответственность без вины есть ответственность не за противоправное деяние, мы здесь в расчет не принимаем. О том, что в данном случае речь идет об оговорках, свидетельствует ряд мест его работы (см. указ. работа, стр. 24, 78, 91 и др.).

что основание юридической ответственности в советском обществе есть лишь правонарушение или объективно противоправное деяние, выражается в различных формах. Иногда той или иной форме выражения этой истины придается сугубо «принципиальное» значение, в связи с ней ведутся многолетние, чрезвычайно острые дискуссии, в пылу полемики высказываются положения, ставящие под сомнение уже не форму выражения, а самую истину, и т. д. Полезно поэтому хотя бы кратко проанализировать положения о множественности оснований юридической ответственности, а также о составе правонарушения и виновности в его совершении как основании юридической ответственности.

3. В советской юридической литературе, посвященной материальной ответственности (обязательствам из причинения вреда, материальной ответственности рабочих и служащих, колхозников и т. д.), нередко можно встретить положение о том, что условиями или основаниями такой ответственности являются: наличие вреда, противоправность действия (бездействия), причинная связь между наступившим вредом и противоправным действием, вина причинителя<sup>1</sup>. Иногда наличие имущественного ущерба признается основанием лишь для постановки вопроса о возмещении возникшего вреда, а условиями возложения фактической ответственности на то или иное лицо считаются противоправность его поведения, причинная связь между противоправным поведением и возникшим вредом, вина<sup>2</sup>; или наличие ущерба признается основанием возникновения ответственности, а остальные факторы — ее условиями и т. д.<sup>3</sup>. При этом о гражданском правонарушении и дисципли-

<sup>1</sup> См., например, Л. А. Майданик, Н. Ю. Сергеева, Материальная ответственность за повреждение здоровья, Госюриздат, 1953, стр. 13. Во втором издании этой книги те же четыре элемента называются обязательными условиями ответственности (Госюриздат, 1962, стр. 13). См. также А. М. Хвостов, Материальная ответственность рабочих и служащих, Минск, 1967, стр. 5; Г. К. Матвеев, Основания гражданско-правовой ответственности, «Юридическая литература», 1970, стр. 5 и сл.

<sup>2</sup> См., например, С. С. Каринский, Материальная ответственность рабочих и служащих по советскому трудовому праву, Госюриздат, 1955, стр. 44.

<sup>3</sup> См., например, И. А. Коэткина, Материальная ответственность должностных лиц колхоза, Госюриздат, 1957, стр. 26 и сл.

нарном проступке в целом вовсе не упоминается, либо о правонарушении в целом упоминается не в связи с анализом основания ответственности, либо утверждение о том, что основание материальной ответственности должностных лиц колхоза есть нарушение трудовой дисциплины, отвергается как неудовлетворительное.

Тем не менее, как нетрудно заметить, во всех этих случаях в качестве основания юридической ответственности указывается правонарушение со стороны лица и ничто более<sup>1</sup>. Противоправное действие (бездействие), предусмотренный правом вред и причинная связь между ними образуют необходимые элементы объективной стороны всякого правонарушения. Без них нет правонарушения как определенного общественно вредного (противоправного) деяния лица. Что же касается вины, то она составляет необходимый элемент субъективной стороны всякого правонарушения; именно наличие вины, отрицательного внутреннего отношения лица к интересам советского общества, коллектива или гражданина выделяет правонарушения из иных нарушений законности как наиболее вредную их разновидность.

Таким образом, выделение указанных выше четырех оснований юридической ответственности есть не что иное, как детализация единого и в принципе единственного ее основания, каким является правонарушение (гражданское, дисциплинарное и т. д.). Совершенно правы поэтому, например, Е. А. Кленов и В. Г. Малов, когда они определяют основание материальной ответственности рабочих и служащих как совершение рабочим или служащим противоправного виновного действия (бездействия), повлекшего за собой ущерб наличному имуществу предприятия или учреждения (т. е. как совершение определенного правонарушения, определенного нарушения трудовой дисциплины), а затем указывают, что для возникновения ответственности необходимы одновременно четыре условия: а) дейст-

---

<sup>1</sup> Мы оставляем в стороне не всегда удачную терминологию. Ущерб вообще, вне деятельности людей и их организаций, не может быть «основанием» ни постановки вопроса об ответственности, ни ее возникновения. Равным образом условием ответственности является не свойство действия («противоправность»), а именно действие, характеризующееся этим свойством.

вительный ущерб, нанесенный предприятию или учреждению; б) противоправное поведение работника, привлекаемого к материальной ответственности; в) причинная связь между ущербом и противоправным поведением работника, привлекаемого к материальной ответственности; г) вина работника<sup>1</sup>, т. е. детализируют необходимые элементы этого правонарушения. Такая детализация чрезвычайно полезна при монографическом исследовании ответственности за отдельные разновидности правонарушений, поскольку позволяет выявить и подробно охарактеризовать все то специфическое, что свойственно основанию этой ответственности. Она также вполне допустима и полезна в популярных работах и комментариях, поскольку позволяет последовательно охарактеризовать все важнейшие стороны соответствующих видов правонарушений, сделать доходчивым и понятным общее положение о том, что основанием ответственности служит, например, дисциплинарный проступок<sup>2</sup> или совершение лицом административного проступка<sup>3</sup>. Но, конечно, здесь необходимо четко указывать на то, что имеет место именно детализация единого основания ответственности, во всяком случае это должно ясно пониматься. Иначе единственное в принципе основание ответственности в советском обществе будет либо забыто, либо даже выступит как нечто отличное от указанных четырех условий (оснований) ответственности.

4. В пятидесятых годах в советской науке уголовного права шла дискуссия об основании уголовной от-

<sup>1</sup> См. Е. А. Кленов, В. Г. Малов, Возмещение ущерба, причиненного предприятию, учреждению рабочими или служащими, Госюриздат, 1962, стр. 22—23; и х же, Материальная ответственность рабочих и служащих на предприятии, стр. 42.

<sup>2</sup> См., например, В. З. Янчук, Ответственность колхозников за нарушение трудовой дисциплины, Госюриздат, 1962, стр. 23 и сл. Нельзя согласиться с автором только в том отношении, что основаниями для привлечения колхозника к обычной дисциплинарной (нематериальной) ответственности является наличие в его действиях лишь противоправности и вины (стр. 26). Другое дело, что в этих случаях не приходится специально устанавливать наличие вреда от противоправного поведения и причинной связи: они, как правило, очевидны.

<sup>3</sup> См., например, В. А. Власов, Основания административной ответственности, кн. «Комментарий к законодательству о штрафах, налагаемых в административном порядке», «Юридическая литература», 1968, стр. 53—56.

ветственности. После принятия Основ уголовного законодательства в 1958 году эта дискуссия возобновилась. Она оказала существенное влияние на уяснение основания ответственности в других отраслях права и поэтому имеет не только локально-криминалистическое значение. Большинство участников дискуссии, если брать ее выводы, полагают, что единственным основанием уголовной ответственности является состав преступления; некоторые же утверждают, что таковым следует считать виновность в совершении преступления. В настоящей работе нет необходимости ни воспроизводить весь ход этой дискуссии, ни заниматься теми вопросами, которые полутно были обстоятельно выяснены в ее процессе (например, о соотношении состава преступления и общественной опасности), ни анализировать правильность ее выводов применительно к некоторым частным проблемам (например, можно ли считать состав преступления основанием ответственности за приготовление, покушение). Для целей настоящей работы значительно важнее установить, имеется ли принципиальное расхождение между тем, что было сказано выше о фактическом основании юридической ответственности, и тем, что говорят участники этой дискуссии.

Что такое состав преступления или шире — состав правонарушения? «Понятием состава преступления, — отмечает А. А. Пионтковский, — юристы пользуются как для обозначения совокупности признаков, характеризующих определенное преступление по уголовному законодательству, так и для обозначения конкретного деяния, соответствующего этим признакам»<sup>1</sup>. Не упоминая о других значениях, которые данному термину иногда придаются, остановимся прежде всего на втором. Утверждение о том, что единственным основанием ответственности является состав преступления, если под последним понимать *конкретное деяние, которое*

---

<sup>1</sup> А. А. Пионтковский, Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Госюриздат, 1961, стр. 108—109. Иногда эти различные значения смешиваются (см., например, Н. С. Алексеев, В. Г. Смирнов, М. Д. Шаргородский, Основание уголовной ответственности по советскому праву, «Правоведение» 1961 г. № 2, стр. 76, 79, 80).

соответствует признакам, записанным в законе и характеризующим данную разновидность поведения как преступление, означает только то, что основанием уголовной ответственности является уголовно-противоправное общественно опасное деяние, преступление. Именно в этом смысле говорится о составе правонарушения как юридическом факте, который служит основанием для привлечения правонарушителя к ответственности, в учебном пособии «Общая теория государства и права»<sup>1</sup>.

Теперь рассмотрим первое из отмеченных А. А. Пионтковским значений термина «состав преступления», т. е. состав как «совокупность признаков, характеризующих определенное преступление по уголовному законодательству». Утверждение, что единственным основанием уголовной ответственности является состав преступления в этом смысле, буквально означает, что основанием ответственности в СССР служит уголовный закон, который определяет, какие именно общественно опасные деяния являются преступными. Это, несомненно, правильное положение. Но оно не говорит о фактическом основании уголовной ответственности. М. М. Кисеницкий отмечает, что состав преступления сам по себе основанием ответственности быть не может, ибо он содержится в законе<sup>2</sup>. Иначе говоря, при буквальном понимании рассматриваемого положения мы констатируем лишь общее юридическое основание уголовной ответственности. Для реальной уголовной ответственности недостаточно иметь уголовный закон, определяющий признаки той или иной разновидности преступлений, запрещающий эти деяния под страхом наказания.

Авторы, которые отстаивают формулу о составе как единственном основании уголовной ответственности, понимают это и употребляют данное выражение не в его буквальном смысле, а в смысле наличия (некоторые из них говорят — «установления», что менее точно)

<sup>1</sup> См. «Общая теория государства и права», 1961, стр. 404.

<sup>2</sup> См. М. М. Кисеницкий, К вопросу о понятии состава преступления в советском уголовном праве, «Труды Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева», т. 137, серия юридическая, 1957, стр. 95.



состава преступления в деянии лица<sup>1</sup>. Но в таком случае эта формула означает только то, что основанием уголовной ответственности является преступление, ибо наличие состава преступления в действиях лица есть совершение им деяния, запрещенного уголовным законом, совершение преступления. Этот вывод и делает, например, М. М. Кисенишский<sup>2</sup>.

Точно так же наличие в действиях рабочего или служащего состава дисциплинарного проступка понимается как совершение им дисциплинарного проступка и т. д.<sup>3</sup>. В других отраслях права в большинстве случаев нет четкого описания составов правонарушений: здесь, как правило, содержится определение обязанностей и указывается, что нарушение этих обязанностей влечет применение административных, дисциплинарных и иных взысканий или властно-принудительных мер воздействия. Поэтому формула «состав правонарушения — единственное основание ответственности» в других отраслях советской правовой науки имеет значительно меньшее распространение, чем в науке уголов-

<sup>1</sup> См., например, А. Пионтковский, О некоторых вопросах теории советского уголовного права, «Социалистическая законность» 1950 г. № 11, стр. 5—6; его же, Укрепление социалистической законности и основные вопросы учения о составе преступления, «Советское государство и право» 1954 г. № 6, стр. 68; В. И. Курьяндский, Некоторые вопросы учения о составе преступления в теории советского уголовного права, «Советское государство и право» 1951 г. № 11, стр. 35; А. Б. Сахаров, К вопросу о понятии состава преступления, «Советское государство и право» 1952 г. № 7, стр. 29 и сл.; Т. В. Церетели, В. Г. Макашвили, Состав преступления как основание уголовной ответственности, «Советское государство и право» 1954 г. № 5, стр. 67—72; Я. М. Брайнин, К вопросу о составе преступления как основании уголовной ответственности по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1954 г. № 7, стр. 69 и сл.; А. Н. Трайнин, Понятие преступления и состав преступления, «Советское государство и право» 1955 г. № 1, стр. 48; В. М. Чхиквадзе, Понятие и значение состава преступления в советском уголовном праве, «Советское государство и право» 1955 г. № 4, стр. 54.

<sup>2</sup> См. М. М. Кисенишский, указ. статья, стр. 95.

<sup>3</sup> См., например, Г. И. Ческис, К вопросу о понятии имущественной ответственности рабочих и служащих за причиненный вред. «Труды Иркутского государственного университета имени А. А. Жданова», т. XIII, серия юридическая, 1955, стр. 97, 103—110.

ного права. Но по сути дела указание закона «нарушение таких-то обязанностей» есть не что иное, как описание составов правонарушений. Поэтому и во всех других отраслях советского права основание юридической ответственности можно определять как наличие в действиях лица состава соответствующего правонарушения: административного<sup>1</sup>, гражданского<sup>2</sup>, дисциплинарного.

Понятия «правонарушение» и «состав правонарушения» весьма близки по своему содержанию, но не тождественны. Правонарушение — происходящий в действительности акт, непосредственно вызывающий изменения в общественных отношениях. Оно выступает во всем многообразии своих объективных и субъективных признаков, существенных и несущественных для решения различных вопросов правовой ответственности.

Состав правонарушения — совокупность его главных, определяющих признаков, выделенных законодателем как типичные, необходимые и в то же время достаточные для возложения юридической ответственности. Отсутствие хотя бы одного из них исключает правовую ответственность. За пределами состава правонарушения остаются признаки менее существенные, т. е. такие, которые не предусмотрены нормативным актом, не являются обязательными и отсутствие которых не колеблет основания ответственности. Их учет важен для определения объема последней.

Следовательно, понятие правонарушения шире. Оно включает как признаки, образующие состав правонарушения, так и признаки, не имеющие значения для решения вопроса о возможности привлечения к юридической ответственности и лежащие за пределами состава.

Термин «состав правонарушения» употребляется в нашей литературе еще в одном смысле. Состав преступления всегда конкретен. Будучи нормой права, общим установлением, он всегда представляет собой

<sup>1</sup> См., например, В. А. Власов, указ. статья, стр. 53.

<sup>2</sup> См., например, Г. К. Матвеев, Основания гражданско-правовой ответственности, стр. 5.

характеристику признаков не преступления вообще, а его определенной разновидности — кражи, убийства, фальшивомонетничества и т. п. Составов преступлений много; в результате абстракции наукой уголовного права созданы не только общее понятие состава (совокупность указанных законом признаков преступного деяния), но и «общий состав преступления», который выступает как констатация того общего, что свойственно каждому составу преступления, записанному в законе. Он содержит характеристику: 1) объекта преступления; 2) объективной стороны преступления; 3) субъекта преступления; 4) субъективной стороны преступления. Характеристику законом объективной стороны преступления принято называть объективной стороной состава, а субъективной — субъективной стороной. В общем учении о составе преступления рассматриваются свойственные всем составам черты объекта и объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. Анализ отдельных составов преступлений раскрывает конкретные, свойственные им особенности тех же необходимых для них элементов.

В данной работе нет необходимости касаться спора о целесообразности выделения и изучения общего состава преступления; на наш взгляд, это целесообразно, ибо позволяет глубже раскрыть понятие преступления, выявить то общее, что характеризует согласно закону необходимые элементы всякого преступления. Гораздо важнее для нас сейчас другое. Наука уголовного права не рассматривает общий состав преступления как основание уголовной ответственности: ведь это — научная абстракция, по сути дела *общее учение о преступлении*, во всяком случае его существеннейшая часть.

Правильно, что состав правонарушения в таком смысле (т. е. как совокупность необходимых для каждого конкретного состава правонарушения элементов, как научная абстракция самых общих черт отдельных разновидностей правонарушений, данных законом в формулируемых им конкретных составах правонарушений) ни основанием, ни общим основанием, ни тем более юридическим основанием ответственности выступать не может. Другое дело, если термин «состав правонарушения» рассматривать в смысле *необходимых элементов*, из которых складывается всякое правона-

рушение. Но тогда мы имеем дело уже с самим правонарушением, а не с его составом как совокупностью признаков, указанных в законе, или с научной абстракцией наиболее общих из сформулированных в конкретных составах признаков, и термин «состав» оказывается излишним. В крайнем случае он будет означать то же самое, что и «состав правонарушения» в смысле конкретного деяния, соответствующего указанным в законе признакам правонарушения, т. е. правонарушение. Такой «состав», конечно, служит основанием юридической ответственности. «Общего состава» закон не содержит, «общего состава» не может быть в деянии лица, ответственность за «общий состав» невозможна.

Все составы правонарушений по советскому законодательству имеют определенные структуры, совокупность обязательных элементов. Среди этих элементов можно обнаружить такие, которые присутствуют в любом составе правонарушения. Они, конечно, не существуют в абстрактном виде. В конкретном проявлении каждый из них обладает специфическими чертами. И в силу этого, какой бы элемент состава правонарушения мы ни взяли, по своему содержанию он не будет совпадать полностью с одноименным элементом состава другого правонарушения.

Вместе с тем определяющие, коренные признаки содержания одноименных элементов, характерных для любого состава правонарушения по советскому законодательству, являются общими. Это позволяет исследовать такие элементы в общетеоретическом плане, отвлекаясь от конкретности их проявления в каждом данном правонарушении. Например, вина в одном преступлении не совпадает полностью по содержанию с виной в другом преступлении, не говоря уже о вине в гражданском правонарушении. Но одновременно было бы ошибкой не видеть общих существенных черт вины как неотъемлемого субъективного элемента состава каждого правонарушения. Поэтому вполне обоснованно выделение и изучение общего понятия вины по советскому праву.

Помимо вины в число общих элементов состава правонарушения входит противоправное действие (бездействие), объект правонарушения, общественно вред-

ный результат, причинная связь между ними, субъект правонарушения.

Таким образом, все эти элементы являются общими и необходимыми элементами состава всякого правонарушения<sup>1</sup>. Отсутствие хотя бы одного из них означает отсутствие состава правонарушения, а следовательно, исключает юридическую ответственность<sup>2</sup>. Взятые в совокупности и закрепленные в законе, они являются достаточными для привлечения к правовой ответственности.

Б. Уголовная ответственность, как уже говорилось, невозможна при отсутствии в деянии лица состава преступления. Но для индивидуализации наказания недостаточно установить в действиях лица наличие такого состава. Надо учесть смягчающие и отягчающие обстоятельства, свойства личности преступника и т. д. Виновность (ее степень) обуславливается всеми обстоятельствами дела в их совокупности. «Именно виновность, — пишет Т. Л. Сергеева, — ее наличие и ее степень образуют основание для назначения подсудимому конкретного наказания в пределах, установленных законом»<sup>3</sup>. Эта позиция не была поддержана в пятидесятых годах; но с изданием Основ уголовного зако-

---

<sup>1</sup> М. С. Строгович считает, что «само понятие правонарушения не включает в качестве необходимого элемента вину в специфически юридическом значении этого понятия (отношение лица к своим действиям и их последствиям в форме умысла или неосторожности)» (см. «Основные вопросы советской социалистической законности», стр. 194). Далее он пишет, что установление вины правонарушителя необходимо тогда, когда ставится и решается вопрос об ответственности правонарушителя (стр. 195). С таким мнением согласиться нельзя. Вина является необходимым, неотъемлемым элементом всякого правонарушения. Представляется также, что сначала устанавливается вина, а затем решается вопрос об ответственности, а не наоборот. Вина должна устанавливаться в любом случае, поскольку это важно не только для решения вопроса об ответственности, но и для профилактики правонарушений и оказания воспитательного воздействия на соответствующих членов общества.

<sup>2</sup> Применительно к преступлению и уголовной ответственности эту мысль развивает Я. М. Браинин (см. «Уголовный закон и его применение», стр. 164—165).

<sup>3</sup> Т. Л. Сергеева, К вопросу об индивидуализации уголовной ответственности, «Советское государство и право» 1951 г. № 10, стр. 41.

подательства Союза ССР и союзных республик немалая часть ученых стали по существу придерживаться ее.

Дело в том, что ст. 3. Основ, определяя, основание уголовной ответственности, устанавливает: «Уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние». В соответствии с этим Б. С. Никифоров, например, считает основанием уголовной ответственности виновность в совершении преступления, которая включает как обстоятельства, относящиеся к составу преступления, так и многие другие обстоятельства, подлежащие учету при назначении наказания, особенно характеризующие личность преступника<sup>1</sup>.

Что общего между утверждением о том, что основанием уголовной ответственности является состав преступления, и рассматриваемой позицией? Это общее — *ответственность невозможна без наличия в деянии лица состава преступления*. Отличие же состоит в том, что сторонники первой точки зрения останавливаются на этой констатации. Признавая, что для решения вопроса об ответственности *конкретного* лица имеют значение и другие, помимо состава, указанные законом основания и обстоятельства, они не включают их в понятие основания ответственности<sup>2</sup>. Иначе говоря, в своей трактовке основания уголовной ответственности они останавливаются на самом общем, главном, принципиальном, которое, однако, не характеризует полностью основание ответственности в каждом конкретном случае. Напротив, сторонники рассматриваемой позиции не ограничиваются фиксацией лишь главного, а идут дальше.

Они не только включают все существенное, что вместе с наличием состава влияет на объем и характер ответственности, в ее основание, но и охватывают все предусмотренные законом обстоятельства, которые оп-

---

<sup>1</sup> См. «Научная сессия ВИЮН, посвященная Основам законодательства Союза ССР и союзных республик, принятым второй сессией Верховного Совета СССР пятого созыва», М., 1959, стр. 10.

<sup>2</sup> См., например, Н. С. Алексеев, В. Г. Смирнов, М. Д. Шаргородский, указ. статья, стр. 77.

ределяют как саму возможность, так и характер, объем и т. д. ответственности одним понятием «виновность в совершении преступления». Иначе говоря, они всесторонне раскрывают основание уголовной ответственности конкретного лица. Оно несет уголовную ответственность не просто за определенное преступление (наличие состава преступления в его деянии), а за определенное преступление в его конкретном воплощении со всеми теми индивидуальными чертами, которые приданы ему имеющими юридическое значение особенностями субъекта, обстановки и обстоятельств. Такая трактовка основания ответственности вполне правомерна. Но, разумеется, при этом нельзя забывать, что речь идет о конкретном преступлении. В противном случае в качестве основания ответственности будут признаны свойства личности, оценка суда и т. п.

Иногда то же самое, что Т. Л. Сергеева именует виновностью в совершении преступления, и в практике, и в науке называется виной. При этом в науке уголовного права первоначально о вине в данном смысле говорили то как об общем основании ответственности<sup>1</sup>, то как о вине в широком смысле слова<sup>2</sup>. Б. С. Утевский в 50-х годах, с одной стороны, включал в понятие вины в совершении преступления и оценку судом всех обстоятельств конкретного преступления, а с другой — уменьшал значение наличия состава преступления для возможности уголовной ответственности конкретного лица. Так, он утверждал, что уголовная ответственность иногда возможна при отсутствии состава преступления (приготовление, покушение) и невозможна при его наличии (необходимая оборона), отрицал возможность наименования виной умысла и неосторожности и т. д.<sup>3</sup>. Данные положения встретили серьезную и обоснован-

<sup>1</sup> См., например, Б. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, изд-во АН СССР, 1949, стр. 105.

<sup>2</sup> См., например, А. Пионтковский, О некоторых вопросах теории советского уголовного права, «Социалистическая законность» 1950 г. № 11, стр. 15.

<sup>3</sup> См. Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, Госюриздат, 1950, стр. 9, 10, 12, 24, 58, 59, 60, 103, 108 и др.; его же, Вопросы вины в теории уголовного права, «Советское государство и право» 1952 г. № 4, стр. 27—38.

ную критику, но в ходе этой критики была допущена другая крайность. От вины как «общего основания ответственности» или «вины в широком смысле» отказались и Б. С. Маньковский<sup>2</sup> и А. А. Пионтковский<sup>3</sup>. Формула ст. 3 Основ уголовного законодательства легализовала употребление этого термина. За вину в совершении конкретного преступления как основание уголовной ответственности вновь выступил Б. С. Утевский, в основном преодолевший крайности, допущенные им ранее<sup>4</sup>.

Термин «вина» многозначен. В частности, одним из его значений, в котором он часто использовался основоположниками марксизма-ленинизма, является провинность, проступок, заслуживающее упрека поведение. А термин «виновник», «виновный» они употребляли для обозначения субъекта такой провинности. Характерно, что часто о вине и виновнике в этом смысле основоположники марксизма-ленинизма говорят в связи с юридической ответственностью, указывая таким путем ее основание или субъект. Особенно настойчиво принцип юридической ответственности за вину проводился В. И. Лениным применительно к социалистическому государству. Помимо уже приведенных высказываний по этому вопросу, важно напомнить следующие его указания. Говоря о том, что кооперация в нашей стране в конце 1918 года *политического доверия* не заслуживала и что

---

<sup>1</sup> См., например, Т. Л. Сергеева, К вопросу об индивидуализации уголовной ответственности, «Советское государство и право» 1951 г. № 10; А. Пионтковский, Против извращения понятия вины по социалистическому уголовному праву, «Социалистическая законность» 1952 г. № 1; его же, Укрепление социалистической законности и некоторые вопросы теории советского права, «Вопросы философии» 1955 г. № 1; М. Меркушев, Понятие вины в советском уголовном праве, «Социалистическая законность» 1952 г. № 5; Д. Орлов, Против оценочной теории вины проф. Утевского, «Социалистическая законность» 1952 г. № 7.

<sup>2</sup> См. Б. С. Маньковский, Советская социалистическая законность и понятие вины в уголовном праве, «Социалистическая законность» 1951 г. № 5, стр. 15—17.

<sup>3</sup> См. А. А. Пионтковский, Учение о преступлении по советскому уголовному праву, стр. 315.

<sup>4</sup> См. Б. С. Утевский, Новые методы борьбы с преступностью и некоторые вопросы уголовной ответственности, «Правоведение» 1961 г. № 2.



поэтому нельзя было давать представителям данной организации политически ответственных постов, он как само собой разумеющееся отмечает: «При этом, в скобках будь сказано, вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале «Красный Террор» товарищ Лацис, один из лучших, испытанных коммунистов, который хотел сказать, что красный террор есть насильственное подавление эксплуататоров, пытающихся восстановить их господство, а вместо того написал: ...«не, ищите (!!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом»...»<sup>1</sup>. Уголовная ответственность, подчеркивал, таким образом, В. И. Ленин, в условиях гражданской войны и даже в отношении представителей свергнутых эксплуататорских классов имеет место только за конкретное преступление, за вину в конкретном преступлении. Чтобы наказать за конкретное преступление (несколько десятков тысяч пудов консервов не куплены), проводит он ту же мысль в другой форме, нужно найти виновных<sup>2</sup>.

В связи с основанием юридической ответственности основоположники марксизма-ленинизма говорят о *степени виновности* как степени серьезности проступка или преступления, степени тяжести провинности<sup>3</sup>. В. И. Ленин требовал наказывать смотря по степени вины; за вину более серьезную он требовал и более строгой ответственности<sup>4</sup>.

Термин «вина», таким образом, может использоваться для характеристики не только необходимого элемента субъективной стороны всякого правонарушения (умысел или неосторожность), но и основания юридической ответственности конкретного лица в смысле вины в совершении конкретного правонарушения, в смысле конкретной противоправной провинности лица. Но, разумеется, в отличие от политической ответственности, в основании которой может лежать вина (провинность), иногда не зависящая от воли человека, в области юри-

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 410.

<sup>2</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 104.

<sup>3</sup> См., например, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 394.

<sup>4</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 157.

дической ответственности речь идет лишь о вине в совершении правонарушений, т. е. такого противоправного деяния, которое с необходимостью включает в себя умысел или неосторожность. В советском обществе нет юридической вины (уголовной, гражданской, административной, дисциплинарной противоправной провинности) без умысла или неосторожности. Государственное, юридическое осуждение возможно лишь за такой поступок, который был следствием отрицательного внутреннего отношения лица к интересам советского общества, коллектива или гражданина, умысла или неосторожности лица. О вине поэтому нельзя говорить применительно к объективно противоправным деяниям, за которые законом иногда допускается юридическая ответственность.

В практике и законе использование термина «вина» и производных от него слов для обозначения именно противоправного проступка в целом, провинности в совершении конкретного правонарушения распространено чрезвычайно широко. Нет никакого сомнения в том, что когда мы говорим об обвиняемом, предъявлении обвинения, обвинительном заключении, изменении обвинения, поддержании обвинения, признании виновным и т. п. (ст. ст. 19, 46, 143, 144, 150, 203, 204, 205, 215, 248 и др. УПК РСФСР), то всегда имеем в виду не умысел или неосторожность лица, а *умышленно или по неосторожности совершенный поступок* в целом. Это понятно, если учесть многозначность термина «вина», употребление его в обиходе и в литературном языке прежде всего для обозначения проступка, прегрешения, провинности со стороны лица, а также то, что данный термин используется как родовое понятие, охватывающее умысел и неосторожность, преимущественно в юридической литературе и чрезвычайно редко в законе (например, ст. 37 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик).

6. Итак, фактическим основанием юридической ответственности вообще или конкретного лица в советском обществе является прежде всего правонарушение, а иногда объективно противоправное деяние. Советский закон не оставляет в этом отношении никаких сомнений. Уголовная ответственность и наказание следуют лишь за совершение преступления (ст. ст. 3, 20 Основ

уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик), гражданско-правовая ответственность — за нарушение обязательств, причинение вреда личности или имуществу другого и т. д. (ст. ст. 36, 88 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик), административная ответственность — за совершение административного проступка (ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке»), дисциплинарная ответственность — за нарушение трудовой дисциплины и служебных обязанностей рабочих, служащих, колхозников (ст. ст. 49, 56, 93, 105 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, ст. 35 Примерного устава колхоза, пп. 23, 26 Примерных правил внутреннего распорядка колхоза) и т. д. С нашей точки зрения, предпочтительнее всего основание юридической ответственности в советском обществе именно так определять и в нашей науке: *основание юридической ответственности есть совершение лицом правонарушения или, когда это допускается законом, объективно противоправного деяния.* Предпочтительнее потому, что данная формула ясна и понятна.

Но из этого не следует, что основание юридической ответственности не может быть определено в других терминах. Как показывает проведенный выше анализ, оно может быть охарактеризовано путем перечисления необходимых элементов всякого правонарушения, путем указания на наличие состава определенного правонарушения в деянии лица, наконец, путем указания на виновность или вину лица в совершении конкретного правонарушения. Эти определения отличаются друг от друга только степенью детальности: в первом случае указывается просто на правонарушение, во втором — на определенное правонарушение, в третьем — на конкретное правонарушение. Каждая из приведенных форм выражения той истины, что основанием юридической ответственности в советском обществе может служить в принципе лишь совершение правонарушения, имеет свои достоинства и недостатки, и ни одной из них нельзя приписывать значение единственно правильной и исключительной. Вместе с тем каждая из этих форм допустима и верна в тех пределах, в которых она

представляет собой действительное выражение упомянутой истины (совершение правонарушения), а не превращается в нечто самодовлеющее, не выдвигает наряду с совершением правонарушения или даже вместо него такие моменты, как оценка суда, свойство личности и т. п.<sup>1</sup>

Из положения о том, что совершение правонарушения — единое и в принципе единственное основание юридической ответственности граждан и их организаций в советском обществе, совсем не вытекает, что за совершение каждого правонарушения неизбежно следует юридическая ответственность. Данное положение означает только то, что юридическая ответственность в советском обществе невозможна за что-либо иное, кроме совершения правонарушения или, когда это допускается законом, объективно противоправного деяния. Но оно не говорит о том, что, если есть правонарушение, значит, должна быть и юридическая ответственность. В довольно многочисленных случаях закон освобождает от юридической ответственности за правонарушение (истечение срока давности привлечения к ответственности и т. п.) или допускает вместо нее ответственность общественную (передача преступника на поруки; наложение мер общественного воздействия на правонарушителя товарищеским судом и т. д.). Если есть правонарушение, юридическая ответственность может наступать (и, как правило, должна наступать); но ее может и не быть или вместо нее допускается ответственность общественная; если же правонарушения нет, юридическая ответственность в принципе не может

---

<sup>1</sup> Как слабость позиции ряда наших ученых, отстаивающих виновность или вину в совершении правонарушения в качестве основания ответственности, следует отметить, что они зачастую ставят в один ряд совершение лицом правонарушения и общественную опасность (вредность) самого правонарушителя, рассматривают их чуть ли не как существующие рядом друг с другом основания ответственности. Это, разумеется, неправильно. Свойства личности влияют на ответственность лица в той мере, в какой они проявились в данном правонарушении или в ряде правонарушений, либо характеризуют данное правонарушение в качестве естественного или случайного для данного правонарушителя. Сами по себе, независимо от правонарушения или характеристики степени его общественной опасности или вредности они никакого основания ответственности не составляют.

иметь места. Лишь это и выражает положение о том, что единым и единственным в принципе основанием юридической ответственности в советском обществе является совершение правонарушения.

Юридическая ответственность в советском обществе не может иметь места без указания на то в законе. Она допустима лишь на основании советского закона, его запрета. В этом одна из основных юридических гарантий применения мер государственного принуждения за действие, которое Советское государство, выражающее волю и интересы всего народа, признает правонарушением или влекущим ответственность объективно противоправным деянием, одна из гарантий подлинно демократического построения и осуществления юридической ответственности в советском обществе.

В связи с этим может возникнуть вопрос о допустимости юридической ответственности при регулировании отдельных общественных отношений с использованием аналогии закона или права. Аналогия закона, которая раньше допускалась уголовным правом, в настоящее время отменена. Но в гражданском праве как аналогия закона, так и аналогия права сохраняются. Регулируя имущественные отношения в социалистическом обществе в сфере гражданского оборота, а также некоторые личные неимущественные отношения граждан, советское гражданское право не может прямо предусмотреть всех возможных отношений такого рода. Поэтому ст. 4 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик устанавливает, что гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законодательством Союза ССР и союзных республик, а также из действий граждан и организаций, которые, хотя и не предусмотрены законом, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности. Этот же принцип в его процессуальном преломлении закреплен в ст. 12 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

Вопрос о противоправности и юридической ответственности по аналогии должен решаться, на наш взгляд, следующим образом. Если возникающее отношение сходно *по роду* с каким-либо запрещенным законом отношением, то и его следует считать запрещен-

ным. Соответственно в этом случае к участникам вновь возникшего отношения могут быть применены санкции, предусмотренные действующим законом, используемым по аналогии. Если же возникающее отношение и по роду не сходно с каким-нибудь из предусмотренных правом отношений, то тогда запрещенность или дозволенность его советским законом может быть установлена лишь путем проверки противоречия или соответствия его общим началам и смыслу советского законодательства. При условии признания, что возникшее отношение противоречит общим началам и смыслу советского законодательства, оно должно рассматриваться как противоправное. Но поскольку в данном случае речь идет об аналогии права и какой-либо действующий закон, предусматривающий правовые санкции, не применяется, то единственным средством пресечения вновь возникшего противоправного отношения является «санкция ничтожности»<sup>1</sup>.

В заключение следует отметить, что термин «основание юридической ответственности» именно в связи с возникновением и осуществлением ответственности конкретных лиц употребляется иногда еще в одном смысле. Речь в данном случае идет не о том, *на основании чего* или *за что* может иметь место юридическая ответственность, а о том, при каких условиях *конкретное лицо несет действительную юридическую ответственность*. Именно в таком плане Р. Шюсселер отмечает, например, что ответственность правонарушителя только тогда *обоснована*, когда налицо совокупность юридических фактов как материально-правового, так и *процессуально-правового характера*. В эту совокупность он включает: наличие деяния, соответствующего составу правонарушения; наличие заявления потерпевшего, истца и т. д.; когда без него по закону вмешательство государственных органов невозможно; отсутствие обстоятельств, которые делают ответственность запоздалой, и др.<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Подробнее о «санкции ничтожности» см. Ю. С. Жидинский, Санкция нормы советского гражданского права, Воронеж, 1968, стр. 97—103.

<sup>2</sup> R. Schüsseler, Die Rechtsverletzungen im sozialistischen Staat und ihre Bekämpfung, Berlin, 1958, SS. 170—173. Б. С. Аң-

Основание (Р. Шюсселер именует его предпосылкой) ответственности в этом смысле весьма близко к тому, которое охарактеризовано выше как фактическое основание юридической ответственности. Во всяком случае на первом месте в нем стоит такой главный юридический факт, как совершение лицом правонарушения. Вместе с тем оно серьезно отличается от фактического основания тем, что включает ряд процессуально-правовых моментов. Недооценивать эти моменты нельзя, ибо в них выражаются некоторые важные принципы юридической ответственности в советском обществе. Благодаря их учету осуществляются такие принципы построения и использования юридической ответственности, как диспозитивность, установление объективной истины, целесообразность. Но они, конечно, не обосновывают саму возможность юридической ответственности конкретного лица и говорят лишь о некоторых (не всех) процессуальных условиях, при

---

тимонов подчеркивает, что основанием договорной ответственности являются: а) наличие договорного обязательства и б) нарушение этого обязательства. Известные «четыре основания» преломляются в них, опосредствуются ими. При этом обязательно лишь одно из них: противоправность (в виде нарушения нормы права или любого действительного соглашения сторон). Вред, причинная связь, вина могут отсутствовать (см. «Основания договорной ответственности социалистических организаций», стр. 28—31, 84 и сл.). В отношении вины Б. С. Антимонов прав, ибо договором может быть обусловлена и ответственность без вины, т. е. не за правонарушение, а за объективно противоправное деяние. Иногда ответственность такого рода следует из закона. Что касается вреда и причинной связи, то в данном случае Б. С. Антимонов, не сделав никаких оговорок о *непосредственном вреде*, отступает от своих более ранних и более правильных высказываний о том, что «беспоследственных», безвредных правонарушений не бывает (см. «Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении», Госюриздат, 1950). По поводу раскрытия Б. С. Антимоновым оснований договорной ответственности как обязательства и его нарушения следует напомнить его собственную критику точки зрения М. М. Агаркова о том, что долг и ответственность есть лишь два аспекта одного отношения. Как уже отмечалось, Б. С. Антимонов правильно подчеркивает, что основанием возникновения обязанности является договор, а ответственности — его нарушение, ибо в подавляющем большинстве случаев обязательства выполняются добровольно, а ответственность имеет место лишь после и вследствие неисполнения обязательства. Договор — юридическое основание договорной ответственности; фактическим же ее основанием является нарушение договора.

наличии которых имеет место действительное основание — совершение этим лицом правонарушения.

Они служат лишь процессуальными основаниями юридической ответственности. Это подтверждается и тем обстоятельством, что юридическая ответственность в ряде случаев может осуществляться помимо специальной деятельности государственных органов по исследованию и разрешению дела о правонарушении (добровольное заглаживание вреда, возмещение убытков, отмена незаконных актов и решений и т. п.). В таких случаях ни одно из указанных Р. Шюсселером процессуальных оснований не нужно. Все отмеченные им процессуальные моменты касаются условий возникновения либо завершения обвинительным решением дела о правонарушении в суде или ином государственном органе, а в этих случаях ответственность осуществляется без процесса в государственном органе.



## ЦЕЛИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

1. Когда государство только зарождалось и его роль в осуществлении юридической, прежде всего уголовной, ответственности сводилась лишь к санкционированию частных наказаний (кровная месть, талион, композиции), утвердился взгляд на наказание как на отмщение преступнику, т. е. воздаяние злом за зло. «Варварские народы заставляли за определенное преступление уплатить потерпевшему определенное денежное возмещение (виру). Понятие публичного наказания утвердилось только в противовес этому взгляду, рассматривающему преступление лишь как нарушение прав отдельной личности»<sup>1</sup>.

Но и тогда, когда государство достаточно окрепло, чтобы взять на себя отправление правосудия, когда появилось публичное наказание, стал ясным его классовый характер (большая строгость наказаний за преступления против жизни, имущества и т. п. представителей господствующих классов по сравнению с наказаниями за аналогичные преступления против рабов или представителей простонародья), этот взгляд на цели наказания еще долго сохраняется. Причин тому немало: здесь играет роль и то, что не все преступления и наказания за них имеют достаточно ясный классовый характер, и то, что господствующие классы усиленно распространяют представление о наказании как справедливом возмездии за посягательства на общие интересы, желая замаскиро-

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 149.

вать классово-служебную роль юридической ответственности.

Идеализированным отражением этого понимания целей наказания в буржуазной науке явилось положение Гегеля о том, что наказание есть приговор, который преступник произносит над самим собой. «У Гегеля эта теория является *спекулятивным покрывалом древнего *jus talionis**, которое Кант развил как *единственную правовую* теорию наказания. У Гегеля самоосуждение преступника остается только «идеей», спекулятивным истолкованием *ходячих эмпирических уголовных наказаний*. Поэтому выбор формы наказания он предоставляет каждой данной ступени развития государства, т. е. он оставляет наказание таким, каким оно существует... Кроме того практическое осуществление такой теории оказалось бы невозможным. Место абстрактного закона занял бы чисто субъективный произвол, ибо от усмотрения официальных «почтенных и благопристойных» особ зависело бы, как в каждом отдельном случае сообразовать наказание с индивидуальностью преступника»<sup>1</sup>.

Наказание в соответствии с этими представлениями выступает как самоцель, как неизбежная плата за зло. Раз человек совершил преступление, он должен за него заплатиться. Дело нисколько не меняется, если эта истина выражается в той форме, какую придает ей Гегель. Гегель считал, что наказание есть *право* преступника. Оно — акт его *собственной воли*. Преступник объявляет нарушение права своим правом. Его преступление есть отрицание права. Наказание есть отрицание этого отрицания, следовательно, есть утверждение права, которого домогается сам преступник и которое он сам себе насильно навязывает. К. Маркс отмечал, что в этом положении кое-что, без сомнения, представляется правдоподобным, поскольку Гегель поднимает преступника до ранга свободного, самоопределяющегося существа. «Но, вникнув несколько глубже в суть дела, мы обнаруживаем, что здесь, как и во многих других случаях, немецкий идеализм лишь санкционирует в мистической форме законы существующего общества... Такая теория, рассматриваю-

---

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 196—197.

щая наказание как результат собственной воли преступника, является лишь спекулятивным выражением древнего «*jus talionis*»— око за око, зуб за зуб, кровь за кровь»<sup>1</sup>.

Понимание наказания как самодовлеющего следствия преступления оказало громадное влияние на формирование догм христианской религии о грехе и его искуплении, о втором пришествии и страшном суде<sup>2</sup>. В свою очередь теология немало содействовала укреплению такого представления о цели наказания. Богословы много потрудились над тем, чтобы доказать, что основание наказания кроется в велениях бога, что уголовная ответственность — лишь одна из форм осуществления на земле божественных заповедей. В то же время они старались поставить уголовную ответственность на службу религиозно-этическому воспитанию. Об одной из попыток соединить рассматриваемое понимание наказания с религиозными представлениями о соблазне, грехе и средствах борьбы с ним писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Святом семействе». «Это и есть христианское средство, когда вырывают глаз, если глаз вводит в соблазн, отсекают руку, если рука вводит в соблазн,— одним словом, убивают тело, если тело вводит в соблазн. ...Массовидная юриспруденция, не расходясь в данном случае с «критической», тоже считает *калечение*, парализование человеческих сил противоядием против разрушительных проявлений этих сил»<sup>3</sup>. Все, что смущает «критического критика» в обыденной криминалистике, отмечают они далее,— это слишком быстрый переход от суда к эшафоту. «Он хочет, напротив, соединить *месть* преступнику с *покаянием* его и *осознанием им своей греховности*, физическое наказание с духовным, чувственные муки с нечувственными муками раскаяния... Эта теория наказания, соединяющая *юриспруденцию с теологией*.., есть не что иное, как теория наказания *католической* церкви, как это пространно показал уже *Бентам* в своем труде «Теория наказаний и награды». В том же сочинении *Бентам* доказал также моральную неэффективность нынешних нака-

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 531.

<sup>2</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 483, 485.

<sup>3</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 195.

заний. Он называет предусмотренные законом наказания «судебными пародиями»<sup>1</sup>.

Постепенно, однако, на место такого понимания целей наказания приходят другие взгляды, в соответствии с которыми наказание — не самоцель, а средство предупреждения преступлений. Именно ради этого государство применяет наказание. Одни усматривали непосредственную цель наказания в устрашении: наказание страхом перед собой должно удерживать преступника от повторного преступления, а иных людей от аналогичных преступлений. Другие, напротив, видели ее в исправлении преступников. Эти теории получили отражение в законодательстве феодальных и буржуазных государств; в соответствии с той или иной (а иногда и той, и другой одновременно) теорией строились система уголовных санкций и практика их осуществления. Маркс и Энгельс наблюдали практику буржуазных государств в этом отношении, особенно так называемых исправительных систем с «донимающим наказанием», неоднократно отмечали их пороки и неэффективность.

Английский уголовный закон, указывал Энгельс в 1844 году, — самый строгий в Европе: он предусматривает смертную казнь за семь видов преступлений. «Но кроме смертной казни английский уголовный закон знает еще два изысканно варварских вида наказания: ссылку на каторгу, где доводят до озверения при помощи общества людей, и одиночное заключение, где доводят до озверения при помощи одиночества. Трудно придумать более жестокие и гнусные наказания, чем эти два наказания, которые с систематической последовательностью губят жертву закона физически, духовно и морально и доводят ее до скотоподобного состояния. Сосланный преступник попадает в такую бездну деморализации, отвратительного скотства, что человек с наилучшими задатками должен пасть там в течение шести месяцев... Находящийся в одиночном заключении доводится до безумия; образцовой тюрьме в Лондоне уже после трехмесячного существования пришлось передать в Бедлам трех помешавшихся, не говоря уже о религиозном

---

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 195—196.

помешательстве, которое обычно еще сходит за нормальное состояние»<sup>1</sup>.

Поэтому основоположники марксизма, считая, что в отдельных случаях устрашающие наказания до известной степени себя оправдывают, все же отдавали явное предпочтение обращению к чувству чести человека, а не бесчестящим наказаниям<sup>2</sup>. И хотя они подчеркивали, что единственным средством исправления преступника является производительный труд<sup>3</sup>, но все же весьма скептически относились к рассматриваемому взгляду на цели наказания. Касаясь проповеди смертной казни, Маркс отмечал, что весьма трудно, а может быть, вообще невозможно найти принцип, посредством которого можно было бы обосновать ее справедливость или целесообразность в цивилизованном обществе. «Наказание, как правило, оправдывалось как средство либо исправления, либо устрашения. Но какое право вы имеете наказывать меня для того, чтобы исправлять или устрашать других? И вдобавок еще история и такая наука как статистика с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни устроить наказанием. Как раз наоборот!»<sup>4</sup>. Отсюда он делает вывод: «Скажем прямо, без всяких длинных повторений: наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушений условий его существования, каковы бы ни были эти условия. Но хорошо же то общество, которое не знает лучшего средства самозащиты, чем палач, и которое .. провозглашает свою собственную жестокость вечным законом»<sup>5</sup>.

Этот вывод был сделан применительно к эксплуататорскому, прежде всего к буржуазному, обществу. Условия буржуазного общества таковы, что неизбежно либо формируют «преступную волю», либо подрывают устрашающий и воспитательный эффект наказания, толкая на новые преступления. Они с объективной неизбежностью порождают неуважение к общественному порядку,

---

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 638—639; см. также т. 2, стр. 203—205 и др.

<sup>2</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 642—644.

<sup>3</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 31.

<sup>4</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 530.

<sup>5</sup> Там же, стр. 531.

пренебрежение им, протест, борьбу изолированного индивида против существующих порядков и отношений в форме правонарушения. Поэтому предупреждать правонарушения посредством юридической ответственности здесь в принципе невозможно. «Если преступления, взятые в большом масштабе, обнаруживают, по своему числу и по своей классификации, такую же закономерность, как явления природы, если, по выражению Кетле, «трудно решить, в которой из двух областей» (физического мира или социальной жизни) «побудительные причины с наибольшей закономерностью приводят к определенным результатам», то не следует ли серьезно подумать об изменении системы, которая порождает эти преступления, вместо того чтобы прославлять палача, который казнит известное число преступников лишь для того, чтобы дать место новым?»<sup>1</sup>.

В буржуазном обществе, таким образом, наказание имеет одну цель, состоящую в защите условий его существования: господства частной собственности на орудия и средства производства, эксплуатации трудящихся буржуазией, ее политического господства и т. д. Вследствие того, что преступления порождаются самими принципами и устоями капитализма, наказание здесь фактически не может преследовать целей предупреждения правонарушений. Оно является чисто консервативной, охранительной силой. Если же учесть, что капитализм уже давно исчерпал свои прогрессивные возможности и стал тормозом общественного развития, то можно сказать, что наказание в буржуазном обществе является и реакционной силой. Оно стоит на страже отживших общественных порядков и, как буржуазное государство и право в целом, служит одним из якорей, на которых еще держится капиталистический строй. Классово-реакционный характер наказаний в буржуазном обществе особенно ярко проявляется в наказаниях за такие «преступления», как членство в коммунистической или рабочей партии, выступление за всеобщее разоружение и мир, участие в стачках и забастовках и т. д. Разумеется, в буржуазных государствах есть нормы права, выражающие общественные интересы или вырванные у буржуазии борьбой

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 532.

трудящихся и в известной мере защищающие непосредственные интересы народа. Но на общую оценку сущности и роли ответственности в буржуазном обществе это, конечно, повлиять не может.

② Юридическая ответственность в советском социалистическом обществе, несомненно, служит целям защиты от неправомερных антиобщественных деяний. Положение Маркса об охранительной функции наказания в буржуазном обществе относится ко всякой ответственности вообще. Как преступления совершаются не ради удовольствия, доставляемого нарушением закона<sup>1</sup>, а ради удовлетворения какого-либо интереса, так и к суду обращаются не ради удовольствия отстоять свое право сутяжничества<sup>2</sup>, а ради защиты соответствующих интересов. Это относится и ко всякой другой ответственности, хотя здесь связь интереса и его защиты более отдаленная и менее ясная. Ответственность неразрывно связана с проступком, с нарушением определенного социального интереса именно потому, что является средством защиты этого интереса.

Коренное отличие юридической ответственности в советском социалистическом обществе заключается в этом плане в том, что она защищает, охраняет интересы не меньшинства, как в любом эксплуататорском обществе, а большинства (трудящихся) или всего народа (после полной и окончательной победы социализма). Ее назначение состоит в обеспечении точного и неуклонного исполнения советских законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами, в охране закрепляемых законом общественных отношений от каких бы то ни было посягательств. Советские же законы выражают волю народа, защищают такие порядки, которые соответствуют их интересам. [Запрещение частной собственности на орудия и средства производства, частнопредпринимательской деятельности, эксплуатации человека человеком, паразитизма и т. д., закрепление общественной собственности на орудия и средства производства, принадлежности политической власти трудящимся или всему народу, положения личности как само-

<sup>1</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 332—333.

<sup>2</sup> См. там же, стр. 309.

го ценного капитала общества — вот те коренные черты, которые характеризуют социалистическое право и правопорядок. Их защите и служит юридическая ответственность в советском социалистическом обществе.}

Эта цель юридической ответственности провозглашается советским законом. Статья 2 Основ законодательства о судеустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик, определяя цели правосудия, устанавливает, что правосудие в СССР призвано охранять от всяких посягательств: а) закрепленный Конституцией СССР, конституциями союзных и автономных республик общественный и государственный строй Союза ССР, социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность; б) политические, трудовые, жилищные и другие личные и имущественные права и интересы граждан, гарантированные Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик; в) права и охраняемые законом интересы государственных предприятий, учреждений, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций. Равным образом ст. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик устанавливает, что уголовное законодательство имеет задачей охрану советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств; в ст. 2 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик записано, что задачами советского гражданского судопроизводства являются правильное и быстрое рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях охраны общественного и государственного строя СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, защиты политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав и охраняемых законом интересов граждан, а также прав и охраняемых законом интересов государственных учреждений, предприятий, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций и т. д.

Однако юридическая ответственность в советском обществе имеет своей целью не только защиту правопорядка от общественно вредных посягательств, обеспечение исполнения требований права участниками общественных отношений. «Наказание,— гласит ст. 20 Основ уголовного



законодательства,— не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами». В ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик говорится, что «уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития». Статья 2 Основ гражданского судопроизводства устанавливает, что «гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению правонарушений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития». «Всей своей деятельностью,— провозглашает ст. 3 Основ законодательства о судостроительстве,— суд воспитывает граждан СССР в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития.

Применяя меры уголовного наказания, суд не только карает преступников, но также имеет своей целью их исправление и перевоспитание».

В основе этих положений советского законодательства, которые относятся к уголовной и гражданской ответственности, но на деле касаются и всех иных видов юридической ответственности, лежат ленинские указания. Борьбу с буржуазной недисциплинированностью как наиболее вредным проявлением пережитков прошлого в сознании советских людей, подчеркивал В. И. Ленин, «нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов,— борьбу надо вести и принуждением»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 197.

Само же принуждение со стороны социалистического государства имеет целью, в частности, воспитание<sup>1</sup>.

Поэтому нельзя согласиться с теми учеными, которые считают, что меры принуждения в социалистическом государстве есть лишь средство самозащиты общества, вспомогательное средство для осуществления всестороннего социального прогресса, что целью, например, наказания «является предупреждение совершения преступлений (профилактика преступности). Все остальное является либо составным элементом этой общей цели (общее и специальное предупреждение), либо средствами для ее достижения (убеждение и принуждение; устрашение, воспитание, перевоспитание)»<sup>2</sup>. Такое понимание представляется неправильным. В том-то и дело, что защита от общественно вредных посягательств на социалистический правопорядок не есть единственная цель юридической ответственности в советском обществе. Существеннейшее отличие юридической ответственности в социалистическом обществе от юридической ответственности в буржуазном обществе состоит не только в ее классовой природе, но и в социальной значимости. В буржуазном обществе, как уже отмечалось, юридическая ответственность есть сила консервативная; напротив, в социалистическом обществе она, защищая социалистический правопорядок, обеспечивая неуклонное исполнение советских законов, служит не закреплению, навечно существующего общественного порядка, как это имеет место в эксплуататорских обществах, а прогрессивному развитию социалистического строя в коммунистический. Ее особенность заключается также в том, что она не ограничивается лишь защитой правопорядка, обеспечением исполнения законов, а преследует цель коммунистического воспитания людей.

Взгляд на юридическую ответственность в социалистическом обществе как на средство исправления и перевоспитания правонарушителей, воспитания всех людей объясняется тем, что социализм, его принципы и устои не порождают правонарушений. Основной субъективной

<sup>1</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 163.

<sup>2</sup> М. Д. Шаргородский, Программа КПСС и вопросы уголовного права. Научная конференция, «Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма», Л., 1963, стр. 9.

причиной правонарушений при социализме являются пережитки прошлого в сознании людей. Хотя эти пережитки в известной мере питаются остатками прошлого в экономике и быту, в какой-то степени оживляются отдельными отрицательными факторами, имеющими место в жизни социалистического общества, их основную объективную причину составляет все же резкое отставание сознания отдельных советских людей от условий материальной жизни общества. А если это так, если антиобщественные умонастроения и стремления не имеют, как правило, корней в нашей действительности, представляют собой пережитки прошлого, значит, можно бороться за искоренение этих пережитков, за предупреждение и ликвидацию их антиобщественных проявлений. Средств такой борьбы много. Юридическая ответственность — одно из необходимых звеньев в их системе, одно из средств коммунистического воспитания.

В советской юридической литературе, главным образом посвященной дисциплинарной ответственности рабочих, служащих, колхозников, нередко можно встретиться и с утверждениями, в которых в качестве единственной цели дисциплинарной ответственности выдвигается по существу воспитание, а охранительная функция упускается из виду. Например, И. Ф. Панкратов указывает, что применение мер юридической и общественной ответственности к должностным лицам колхозов не является самоцелью. «Эти меры применяются к ним не только в целях оказания на нарушителя морального или материального (или того и другого одновременно) воздействия, но главным образом в целях воспитания и перевоспитания самих нарушителей и других лиц и, следовательно, в целях предотвращения совершения новых нарушений как лицами, уже привлеченными к ответственности, так и другими лицами»<sup>1</sup>. Нетрудно заметить, что здесь одна из основных целей всякой юридической ответственности — цель защиты правопорядка вообще или его конкрет-

---

<sup>1</sup> И. Ф. Панкратов, Правовые формы ответственности должностных лиц колхозов, Госюриздат, 1959, стр. 31. Рассматриваемое положение представлялось бы более или менее правильным, если бы автор говорил о «моральном и материальном» воздействии как о первой основной цели — укреплении дисциплины, а затем подчеркивал, что другую цель ответственности составляет воспитание.

ной стороны (в данном случае — трудовой дисциплины), обеспечения неуклонного исполнения требований советского права — исчезает.

Могут возразить, что в приведенной формуле охрана трудовой дисциплины, обеспечение законности подразумеваются сами собой, ибо воспитание правонарушителей и предупреждение правонарушений и есть укрепление дисциплины, обеспечение законности. Возражение небезосновательное, тем более что иногда охрана правопорядка посредством юридической ответственности трактуется лишь как следствие предупреждения правонарушений или исправления и перевоспитания правонарушителя. «Юридической ответственности, — говорится в учебном пособии «Общая теория государства и права», — ... имеет своей задачей предупреждение (профилактику) правонарушений. Наличие и применение ответственности должно так воздействовать на субъектов правоотношения, чтобы стимулировать их к правомерному поведению. Таким образом, юридическая ответственность есть одно из средств обеспечения и укрепления социалистической законности и социалистического правопорядка»<sup>1</sup>.

Согласиться с такой постановкой вопроса трудно. То, что юридическая ответственность через коммунистическое воспитание служит укреплению законности и правопорядка, совершенно несомненно. Нельзя, однако, не видеть разницы между именно таким укреплением законности и правопорядка посредством юридической ответственности и той охраной законности и правопорядка, которая состоит в лишении преступника возможности совершать новые преступления, в принудительном исполнении невыполненной обязанности, в возмещении причиненного имущественного вреда и т. п., т. е. в принуждении к исполнению требований права. Укреплению законности и правопорядка в первом смысле служит не только юридическая ответственность, но и убеждение, непосредственное общественное воздействие на правонарушителей, поощрение, передовой пример и многие дру-

---

<sup>1</sup> «Общая теория государства и права», 1961, стр. 452. О. Э. Лейст считает, что штрафные, карательные санкции охраняют правопорядок исключительно путем общего и частного предупреждения правонарушений (см. О. Э. Лейст, указ. работа, стр. 9, 102, 106 и др.).

гие средства воспитания, повышения уровня социалистического правосознания граждан и должностных лиц. Защита правопорядка во втором смысле — специфическая цель только юридической ответственности. Она не очень наглядно проявляется в тех случаях, когда применяемая к нарушителю мера государственного принуждения не связана с правосознанием, а имеет чисто карательный характер и в то же время не состоит в лишении данного нарушителя свободы, прав, определенной части имущества, иначе говоря, когда мера государственного принуждения ограничивается по существу государственным осуждением правонарушителя. Она, очевидно, потому и не замечается иногда представителями науки колхозного и трудового права, что типичные меры дисциплинарного воздействия затрагивают лишь честь нарушителя. Но эта цель свойственна юридической ответственности в советском обществе всегда, ибо юридическая ответственность есть прежде всего средство защиты социалистического правопорядка, государственное принуждение к исполнению требований советского права.

*Итак, юридическая ответственность в советском обществе имеет две основные цели — защиту социалистического правопорядка и коммунистическое воспитание граждан. Они достигаются одной мерой государственного принуждения, применяемой к правонарушителям, а не разными средствами и мерами воздействия. Каждый акт применения и исполнения юридической санкции за правонарушение одновременно охраняет правопорядок, обеспечивает исполнение требований права и воспитывает граждан. Правы Б. С. Никифоров и А. С. Шляпочников, выступая против представления о том, что наказание складывается из кары и воспитания (исправления), что при лишении свободы кара выражается в факте лишения осужденного этого важнейшего блага, тогда как воспитательный элемент состоит, в частности, в привлечении осужденного к общественно полезному труду. «Здесь кара как бы противопоставляется воспитанию. В действительности же кара имеет своим содержанием, с одной стороны, лишение или ограничение благ или причинение осужденному страдания в соответствии со степенью его вины, с другой — она воспитывает как самого осужденного, так*

и других граждан в духе понимания того, что совершенное осужденным деяние отрицательно оценивается государством и обществом и влечет за собой причинение виновному страдания»<sup>1</sup>.

Почему же наказание (государственное принуждение к исполнению требований права) в буржуазном обществе в принципе не способно исправлять или устрашать, а в социалистическом обществе одновременно и охраняет правопорядок, и является воспитательной силой? Говоря о воспитательной роли уголовного наказания в ГДР, Е. Бухгольц правильно отмечает, что оно воспитывает нарушителей и всех участников общественных отношений не потому, что об этом говорится в речах руководящих деятелей юстиции или в научных работах, а потому, что оно обладает объективными качествами, присущими государственному принуждению только при социализме и сообщающими ему такую способность<sup>2</sup>. Эти качества следующие. Во-первых, уголовное наказание действует в том же направлении, что и прогрессивные объективные закономерности развития общества; оно не мешает действию этих закономерностей, а способствует их беспрепятственному действию. Во-вторых, воспитательные результаты принуждения при социализме не подрываются объективными экономическими факторами, обуславливающими возрождение антиобщественных умонастроений и делающими человека правонарушителем помимо его воли (кризисы, безработица, неуверенность в завтрашнем дне, громадный разрыв в степени обеспеченности немногих и основной массы населения и т. п.). В-третьих, оно соответствует интересам большинства трудящихся или всего общества. В-четвертых, принуждение применяется лишь к меньшинству, на основании и вслед за убеждением большинства общества. В-пятых, оно действует в том же направлении, что и вся система воспитательных мероприятий государства и общества. В-шестых, принуждение дополняется и поддерживается

<sup>1</sup> Б. С. Никифоров, А. С. Шляпочников, Некоторые проблемы дальнейшего развития советского уголовного права в свете Программы КПСС, «Советское государство и право» 1962 г. № 2, стр. 62.

<sup>2</sup> E. Buchholz, Einige Bemerkungen zur erzieherischen Rolle der Strafe in der Deutschen Demokratischen Republik, «Staat und Recht», 1957, Hf. 1, S. 37 ff.

моральным осуждением правонарушителя со стороны общества. В-седьмых, оно часто воспринимается нарушителем не как чуждое ему насилие над его личностью, а как причинение определенных лишений самому себе. Эти объективные свойства государственного принуждения при социализме и делают его средством коммунистического воспитания: принудительного искоренения пережитков прошлого в сознании нарушителя и внедрения на их место подлинно коммунистических умонастроений и стремлений (его исправления и перевоспитания).

3. Защита социалистического правопорядка и коммунистическое воспитание граждан — самостоятельные цели юридической ответственности. Достижение каждой из них посредством механизма правовой ответственности имеет свои особенности.

*Цель защиты социалистического правопорядка* достигается в процессе многосторонней деятельности. Во-первых, возможность наступления правовой ответственности служит серьезным стимулом воздержания от противоправных деяний. Более того, в нашем обществе ответственность используется еще до ее возложения в качестве побудительного мотива к активному выполнению субъектами права своих юридических обязанностей. Например, сторона, не принявшая исчерпывающих мер к выполнению обязательства поставки, несет за это имущественную ответственность. Показательно в данном отношении дело № 411/4 Госарбитража при Совете Министров РСФСР за 1966 год. В соответствии с принятыми к исполнению нарядами планирующих органов завод должен был поставить своему покупателю в течение первого—второго кварталов 1966 года электрощетки. Марка электрощеток и другие технические показатели были сообщены поставщику. Поскольку обязательство поставки исполнено не было, а претензия об уплате неустойки за недопоставку продукции поставщиком не удовлетворена, покупатель обратился с иском в Госарбитраж при Совете Министров РСФСР. В отзыве по делу завод сообщил, что недопоставка электрощеток вызвана тем, что ему не были выделены фонды на стеклолакотрубку, которая необходима для изготовления электрощеток. Заявка на требуемое количество стеклолакотрубки была выслана заводом в управление оборудования и комплектации своевременно. Поскольку недопоставка электрощеток про-

изошла из-за отсутствия фондов на стеклолакотрубку, вина завода в неисполнении обязательства поставки отсутствует и, следовательно, нет оснований для взыскания неустойки. Госарбитраж при Совете Министров РСФСР не согласился с возражением ответчика и удовлетворил иск о взыскании неустойки, исходя из следующих обстоятельств. Действительно, в декабре 1965 года, до начала периода поставки, завод направил заявку на необходимое количество стеклолакотрубки в управление оборудования и комплектации. Последнее обратилось с ходатайством об оформлении нарядов на поставку стеклолакотрубки в соответствующие плановые органы. На этом практически и ограничились все меры, принятые заводом для получения фондов. Вплоть до мая—июня 1966 года, т. е. до того времени, когда истекли сроки поставки, завод не ставил вопроса перед плановыми органами о выделении фондов на трубку, не информировал вышестоящие и плановые органы о срыве поставок из-за отсутствия этих фондов. Кроме того, о невозможности выполнения обязательства поставки завод не известил своего покупателя. Только в ответе на претензию об уплате неустойки, признавая факт недопоставки, завод объяснил покупателю ее причины. С учетом этих обстоятельств Госарбитраж при Совете Министров РСФСР признал, что завод не принял своевременно исчерпывающих мер к выполнению обязательства поставки, и возложил на него имущественную ответственность<sup>1</sup>.

Во-вторых, юридическая ответственность является средством восстановления нарушенных общественных отношений и правопорядка<sup>2</sup>. Противоправное поведение препятствует правовому регулированию, посягает на регламентируемые правовыми нормами общественные отношения, причиняет им определенный вред. Поэтому ближайшей задачей возложения ответственности является устранение нанесенного вреда в тех пределах, в каких это возможно.

В-третьих, юридическая ответственность служит выполнению задач общего и частного предупреждения правонарушений. В процессе решения этих задач имеет

<sup>1</sup> «Советская юстиция» 1967 г. № 9, стр. 35.

<sup>2</sup> См. также В. Г. Смирнов, Функции советского уголовного права, стр. 14.



место частичное совпадение обеих основных целей юридической ответственности, о чем речь пойдет ниже.

*Цель коммунистического воспитания* включает как предупреждение совершения новых правонарушений лицом, несущим ответственность, так и предупреждение совершения правонарушений иными лицами. Исправление нарушителя в процессе разбирательства, разрешения дела и исполнения принятого решения предполагает принудительное искоренение из его сознания тех умонастроений и стремлений, которые привели к правонарушению, воспитание мотивов правомерного поведения и, таким образом, предупреждение новых правонарушений с его стороны. Равным образом воспитательное воздействие юридической ответственности на иных участников общественных отношений, осуществляется ли оно через формулирование, издание и разъяснение норм об ответственности или через воздействие на сознание людей конкретного разбирательства и разрешения дела о правонарушении, включает воспитание их в духе бережного отношения к социалистической собственности, уважения к личности, правам, чести и достоинству граждан, точного и неуклонного исполнения советских законов, соблюдения дисциплины труда. Это — важнейшая конкретная задача, в которой воплощается цель коммунистического воспитания, но не единственная. Закон требует не только исправления, но и перевоспитания преступника<sup>1</sup>; среди целей суда он указывает на воспитание советских людей в духе преданности Родине и делу коммунизма, честного отношения к общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития. Иначе говоря, воспитательное воздействие юридической ответственности предполагает не просто воспитание у людей мотивов правомерного поведения, непосредственное предупреж-

---

<sup>1</sup> Нередко говорят, что исправление без воспитания невозможно (см., например, И. С. Ной, Вопросы теории наказания в советском уголовном праве, Саратов, 1962, стр. 46 и сл.). Практически, как правило, они действительно неразрывно связаны. Но в некоторых случаях, когда юридическая ответственность приводит к искоренению из сознания лица мотивов противоправного поведения и замене их таким мотивом правомерного поведения, как слепое почитание всякого веления власти, преклонение перед всем государственным, — об исправлении можно говорить (лицо правонарушений не совершает), а о подлинном перевоспитании — нельзя.

дение правонарушений, а внедрение в сознание лица, допустившего правонарушение, подлинно коммунистических взглядов, воспитание всех граждан и должностных лиц как активных борцов за победу коммунизма<sup>1</sup>. Кроме того, правовая ответственность призвана оказывать воспитательное воздействие и на тех членов социалистического общества, которые сознают необходимость и целесообразность исполнения правовых предписаний и поступают в соответствии с этим убеждением. На примерах неотвратимости ответственности правонарушителей эта часть общества убеждается в действительности социалистического права, получает моральное удовлетворение от факта защиты правовых норм и регулируемых ими общественных отношений<sup>2</sup>. Чувство убежденности и морального удовлетворения вызывает в свою очередь возмущение фактами правонарушений, нетерпимость к ним и способствует повышению активности в борьбе с посягательствами на социалистический правопорядок и в воспитательной работе с правонарушителями.

4. Отмечая относительную самостоятельность целей защиты социалистического правопорядка и коммунистического воспитания, следует одновременно подчеркнуть их тесную связь. Последняя выражается в том, что обе основные цели юридической ответственности, во-первых, служат более общей единой цели — построению коммунистического общества в нашей стране, а во-вторых, в значительной мере переплетаются в такой конкретной цели юридической ответственности, как предупреждение новых правонарушений (частное и общее предупреждение правонарушений). Она закрепляется в приведенных выше нормах права, особенно в ст. 20 Основ уголовного законодательства, и достигается как через воспитатель-

---

<sup>1</sup> См. Б. С. Никифоров, Некоторые вопросы уголовного права в условиях общенародного государства, «Советское государство и право» 1963 г. № 4, стр. 64—65. В свете этого правильного положения неверным представляется утверждение Б. С. Никифорова о том, что исправление и перевоспитание осужденных — не самоцель, а всего лишь средство для решения задачи предупреждения преступлений (см. там же, стр. 64). Цель перевоспитания значительно шире предупреждения правонарушений. Она включает борьбу за подлинно нового человека, активного борца за коммунизм.

<sup>2</sup> См. по этому вопросу О. С. Иоффе, А. И. Королев, Сущность социалистического государства и права, изд-во ЛГУ, 1963, стр. 52; И. С. Ной, указ. работа, стр. 79.

ное воздействие ответственности, так и через защиту правопорядка.

Советский социалистический правопорядок есть одна из форм общественного упрочения социалистического способа производства. Защита социалистического правопорядка посредством юридической ответственности служит его укреплению, а значит, и постепенному развитию на его основе коммунистической экономики, превращению всей совокупности социалистических общественных отношений в коммунистические. Тем более очевидно служение юридической ответственности целям построения коммунизма через ее воспитательное воздействие. Здесь юридическая ответственность непосредственно выступает как одно из средств создания духовных предпосылок коммунистического общества. Этот факт позволяет с полным правом говорить о правоохране (и юридической ответственности в качестве ее важнейшей составной части) как одной из правовых форм осуществления функций государства или одной из правовых функций Советского государства — главного орудия строительства коммунизма и защиты его завоеваний от посягательств извне.

Несколько менее ясна связь основных целей юридической ответственности в задаче предупреждения правонарушений. На этом вопросе следует остановиться более подробно.

*Предупреждение правонарушений как одна из конкретных целей юридической ответственности достигается через осуществление не только цели коммунистического воспитания, но и цели защиты правопорядка.* Дело в том, что защита правопорядка в качестве одной из своих конкретных целей предполагает устрашение неустойчивых людей и удержание их тем самым от совершения правонарушений, устрашение нарушителя и удержание его тем самым от новых правонарушений<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> В социалистическом обществе суть и смысл правового воспитания состоят не в подавлении воли человека страхом перед ответственностью и не во внушении слепого почитания всякого веле-ния власти, а в достижении сознательного и добровольного исполнения требований советского закона, в действительном повышении общественного самосознания и развитии гражданских чувств человека. «Устрашение несовместимо с воспитанием и апеллирует не к сознательности, а к страху» (Б. С. Утевский, Некоторые вопросы дальнейшего развития теории уголовного права, «Советское

Неотъемлемый элемент любого института юридической ответственности в советском обществе составляют правовые санкции. Именно с их помощью осуществляется запрет Советским государством противоправных деяний. Поскольку санкции представляют собой указание на меры государственного принуждения, применяемые в случае нарушения правового запрета, они выступают как угроза со стороны государства тем, кто не желает считаться с требованиями права. Подавляющее большинство советских граждан соблюдают предписания закона добровольно. Некоторую же часть граждан удерживает от правонарушений именно страх перед юридической ответственностью, перед неблагоприятными юридическими последствиями отступления от требований закона. Это ни в коей мере нельзя упускать из виду при формулировании составов правонарушений и мер государственного воздействия в случае их совершения. Пока сознание всех советских людей не выросло настолько, чтобы они могли понимать теснейшую связь между их индивидуальными интересами и интересами социалистического общества, сознавать соответствие закона правильно понимаемым интересам отдельных индивидов и их групп, до тех пор и страх перед наказанием (ответственность вообще) необходимо использовать для предупреждения правонарушений.

Примером того, что юридическая ответственность служит цели общего предупреждения правонарушений и через такую конкретную цель, как устрашение, может служить, в частности, следующий факт: 4 мая 1961 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издал Указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Следствием его издания было то, что подавляющее большинство лиц, подпадающих под действие этого Указа, немедленно или после первого же предупреждения со стороны соответствующего

---

государство и право» 1963 г. № 6, стр. 42). Нельзя, однако, согласиться с Б. С. Утевским, что устрашение не является у нас одной из целей наказания. Эта цель связана не с целью воспитания (с ней она несовместима, тут Б. С. Утевский прав), а с целью охраны социалистического правопорядка.

щих органов устроилось на работу<sup>1</sup>, что нельзя рассматривать как их мгновенное перевоспитание. Это — результат страха перед применением такой административной меры, как выселение. Немалую роль играет устрашение и в конкретных случаях юридической ответственности. Причинением неблагоприятных для нарушителя последствий Советское государство старается удержать его от повторения подобных нарушений в будущем, заставить соблюдать советский закон хотя бы из страха перед теми лишениями, которые ему пришлось перенести за совершенное правонарушение. Характер этого устрашения зависит от характера и степени общественной вредности допущенного нарушения и предопределен законом. Однако Советское государство не ставит даже перед уголовным наказанием цели причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства правонарушителя, ибо социалистическому общественному и государственному строю, юридической ответственности при социализме свойственны подлинный демократизм и гуманизм.

Конечно, это минимум того, что преследует Советское государство при осуществлении юридической ответственности. Максимум — действительное исправление и перевоспитание правонарушителя, искоренение из его сознания пережитков прошлого и внедрение подлинно социалистических и коммунистических представлений. Однако и об этом минимуме забывать нельзя. В мире своекорыстия, писал Маркс, законы имеют значение для человека не потому, что они — законы его собственной воли и сущности, а потому, что они господствуют и отступление от них карается<sup>2</sup>. В советском социалистическом обществе законы выражают волю всего народа и каждого гражданина, а потому соблюдаются прежде всего в силу убежденности в правильности и необходимости этого. Но есть люди, для которых закон имеет значение потому, что отступление от него карается. Учитывая это, В. И. Ленин так определял задачи советского суда: «устрашение + воспитание»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1963 г. № 2, стр. 1; И. Д. Перлов, Суд и общественность в борьбе с тунеядцами, изд-во «Знание», 1962, стр. 19—20.

<sup>2</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 411.

<sup>3</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 547.

При этом не следует думать, что устрашение — цель лишь таких наказаний и взысканий, как лишение свободы, ссылка, высылка, конфискация, штраф и т. п., что об устрашении нельзя говорить в отношении, например, общественного порицания, административного предупреждения, дисциплинарного выговора. Уже отмечалось, что лишения, которые несет нарушитель, не исчерпываются реализацией санкций. Отчет в проступке, осуждение его также малоприятные последствия правонарушения. И если процесс разбирательства и разрешения дела о правонарушении построен правильно, он тоже устрашает, тоже создает мотивы правомерного поведения в будущем, нежелание еще раз все это претерпеть из-за нарушения закона. Особенно эффективно в этом смысле публичное разбирательство дел о правонарушениях на предприятиях, в учреждениях и организациях, где нарушитель работает, учится и т. д. Оно повышает и воспитательное воздействие ответственности.

Таким образом, ни цель коммунистического воспитания, ни цель защиты правопорядка не исчерпываются общим и специальным предупреждением правонарушений. Но и та, и другая включают эту конкретную цель, что помимо всего сказанного ранее также позволяет говорить об обеих названных основных целях как о двуединой цели юридической ответственности в советском обществе. Нормы об ответственности и каждый акт юридической ответственности одновременно воздействуют на разные стороны сознания людей. Они рассчитаны прежде всего на то, чтобы устранить пережитки прошлого, внедрить в сознание человека подлинно коммунистические представления и стремления, сделать его активным участником коммунистического строительства, а не просто человеком, механически исполняющим законы. Но в интересах защиты незыблемости социалистического правопорядка не забывается и воздействие на такие струны человеческой души, как страх перед неблагоприятными последствиями нарушений советских законов. Конечно, в отдельных случаях правомерное поведение может обуславливаться либо одним, либо другим мотивом, внушаемым юридической ответственностью. Это во многом зависит от уровня сознательности, мировоззрения человека. Но то, что юридическая ответственность предотвращает правонарушения созданием хотя бы такого мотива

правомерного поведения, как страх перед нею, несомненно. Без этого угроза принуждением, содержащаяся в институте юридической ответственности, и осуществление самого принуждения в процессе ответственности, когда оно не связано с лишением или ограничением личной свободы нарушителя либо принуждением его к реальному исполнению невыполненной обязанности, непонятны.

5. Наконец, несколько слов о целях юридической ответственности за объективно противоправные деяния. Можно ли сказать, что охарактеризованная выше двуединая цель юридической ответственности в советском обществе свойственна и ответственности за объективно противоправные деяния. Думается, можно. Но здесь есть особенности, которые нельзя не учитывать. Цель охраны правопорядка выступает в данном случае только как цель восстановления нарушенного права (отмена незаконного акта или решения, возмещение причиненного вреда и т. п.). Ответственность без вины в советском обществе не может состоять в применении карательных санкций; она допускается лишь в виде применения правовосстановительных санкций. Это естественно, ибо здесь само противоправное деяние непосредственно обусловлено не отрицательным внутренним отношением лица к интересам советского общества, а другими факторами (невозможностью предвидеть последствия деяния и т. д., вплоть до таких обстоятельств, которые лицо в данных условиях предотвратить вообще не в состоянии). Поскольку Советское государство по тем или иным причинам не может оставить некоторые из объективно противоправных деяний без юридических последствий, точнее, без устранения их вредных результатов юридическим путем, оно допускает юридическую ответственность за них, но лишь такую, которая направлена на восстановление нарушенного права, ликвидацию причиненного вреда. Естественно, что в этом случае нельзя говорить и о цели устрашения лица, несущего ответственность, и иных лиц. Удерживать от совершения противоправных деяний страхом перед ответственностью за них можно только в том случае, когда деяние зависит от воли лица.

Что касается цели воспитания, то она выступает здесь в своеобразном виде. Цель исправления и перевоспитания нарушителя в данном случае исключается. Раз деяние не зависит от воли лица, значит, нельзя ставить

ему в упрек это деяние, осуждать за него, стараться переделать его сознание и волю. О воспитании мотивов, препятствующих совершению объективно противоправных деяний, с помощью норм об ответственности и самих конкретных фактов ответственности можно говорить лишь в одном плане, а именно в плане воспитания максимальной осторожности и осмотрительности вообще всех участников общественных отношений, в которых возможна ответственность без вины. Сознание неизбежности отмены незаконного акта, возмещения причиненного вреда и связанных с этим неприятностей — вот единственный мотив, который может создаваться ответственностью без вины и в известной мере служить стимулом к максимальной осторожности и осмотрительности при совершении соответствующих действий. Впрочем, зачастую факт допущения ответственности без вины действует как раз в обратном направлении. Поэтому повышение воспитательной роли права и юридической ответственности предполагает сокращение сферы действия ответственности без вины<sup>1</sup>.

Таковы, на наш взгляд, основные цели юридической ответственности в советском обществе.

6. Разумеется, защита социалистического правопорядка и коммунистическое воспитание трудящихся достигаются не только и не столько путем использования института правовой ответственности. Ведущая роль в осуществлении этих целей принадлежит хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе КПСС;

---

<sup>1</sup> Связь задач по коммунистическому воспитанию трудящихся с более последовательным проведением начал вины в области гражданско-правовой ответственности отмечают также С. С. Алексеев («Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма», Госюриздат, 1962, стр. 169) и Р. О. Халфина («Воспитательная роль гражданско-правовой ответственности в период развернутого строительства коммунизма», «Советское государство и право» 1963 г. № 6, стр. 75 и сл.; ее же, Правовое регулирование поставки продукции в народном хозяйстве, изд-во АН СССР, 1963, стр. 250 и сл.). Более того, в последнее время делаются предложения поставить объем и гражданско-правовой ответственности в зависимость от формы вины правонарушителя. При этом в качестве одного из доводов указывается на необходимость повысить эффективность воспитательной функции гражданско-правовой ответственности (см. Н. Малейн, Вина и гражданско-правовая ответственность, «Советская юстиция» 1968 г. № 2, стр. 8).



Советского государства и общественных организаций. Хозяйственно-организаторская деятельность обеспечивает решение основной экономической задачи — создание материально-технической базы коммунизма. Упрочение и совершенствование социалистических производственных отношений, развитие и укрепление материальной базы советского общества — таковы главные результаты хозяйственно-организаторской деятельности. Другими результатами этой работы, чрезвычайно важными для искоренения правонарушений, являются постепенное преодоление существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом; постепенное решение жилищной проблемы и преодоление недостатков в снабжении населения товарами народного потребления; повышение жизненного уровня народа, снижение разрыва в уровне оплаты труда различных категорий трудящихся и т. д.

Строительство материально-технической базы коммунизма обуславливает повышение коммунистической сознательности масс и сокращение правонарушений, хотя одним развитием экономики искоренить правонарушения нельзя. Они, если брать их субъективно-психологические причины, коренятся прежде всего в пережитках прошлого в сознании отдельных людей. Поэтому основу процесса их ликвидации составляет повышение коммунистической сознательности масс. Не случайно В. И. Ленин считал коренным условием преодоления бюрократизма повышение культуры народа, требовал научить культурно бороться за законность<sup>1</sup>. От уровня культурности (в самом широком смысле этого слова, включая сюда политическую просвещенность, социалистическую сознательность)<sup>2</sup> зависит уровень добровольности и сознательности в исполнении требований закона как гражданами, так и должностными лицами.

Повышение уровня коммунистической сознательности советских людей на базе нашей социалистической действительности, практической борьбы за коммунизм,

---

<sup>1</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 248, 260; т. 44, стр. 465; т. 45, стр. 389—391, 441 и др. См. также М. И. Калинин, О социалистической законности, изд-во «Известия», 1959, стр. 132—135.

<sup>2</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 171—173.

системы специальных культурно-воспитательных мероприятий, осуществляемых партией, общественными организациями и государством,— вот основа ликвидации правонарушений; укрепления законности. Именно на воспитании коммунистической сознательности и сделан упор, в частности, в июльском и декабрьском (1966 г.) решениях ЦК КПСС и Советского правительства, направленных на усиление борьбы с нарушениями общественного порядка и укрепление трудовой дисциплины<sup>1</sup>. ЦК КПСС и Совет Министров СССР отметили, что отрицательное поведение отдельных людей в значительной мере объясняется слабой работой многих партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций по воспитанию сознательной дисциплины у членов нашего общества, что руководители предприятий,строек, учреждений и учебных заведений мирятся с фактами хулиганства, пьянства и других антиобщественных проявлений, совершаемых членами их коллектива, мало занимаются воспитанием населения в духе неуклонного соблюдения советских законов и нетерпимости к правонарушениям. В соответствии с этим одной из важнейших задач партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов, хозяйственных руководителей и общественных организаций признано значительное улучшение воспитательной работы среди населения, и прежде всего с молодежью, на предприятиях, стройках, в учебных заведениях и по месту жительства.

Необходимость повышения эффективности всей воспитательной работы, укрепления трудовой дисциплины, усиления борьбы с такими антиобщественными явлениями, как хищения социалистической собственности, прогулы, злоупотребления спиртными напитками, с особой силой вновь подчеркнул декабрьский (1969 г.) Пленум ЦК КПСС<sup>2</sup>.

Что касается преодоления таких нарушений советской законности, которые совершаются без вины, то пути борьбы с ними определяются порождающими их причинами. В частности, преодоление нарушений законности,

<sup>1</sup> См. «В ЦК КПСС, Президиуме Верховного Совета СССР и Совете Министров СССР», «Правда» 27 июля 1966 г.; «В Центральном Комитете КПСС», «Правда» 22 декабря 1966 г.

<sup>2</sup> См. «Правда» 13 января 1970 г.

коренящихся в незнании закона, предполагает улучшение публикации нормативных актов, освобождение всей системы нормативных актов от устаревших положений и противоречий, создание и широкую публикацию собраний законодательства, улучшение юридической службы в учреждениях, на предприятиях и в организациях, юридического обслуживания населения, расширение юридического образования в стране и т. д. Иначе говоря, и здесь борьба должна быть направлена против тех субъективных и объективных причин, которые порождают нарушения законности. Важнейшее значение в этом плане имеет осуществление мер, предусмотренных постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве»<sup>1</sup>.

Наряду с деятельностью партии, государства, общественных организаций по созданию материально-технической базы коммунизма и коммунистическому воспитанию трудящихся, которая является объективной основой ликвидации всех нарушений социалистической законности и правопорядка, в нашем обществе широко используются и многие специальные средства борьбы с правонарушениями. Эти средства меньше воздействуют на те объективные факторы, которые способствуют сохранению пережитков прошлого в сознании отдельных лиц, чем создание материальной базы коммунизма и воспитательная работа. Но недооценивать их в деле борьбы с правонарушениями ни в коем случае не следует.

Правонарушения нельзя ликвидировать только путем непосредственной борьбы с ними, но существенно снизить их число можно. Известно, что в нашем обществе имеются объективные трудности, которые могут отрицательно сказываться на сознании и поведении людей. Необходимо искать пути для того, чтобы ограничить нежелательное влияние этих трудностей. Но у нас немало и таких недостатков, которые связаны с упущениями в семейном воспитании, в воспитании молодежи в вузе, на предприятии, в колхозе. Эти недостатки порой оказывают решающее воздействие на формирование личности. Здесь мы можем сделать многое, здесь немало зависит только от нас.

Убеждение, принуждение и иные подобные им методы

<sup>1</sup> СП СССР 1971 г. № 1, ст. 1.

в условиях социалистического общества не являются лишь вспомогательными средствами борьбы с нарушениями законности. Обусловленность правонарушений при социализме прежде всего резким отставанием сознания некоторой части людей делает непосредственную борьбу с правонарушениями одним из основных методов их преодоления.

Методы непосредственной борьбы с правонарушениями многообразны. Они осуществляются в той или иной мере всеми организациями, образующими политическую систему советского общества. «Укрепление законности — это задача не только государственного аппарата. Партийные организации, профсоюзы, комсомол обязаны делать все, чтобы обеспечить строжайшее соблюдение законов, улучшить правовое воспитание трудящихся. Уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека»<sup>1</sup>.

На первое место среди специальных средств укрепления социалистической законности выдвигаются убеждение, профилактика, непосредственное общественное воздействие на правонарушителей. Государственное принуждение применяется лишь в отношении того меньшинства, действия которого, несмотря на большую разъяснительную работу, расходятся с волей народа, выраженной в законе. Поскольку имеют место нарушения социалистической законности, государственное принуждение как средство борьбы с ними необходимо. Но оно, подчеркивал В. И. Ленин, должно опираться на все более и более широкую работу вовлечения, организации, поднятия общекультурного уровня<sup>2</sup>.

Одной из сторон государственного принуждения является юридическая ответственность, которая состоит в конечном счете в применении юридических санкций к правонарушителям. Следовательно, юридическая ответственность — лишь одно из специальных средств обеспечения законности. Она занимает совершенно определенное и необходимое место в системе мер, служащих ее укреплению. Значение этого средства не следует ни пре-

---

<sup>1</sup> Л. И. Брежнев, Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, стр. 99.

<sup>2</sup> См. Ленинский сборник XXXVI стр. 172.

увеличивать, ни преуменьшать. Мерами одной юридической ответственности невозможно искоренить нарушения законности. Но и недооценивать этих мер нельзя. Применение их в строгом соответствии с демократическими принципами социалистического общества, на базе правильно поставленной работы по убеждению граждан и должностных лиц в необходимости исполнения правовых требований, в тесном сочетании с профилактикой, непосредственным общественным воздействием на правонарушителей, развитием и совершенствованием юридических гарантий законности и т. д. дает положительные результаты в борьбе с правонарушениями.

Для достижения рассмотренных выше целей необходимы определенные условия. Эти условия должны обеспечиваться, в частности, надлежащим построением и осуществлением ответственности. О тех принципах, которые максимально способствуют достижению целей юридической ответственности в советском обществе, и пойдет речь в следующей главе.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ  
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ  
В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

1. Ответственность по советскому законодательству, как и любой другой правовой институт, основывается на системе определенных принципов. Уяснение этих принципов важно для понимания сущности правовой ответственности, поскольку в совокупности они представляют собой ее обобщенную характеристику. Анализ указанных принципов имеет также значительную ценность для теоретической разработки конкретных вопросов ответственности и научно обоснованного применения на практике такой гарантии социалистической законности, как институт ответственности в праве.

К основным принципам юридической ответственности в советском обществе относятся: ответственность лишь за поведение, за поступки участников общественных отношений, а не за мысли, биологические или социальные свойства, родственные и иные связи людей; ответственность только за вину людей и организаций; законность; справедливость; целесообразность; неотвратимость и быстрота наступления ответственности. В рамках этих общих и основных принципов можно выделить специфические принципы: нормативное определение вида и пределов юридической ответственности, индивидуализация ответственности правонарушителя и др.

Два первых принципа относятся прежде всего к законодателю, учитываются им при формулировании юридических запретов, определении основания юридической ответственности. Так, в случае отступления законодателя

от первого принципа все остальные принципы во многом сводятся на нет.

Но когда эти принципы законодателем учитываются, когда строго проводятся основные демократические принципы, предъявляемые к порядку и форме юридической ответственности (ее достаточно подробная урегулированность, обеспечение привлекаемому к ответственности реального права на защиту и т. д.), тогда в сфере ответственности основным является принцип законности.

В условиях социалистической демократии деятельность государственных органов регулируется законодательством, особенно процесс осуществления юридической ответственности участников общественных отношений, так как он связан с применением мер государственного принуждения. Урегулированность правоохраны — одна из основных черт социалистической демократии, важнейшая гарантия против применения государственного принуждения по произволу или субъективному усмотрению государственных органов. Само это регулирование отличается демократизмом.

В этих условиях, естественно, строжайшее соблюдение требований советского закона, относятся ли они к материальной либо процессуальной стороне юридической ответственности, является основным принципом ее осуществления. В нем находят реальное осуществление демократические принципы, которые относятся к основаниям, а равно порядку и форме ответственности. Кроме того, от строжайшего соблюдения принципа законности зависит осуществление и большинства других принципов ответственности: справедливости, целесообразности и т. д. В этом плане можно сказать, что все принципы ответственности коренятся в принципе законности. Учитывая огромное значение законности для осуществления юридической ответственности в советском обществе, Программа КПСС подчеркивает в отношении социалистического правосудия, что оно осуществляется в полном соответствии с законом, что оно строится на подлинно демократических основах, в частности, осуществляется при строжайшем соблюдении судом, органами следствия и дознания законности, всех процессуальных норм<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> См. «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 400.

2. Основные требования законности применительно к материальной стороне ответственности состоят в том, что ответственность допустима лишь за запрещенное законом деяние и только в пределах закона.

Вопрос о том, что юридическая ответственность возможна лишь за нарушение закона, рассмотрен при анализе основания ответственности. Поэтому здесь следует остановиться только на вопросе об осуществлении ответственности в пределах закона.

Известно, что юридической почвой законности в любой сфере общественной жизни является законодательство, или, иными словами, урегулированность соответствующих общественных отношений нормами права. Весьма важна такая урегулированность, как отмечалось, в сфере юридической ответственности, государственного принуждения к исполнению требований права. Нормативное определение не только оснований, но также вида и пределов юридической ответственности служит одной из коренных предпосылок законности в данной области.

Этот принцип закреплен в законодательном порядке. Статья 32 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик обязывает суд назначать наказание «в пределах, установленных статьей закона, предусматривающей ответственность за совершенное преступление, в точном соответствии с положениями... Основ и уголовного кодекса союзной республики». Согласно Положению об административных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских, сельских, поселковых Советов депутатов трудящихся РСФСР и о порядке производства по делам об административных нарушениях размер налагаемого штрафа «определяется в пределах, предусмотренных актом, устанавливающим ответственность за данный вид нарушения...»<sup>1</sup>.

Способы закрепления вида и пределов юридической ответственности различны. В одних нормативных актах виды и размеры допускаемой ответственности лица, виновного в совершении конкретного правонарушения, определяются вслед за описанием его состава. Такой прием используется в уголовных кодексах, в актах, устанавливающих административную ответственность. Например,

<sup>1</sup> «Ведомости Верховного Совета РСФСР» - 1962 г. № 13, ст. 166.



по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с сорными растениями» от 26 марта 1962 г. непринятие мер по борьбе с сорняками после предупреждения влечет за собой наложение на виновных должностных лиц и граждан штрафа. Последний налагается на председателей колхозов, директоров совхозов, леспромхозов, лесхозов, подсобных хозяйств, опытных станций, начальников отделений железных дорог, начальников дорожных участков шоссейных дорог и руководителей других хозяйств в размере от 20 до 30 руб.; на колхозников, рабочих и служащих совхозов и других граждан, имеющих земельные участки, в размере от 5 до 10 руб.<sup>1</sup>. В гражданском законодательстве (ст. 36 Основ) сформулирован принцип полного возмещения причиненных убытков. Иногда состав правонарушения формулируется в общем виде как нарушение обязанностей, а затем следует перечень возможных мер ответственности. Это имеет место, например, в трудовом праве.

В ряде случаев законодатель отходит от четкого описания вида, пределов, порядка возложения юридической ответственности и отсылает к иным нормативным актам. Так, в ст. 15 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» от 12 апреля 1968 г. говорится, что нарушение установленного порядка рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан, волокита и бюрократическое отношение к ним влекут дисциплинарную ответственность виновных должностных лиц в соответствии с действующим законодательством. Те же деяния должностных лиц, причинившие существенный вред государственным или общественным интересам либо правам и охраняемым законом интересам граждан, а также преследование должностными лицами граждан в связи с подачей ими жалоб или заявлений влекут уголовную ответственность по соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик о должностных преступлениях<sup>2</sup>.

Наконец, в некоторых случаях ответственность за ту или иную разновидность правонарушений предусматри-

<sup>1</sup> См. «Ведомости Верховного Совета РСФСР» 1962 г. № 12, ст. 155.

<sup>2</sup> См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1968 г. № 17, ст. 144.

вается специальным актом, который выступает в качестве естественного дополнения к акту, устанавливающему юридические обязанности. Подобную роль по отношению к Правилам регистрации некооперированных кустарей играет изданный 28 мая 1962 г. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О размере штрафа за нарушение Правил регистрации некооперированных кустарей и ремесленников и за занятие запрещенными промыслами»<sup>1</sup>.

Из трех рассмотренных способов нормативного определения вида и пределов юридической ответственности предпочтителен, на наш взгляд, первый — непосредственное закрепление в том же акте, где описан состав (составы) правонарушения или установлена юридическая обязанность, объема возможной ответственности правонарушителя, так как этот способ наиболее удобен для пользования и не вызывает противоречивых суждений. Однако иногда в интересах достижения большей четкости и устранения в актах ненужных повторений и параллелизма целесообразна простая ссылка на действующее законодательство. При этом желательно, чтобы в такой ссылке указывалось, какое законодательство имеется в виду. Использование третьего способа представляется в принципе нежелательным, потому что приводит к ненужной путанице, затрудняет пользование нормативным материалом. Обращение к нему оправдано лишь в тех случаях, когда необходимо устранить допущенный в свое время пробел (юридическая обязанность предусмотрена, а ответственность за ее нарушение — нет) и когда появилась необходимость внести дополнения к ранее предусмотренной правовой ответственности.

Установленные законом вид и мера ответственности обязательны для органов и лиц, рассматривающих и разрешающих дела о правонарушениях. Тем не менее в практике государственных органов и общественных организаций еще встречаются случаи нарушения этого принципа.

---

<sup>1</sup> См. «Ведомости Верховного Совета РСФСР» 1962 г. № 22, ст. 299; см. также Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении административной ответственности за нарушение правил рыболовства и охраны рыбных запасов в водоемах СССР», «Ведомости Верховного Совета СССР» 1964 г. № 14, ст. 158.

Они проявляются в различных формах. Во-первых, некоторые государственные органы назначают конкретному правонарушителю такой вид ответственности, который не предусмотрен действующим нормативным актом за совершенное им правонарушение, либо определяют объем правовой ответственности, который выходит за пределы, очерченные актом. Так, Данковский районный суд Липецкой области осудил Жданова по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы со ссылкой в отдаленные местности РСФСР сроком на три года. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР определением от 10 августа 1965 г. приговор изменила, исключив из него дополнительную меру наказания в виде ссылки, поскольку санкция ч. 2 ст. 206 УК РСФСР не содержит указания о возможности применения к виновному ссылки<sup>1</sup>. В другом случае приговором Ленинского районного народного суда г. Шахты Филимонов осужден по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР к одному месяцу лишения свободы с отбыванием наказания в трудовой колонии для несовершеннолетних. Одним из поводов к отмене приговора явилось то, что при рассмотрении данного дела суд нарушил требование ст. 24 УК РСФСР, в силу которой лишение свободы не может быть назначено на срок ниже трех месяцев даже при условии применения ст. 43 УК РСФСР<sup>2</sup>. В нашей юридической печати отмечалось также, что правления некоторых колхозов иногда налагают на колхозников взыскания, не предусмотренные действующим законодательством: денежные штрафы, штрафы в размере пяти трудовых, лишение основной и дополнительной оплаты труда и др.<sup>3</sup>.

Во-вторых, иногда компетентный государственный орган, устанавливая юридические обязанности, совершенно не упоминает об ответственности виновных лиц за их нарушение или, называя ее, не конкретизирует вид и преде-

---

<sup>1</sup> См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1966 г. № 2; см. также постановление Пленума Верховного Суда СССР от 20 апреля 1964 г. по иску Рака Г. И. к Тбилисской автоколонне о восстановлении на работе, «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1964 г. № 3, стр. 29—30 и др.

<sup>2</sup> См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1967 г. № 7, стр. 14.

<sup>3</sup> См. «Социалистическая законность» 1963 г. № 4, стр. 53.

лы ответственности. Как правильно заметил С. Н. Братусь, юридические обязанности ничто без юридической ответственности<sup>1</sup>. Здесь имеются в виду такие случаи, когда в действующем законодательстве отсутствует норма об ответственности за невыполнение предусмотренных правовым актом юридических обязанностей. Например, согласно ч. 2 ст. 89 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик за вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, соответствующие государственные органы несут имущественную ответственность в случаях и пределах, специально предусмотренных законом. Однако закон, который предусматривал бы случаи и пределы этой ответственности, еще не издан. Поэтому органы дознания (в том числе и органы милиции), предварительного следствия, прокуратуры и суда фактически не несут имущественной ответственности за вред, причиненный неправильными служебными действиями своих должностных лиц<sup>2</sup>.

В-третьих, некоторые государственные органы, общественные организации и должностные лица выходят за рамки своей компетенции при издании актов, устанавливающих вид и пределы ответственности. Так, исполком Шаховского районного Совета депутатов трудящихся Московской области принял решение об установлении штрафа в размере до 10 руб. или принудительных работ до одного месяца за нарушение противопожарных правил в лесах. Между тем действующее законодательство не предоставляет исполкому районного Совета права устанавливать административную ответственность за на-

---

<sup>1</sup> См. С. Братусь, Экономика и право, «Коммунист» 1963 г. № 13, стр. 101.

<sup>2</sup> См. по этому вопросу В. М. Савицкий, Е. А. Флейшиц, Об имущественной ответственности за вред, причиненный должностными лицами органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, «Советское государство и право» 1966 г. № 7, стр. 11 и сл.; Н. С. Малейн, Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями работника милиции, «Советское государство и право» 1967 г. № 1, стр. 131—132; Д. Н. Бахрах, Имущественная ответственность государственных органов за вред, причиненный действиями их должностных лиц гражданам, «Советское государство и право» 1968 г. № 11, стр. 23.

рушение противопожарных правил в лесах. Этот вопрос регулируется Правилами пожарной безопасности в лесах РСФСР, утвержденными постановлением Совета Министров РСФСР от 5 февраля 1962 г. № 141, которые обязаны выполнять все предприятия, учреждения, организации и граждане. За нарушение этих правил виновные должностные лица подвергаются штрафу в административном порядке в размере до 50 руб., а граждане — до 10 руб. Согласно ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 марта 1962 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке», исполкомы районных и городских Советов могут принимать решения, предусматривающие за их нарушение наложение штрафа в административном порядке, лишь в тех случаях, когда дело касается борьбы со стихийными бедствиями, эпидемиями и эпизоотиями. Исправительно-трудовые работы как вид административного взыскания за нарушение решений местных Советов законом вообще не предусмотрены. Исполком районного Совета не мог устанавливать и уголовную ответственность за те или иные действия, так как это не относится к его компетенции<sup>1</sup>.

Другой пример. Исполком Бутурлиновского городского Совета депутатов трудящихся Воронежской области принял решение, которым запрещена езда на велосипедах по тротуарам и скверам города. За нарушение этого решения установлен штраф. Между тем согласно ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» и ст. 5 аналогичного Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 марта 1962 г. право принимать решения, предусматривающие за их нарушение наложение штрафов в административном порядке, имеют лишь краевые, областные, автономных областей, окружные, районные и городские Советы депутатов трудящихся. Решение исполкома Бутурлиновского городского Совета незаконно и по другому основанию. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 марта 1962 г. установлено, что местные Советы депутатов трудящихся не могут принимать

---

<sup>1</sup> См. «Социалистическая законность» 1966 г. № 9; стр. 84.

решения, предусматривающие наложение штрафов в административном порядке, по вопросам, которые регулируются актами вышестоящих органов государственной власти или государственного управления. Права и обязанности водителей велосипедов при езде в городе установлены Правилами движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам СССР, утвержденными Министерством охраны общественного порядка РСФСР 3 июня 1964 г. на основании постановления Совета Министров СССР. Ответственность за нарушение правил велосипедистами установлена Перечнем нарушений правил движения по улицам и дорогам Союза ССР и правил пользования автотранспортом и городским электротранспортом, за которые могут налагаться штрафы в административном порядке, утвержденным постановлением Совета Министров РСФСР от 20 декабря 1963 г. Следовательно, исполкому городского Совета не было необходимости принимать решение об ответственности велосипедистов, так как этот вопрос регламентируется действующим законодательством<sup>1</sup>.

Обобщив практику применения Указа Президиума Верховного Совета СССР «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке», Президиум Верховного Совета СССР в специальном постановлении от 13 октября 1967 г. указал, что решения, предусматривающие штраф за их нарушение, в ряде случаев принимаются местными Советами депутатов трудящихся с превышением их полномочий<sup>2</sup>.

Требования, вытекающие из принципа нормативного определения вида и пределов правовой ответственности, сводятся, таким образом, к следующему. Органы государства, а в ряде случаев общественные организации и должностные лица, устанавливая в издаваемых ими нормативных актах юридические обязанности, должны строго в рамках своей компетенции указывать вид и пределы ответственности, которая возлагается на правонарушителя. Желательно при этом, чтобы в нормативном акте, предусматривающем ответственность, были определены ее низший и высший пределы. Важность установления

<sup>1</sup> См. «Социалистическая законность» 1967 г. № 3, стр. 84.

<sup>2</sup> См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1967 г. № 43, ст. 578.

нижнего предела обуславливается тем, что, как представляется, каждый вид ответственности объективно имеет какую-то минимальную меру, за которой он перестает выполнять отведенную ему роль. Особенно важно ясное закрепление в акте высшего предела применяемого вида ответственности, что обосновывается интересами целесообразности, законности и справедливости. Органы, непосредственно возлагающие на правонарушителя юридическую ответственность, обязаны выбирать только между теми ее видами, которые предусмотрены нормативным актом, и лишь в границах, установленных законодателем.

Основное требование законности, предъявляемое к процессуальной стороне ответственности, — *строжайшее соблюдение компетентными органами установленного законом порядка и формы исследования и разбирательства дел о правонарушениях*. Определяя в нормативных актах процессуальные правовые нормы, законодатель намечает тем самым пути экономного и эффективного, в наибольшей степени отвечающего целям ответственности разрешения дел о правонарушениях и обязывает субъектов складывающихся при этом отношений не уклоняться от них.

Исследование и разбирательство дел о правонарушениях, осуществляется ли оно по инициативе государственных органов или самих участников общественных отношений, направлено на то, чтобы ни одно нарушение законности не осталось нераскрытым, были выявлены все юридически значимые обстоятельства дела, чтобы ни одно лицо, не совершившее противоправного деяния, не пострадало. Нормы советского права, регулирующие данную деятельность, предоставляют для этого соответствующим государственным органам достаточно полномочий.

Вместе с тем они закрепляют гарантии прав и законных интересов всех участников общественных отношений, в том числе тех, которые привлечены к ответственности. Строжайшее соблюдение процессуальных норм составляет поэтому неперемное условие как эффективности борьбы компетентных органов с нарушениями законности, так и неприкосновенности прав и свобод граждан и других участников общественных отношений. Естественно, что Советское государство неуклонно борется с любыми нарушениями процессуальных норм; нарушения,

способные оказать влияние на правильность разрешения дела, влекут отмену приговоров, решений и иных правоохранительных актов.

Но основное требование законности применительно к процессуальной стороне ответственности состоит не просто в соблюдении установленного законом порядка исследования и разбирательства дела, а в том, чтобы в процессе такого исследования и разбирательства при строжайшем соблюдении процессуальных норм либо была обоснована ответственность *данного* лица, либо, напротив, было точно установлено, *что оно не должно нести ответственности*. Для того чтобы ответственность конкретного лица в конкретном случае была законной, необходимо прежде всего точно установить, что именно *это* лицо совершило данное нарушение правопорядка. *Обоснованность есть процессуальное выражение законности юридической ответственности*. Она означает, что основание ответственности данного лица, факт совершения им конкретного правонарушения или объективно противоправного деяния *установлен* соответствующим органом как *объективная истина*.

Нарушения законности, дела о которых исследуются и разбираются компетентными органами, есть, как правило, конкретные явления, которые имели место в прошлом и оставили определенные следы в объективной действительности. Цель исследования и разбирательства дела о нарушении законности заключается прежде всего в том, чтобы установить, было ли действительно совершено нарушение законности, а если было, то какое именно, кто его совершил, каковы причины и условия, способствовавшие его совершению, и т. д. Знания, выводы, соответствующие объективной действительности, составляют объективную истину. Поэтому установление объективной истины — основная процессуальная цель исследования и разбирательства каждого дела о нарушении законности, без достижения которой невозможно говорить об обоснованности, законности юридической ответственности.

Деяния участников общественных отношений оцениваются компетентными органами с точки зрения норм права, и дело об ответственности за нарушение законности возбуждается (при отсутствии предусмотренных законом обстоятельств, препятствующих этому) только в том случае, если данное деяние подпадает под запрещенное



законом. Разумеется, далеко не всегда первоначальная правовая квалификация конкретного деяния оказывается верной. Всестороннее и объективное исследование обстоятельств дела может привести и часто приводит к изменению юридической квалификации. Однако это имеет место только на основании установленных фактов, которые в соответствии с предписаниями права свидетельствуют либо об отсутствии нарушения законности, либо об ином, чем первоначально казалось, ее нарушении.

Нельзя согласиться с мнением М. С. Строговича о том, что как ни тесно связаны между собой фактическая и юридическая стороны рассматриваемого дела о нарушении законности, установление истины по делу сводится все же только к установлению в точном соответствии с действительностью самого факта, события нарушения законности, вне связи фактов и обстоятельств с их правовой оценкой. Последнее, указывает М. С. Строгович, относится к области применения норм права к фактическим обстоятельствам уголовных дел<sup>1</sup>. Не говоря уже о том, что нельзя отрывать применение норм права от установления фактических обстоятельств, составляющего необходимую сторону применения права, с мнением М. С. Строговича трудно согласиться и по существу.

Истина по делу о нарушении законности — это соответствующий действительности вывод о наличии или отсутствии в действиях привлеченного к ответственности лица прежде всего определенного *нарушения законности*. Поэтому в отрыве от норм права, вне юридической оценки имевших место в действительности фактов и обстоятельств истина по такому делу вообще не может быть установлена.

Этот вывод несколько не колеблется ссылкой на то, что один и тот же факт действительности может образовывать сегодня один состав преступления, завтра — другой, а может перестать оцениваться как преступление<sup>2</sup>. «Само событие преступления, — пишет М. С. Строгович, — относится всегда к области прошлого, поэтому

<sup>1</sup> См. М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, изд-во АН СССР, 1955, стр. 14—15, 64; его же, Курс советского уголовного процесса, т. I, изд-во «Наука», 1968, стр. 321 и сл.

<sup>2</sup> См. «Советское государство и право» 1956 г. № 4, стр. 137.

оно не может измениться и должно быть познано именно таким, каким оно было. Юридическая же оценка этого преступления зависит от закона и поэтому может меняться (например, последующий закон может смягчить ответственность за это деяние или вообще сделать его ненаказуемым)<sup>1</sup>. Все это так. Но сказанное лишь подтверждает связь истины по делам о нарушениях законности с нормами права, с оценкой определенных разновидностей поступков в качестве противоправных или правомерных.

Значит ли это, что в содержание истины, устанавливаемой в суде, входит и правовая квалификация совершенного деяния?<sup>2</sup> Если под правовой квалификацией понимать вообще оценку законом фактов того или иного рода, то она в содержание истины не входит. Такая квалификация существует как факт объективной действительности, а не как вывод органа, разбирающего дело о конкретном неправомерном деянии. Если же под правовой квалификацией понимать вывод о правомерности или противоправности конкретного деяния, то он входит в содержание истины тогда, когда соответствует объективной действительности, т. е. оценке фактов определенного рода действующим законом. В том случае, когда такой вывод праву не соответствует, он в содержание истины не входит, ибо является не истиной, а заблуждением, ошибкой, а возможно, и заведомым искажением истины.

Сказанное не может быть опровергнуто ссылкой на то, что в таком случае истина, устанавливаемая при исследовании и разбирательстве дела о нарушении законности, в значительной мере теряет характер объективной истины, поскольку юридическая оценка факта зависит от отношений судей (и других должностных лиц) к рассматриваемому ими деянию, между тем как само деяние, событие от них не зависит, является для них объективным фактом<sup>3</sup>. Всякое знание, если рассматривать его с точки зрения субъекта познания, представляет собой *субъективный* образ объективной действительности. Ис-

<sup>1</sup> М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. 1, стр. 322, 323—324.

<sup>2</sup> См. А. Л. Ривлин, Законность и истинность судебного приговора, «Советское государство и право» 1957 г. № 7, стр. 116.

<sup>3</sup> См. М. С. Строгович, Матерьяльная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, стр. 65.

тинность знания предполагает существование объективной, т. е. не зависящей от субъекта познания, действительности и заключается в соответствии знания этой объективной действительности. Правовая оценка (квалификация) деяния, конечно, зависит от судей или от иных должностных лиц. Но это не значит, что подобная оценка не может быть объективной истиной. Она является таковой, если соответствует объективной действительности, т. е. в данном случае оценке законом определенного рода поступков. В целом истинность выводов по делу о нарушении законности складывается из истинности выводов о фактах и истинности выводов об их юридической природе, причем не как результат отдельного и изолированного исследования фактической и юридической стороны дела и сложения этих двух истин, а как результат исследования фактов действительности в неразрывной связи с их оценкой законом<sup>1</sup>.

Не соглашаясь с мнением тех авторов, которые включают в понятие истины по делу о нарушении законности оценку фактов законом, М. С. Строгович отмечает, что в

---

<sup>1</sup> Развивая эту сторону проблемы, В. Н. Кудрявцев подчеркивает: «Необходимо, прежде всего, чтобы сама уголовноправовая норма объективно отражала действительность, соответствовала интересам общественного развития. Лишь при этом условии юридическая оценка, даваемая при квалификации, будет правильно выражать социально-политическую сущность содеянного» («Теоретические основы квалификации преступлений», автореферат докт. дисс., М., 1963, стр. 8). На наш взгляд, такое добавление вряд ли необходимо. Лицо, которое исследует конкретное деяние и в соответствии с фактами и их оценкой законом делает вывод о наличии или отсутствии в данном случае преступления или иного правонарушения, не может заключить, что правонарушения нет (хотя фактическая сторона дела соответствует признакам состава), ибо сам состав не соответствует интересам общества, целям коммунистического строительства, не целесообразен в этом смысле. Допустить иное понимание истины, устанавливаемой при исследовании обстоятельств и квалификации противоправных деяний, — значит открыть путь произволу и усмотрению. Вопрос, который ставится В. Н. Кудрявцевым, относится к другому, а именно, истинно ли мнение законодателя о том, что конкретное деяние является общественно опасным или общественно вредным в данных социально-политических условиях. Но этот вопрос может решаться и решается только самим законодателем. Если практикой подтверждается, что при установлении правового запрета была допущена ошибка в оценке социальной значимости той или иной разновидности деяний, законодатель рано или поздно меняет закон.

этом случае пришлось бы отнести к содержанию истины и правильное определение наказания. «Сторонники включения в понятие истины в уголовном процессе правовой оценки, — пишет он, — по-разному решают вопрос об определении наказания: одни относят к содержанию понятия истины правильное определение наказания, другие — нет.

Следует признать более последовательной точку зрения тех, кто включает в понятие истины и определение наказания»<sup>1</sup>. Согласиться с этим, однако, нельзя по следующим обстоятельствам. Включение в понятие истины оценки фактов законом отнюдь не предполагает, что в содержание истины входит и определение наказания. Категория истины соотносится лишь со знанием: знание может быть либо истинным, либо ложным. Решение же (в данном случае определение вида и меры наказания) есть модальное суждение. Оно ни истинным, ни ложным не является, хотя может опираться на истинное знание и, значит, быть правильным, или, наоборот, — на ложное знание и, значит, быть неправильным.

Таким образом, *истина по делу о нарушении законности есть соответствие выводов об установленных фактах и их оценке законом объективной действительности.*

Должна ли эта истина быть абсолютной? Попытки ответить на этот вопрос в прошлом привели А. Я. Вышинского к утверждению, что от суда нельзя требовать установления абсолютной истины, что от него можно требовать лишь максимальной вероятности знания о фактах, подлежащих оценке. Это мнение получило довольно большое распространение в нашей литературе. Но поскольку оно явно расходилось с требованиями законности, включало в себя возможность ответственности при условии, что лицо не совершило правонарушения, то вызвало самую серьезную и справедливую критику в нашей науке<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. 1, стр. 324.

<sup>2</sup> См., например, А. А. Старченко, Проблема объективной истины в теории уголовного процесса, «Вопросы философии» 1956 г. № 2, стр. 105 и сл.; А. Бовин, Истина в правосудии, «Известия» 8 февраля 1962 г.; Р. Д. Рахунов, Об извращениях А. Я. Вышинским советской теории доказательств, «Ученые записки ВЮОН», вып. 14, М., 1962, стр. 124 и сл.

А. Я. Вышинский и те, кто следовал за ним в этом вопросе, исходили из того, что абсолютная истина есть исчерпывающее знание об окружающей действительности. Она достигается в бесконечном процессе развития человеческого общества и складывается из ряда относительных истин. При этом поскольку сами относительные истины есть таковые потому, что они касаются лишь отдельных, частных явлений окружающей действительности, а также потому, что иногда могут включать в себя заблуждение, постольку утверждалось, что от суда требуется максимальная вероятность выводов о подлежащих оценке фактах, а не абсолютная истина. То обстоятельство, что основоположники марксизма-ленинизма признавали еще и абсолютную истину как истину конкретного факта, было известно. Однако, ссылаясь на предостережение Ф. Энгельса против употребления больших слов в отношении простых вещей, а также на то, что установление истины судом сложно, что выводы суда совсем не так просты и очевидны как  $2 \times 2 = 4$  и т. д., они не считали возможным говорить об абсолютной истинности выводов суда в данном смысле.

А в этом как раз и заключается корень зла. Из того, что Ф. Энгельс называл такие истины «плоскостями» и т. п., совсем не следует, что он считал истину конкретного факта истиной, так сказать, второго порядка, не абсолютной истиной. В. И. Ленин, разъясняя позицию Ф. Энгельса, подчеркивал, что истин, которые являются вечными, абсолютными, сомневаться в которых позволительно только сумасшедшим, существует очень много<sup>1</sup>. Суть абсолютности, вечности таких истин в том, что они не могут быть опровергнуты в будущем<sup>2</sup>. Именно такими абсолютными истинами и должны быть выводы, устанавливаемые при исследовании и разбирательстве дел о правонарушениях и объективно противоправных деяниях. Когда эти выводы не являются абсолютными истинами в таком смысле, то они не являются и объективными истинами: если эти выводы могут быть опровергнуты в будущем, значит, они не соответствуют объективной действительности, фактам и их оценке законом<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 134.

<sup>2</sup> См. там же.

<sup>3</sup> Понятно, что с точки зрения познания совершенного деяния

Без установления объективной (абсолютной) истины, соответствующего фактам и закону, а потому неопровержимого в будущем знания о том, что данное лицо совершило конкретное нарушение правопорядка, ответственность этого лица не может быть ни обоснованной, ни законной. Установление объективной (абсолютной) истины есть основная предпосылка законности юридической ответственности в любом ее конкретном случае. Если вывод о том, совершено ли в данном случае правонарушение и кем именно, не является объективной (абсолютной) истиной, а основывается на предположении, вероятности и т. д., значит, не исключена возможность возложения ответственности на того, кто правопорядка не нарушил, значит, надо продолжать исследование обстоятельств дела и его разбирательство.

Нарушение основных требований законности, предъявляемых к юридической ответственности, превращает ее в свою противоположность: из средства обеспечения законности и правопорядка — в их нарушение, из средства коммунистического воспитания нарушителя и иных лиц — в источник недовольства, возмущения, протеста. В. И. Ленин отмечал, что люди легко привыкают к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплуатации, если нет ничего такого, что возмущает, вызывает протест и восстание, создает необходимость подавления<sup>1</sup>. В социалистическом обществе нет эксплуатации, а значит, и всего того, что вызывает необходимость восстания и подавления. Здесь вся действительность (общественный характер производства и присвоения, широкое участие масс в управлении делами общества и государства и т. д.) воспитывает у людей привычку к соблюдению норм общественного поведения. Но, с одной стороны, тут есть еще факторы, которые питают, оживляют или создают условия для проявления старых взглядов. С другой — ответственность за антиобщественные проявления таких взглядов лишь

---

в целом эта истина будет относительной, ибо она представляет собой вывод лишь об определенных, юридически значимых, а не всех сторонах деяния со всеми его конкретными особенностями (см. В. Н. Кудрявцев, Теоретические основы квалификации преступлений, автореферат докт. дисс., стр. 9).

<sup>1</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 90.

тогда способствует закреплению в сознаний отвечающего привычки к соблюдению норм права, воспитанию его в духе коммунизма, когда она не вызывает у него чувство возмущения, протеста. При нарушении основных требований законности, предъявляемых к материальной и процессуальной стороне ответственности, по сути дела имеет место нарушение прав участников общественных отношений. В таком случае цели юридической ответственности не могут быть достигнуты. В этом прежде всего заключается смысл утверждения о том, что законность есть не просто один из основных, а главный принцип юридической ответственности в советском обществе, с которым тесно связаны все другие ее принципы.

3. Справедливость — категория моральная. В классовом обществе она имеет классовый характер. «Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике»<sup>1</sup>. Наибольшее число элементов такой морали будущего содержит пролетарская нравственность; перерастание ее в общенародную после полной, окончательной победы социализма — важнейший шаг на пути формирования коммунистической нравственности. Нравственно то, что содействует победе коммунизма<sup>2</sup>, — это критерий морального в советском обществе, это же относится и к справедливости. «...Для нас, — подчеркивал В. И. Ленин, — справедливость подчинена интересам свержения капитала»<sup>3</sup>.

Юридическая ответственность, как уже отмечалось, осуществляется на основании и в пределах закона. Поэтому главная предпосылка справедливости юридической ответственности в каждом конкретном случае состоит в справедливости самого закона с точки зрения характера устанавливаемых им обязанностей и санкций за их нарушение. Мерой справедливости закона явля-

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 96.

<sup>2</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 309, 311. 1

<sup>3</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 364—365.

ется соответствие его потребностям коммунистического строительства, экономическим и политическим закономерностям развития и коренным нравственным принципам социалистического общества. Разумеется, данная мера корректируется объективными условиями существования нашего общества, в связи с чем справедливая обязанность не может устанавливаться, если нет для этого объективных предпосылок (например, ответственность государственных органов за вред, причиненный неправильными служебными действиями их должностных лиц, на общих основаниях установлена только с переходом к строительству коммунизма). Эта мера корректируется также интересами целесообразности; поэтому справедливая обязанность не устанавливается, если с помощью юридической ответственности добиваться ее осуществления нецелесообразно из-за неэффективности ответственности или по другим причинам (например, наше государство отказалось от юридической ответственности за самоаборт). Но речь при этом идет именно о неустановлении определенных справедливых юридических обязанностей и ответственности за их нарушения. Государство не может устанавливать несправедливых обязанностей и юридической ответственности за их нарушение, ибо такое установление означало бы в конечном счете превращение закона из орудия коммунистического строительства в помеху этому строительству. Вместе с тем поскольку решение экономических, культурных, идейно-воспитательных задач коммунистического строительства возможно различными путями и средствами, постольку закон одинаково справедлив, устанавливает ли он одну либо другую обязанность, одну либо другую возможную санкцию за нарушение предусмотренной обязанности. Непререкаемым остается соблюдение только таких коренных политических и нравственных требований, как невозможность превращать проступки в преступления (запрещать уголовным законом то, что имеет характер проступка)<sup>1</sup> и невозможность устанавливать такие меры воздействия, которые связаны с унижением человеческого достоинства<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 131.

<sup>2</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 224.



Требования справедливости, предъявляемые к устанавливаемым законом санкциям, к ответственности за ту или иную разновидность нарушений социалистического правопорядка, состоят в следующем. Во-первых, *когда причиняемый правонарушением вред имеет обратимый характер, запрещающие такие разновидности деяния санкции прежде всего должны обеспечивать восстановление нарушенного права* (принудительное исполнение обязанности, возмещение имущественного ущерба, отмена незаконных актов и т. д.) *и притом в полном объеме.* Исключением является возмещение имущественного ущерба, причиненного предприятию, учреждению, колхозу рабочим, служащим при исполнении ими своих трудовых обязанностей. Конечно, и здесь надо стремиться к полному возмещению ущерба, причиненного по вине работника. Но нельзя, чтобы возмещение ущерба препятствовало развитию трудовой инициативы, мешало разумному хозяйственному риску, подрывало принцип материальной заинтересованности или ставило под угрозу основной источник средств существования человека — его зарплату. От тяжести правонарушения и некоторых других моментов зависит, предусматривается ли за ту или иную разновидность деяний чисто правовосстановительная санкция или же санкция, сочетающая в себе моменты как восстановления права, так и кары (например, штрафная неустойка).

Во-вторых, *когда причиняемый правонарушением вред необратим, предусматриваемая карательной санкцией мера государственного принуждения по виду и размеру должна соответствовать характеру и степени общественной вредности правонарушения.* Чем вреднее для общества соответствующая разновидность правонарушений, тем более серьезной должна быть юридическая санкция. Но, с одной стороны, возможность повышения тяжести санкций не беспредельна. Вид и размер устанавливаемой в законе меры государственного принуждения должен быть таков, чтобы у виновного оставались возможности возвратиться к честной трудовой жизни (мы оставляем в данном случае в стороне смертную казнь). С другой стороны, закон должен предусматривать возможность индивидуализации ответственности и требовать ее в каждом конкретном случае применения карательных санкций (факультативность и

относительная определенность санкций; необходимость учета свойств личности нарушителя; отягчающие и смягчающие ответственность обстоятельства; возможность отказа от юридической ответственности и замены ее ответственностью общественной и т. д.). Иначе говоря, закон должен предоставлять возможность органам, осуществляющим юридическую ответственность, соизмерять ответственность в каждом случае со степенью вины нарушителя перед обществом и требовать этого. Здесь принцип справедливости сливается с принципом целесообразности юридической ответственности, что будет рассмотрено ниже<sup>1</sup>.

В-третьих, *применение санкций (особенно карательных) может допускаться не раньше, чем о запрете законом той или иной разновидности деяний станет известно участникам общественных отношений.* Закон, устанавливающий ответственность, не может иметь обратной силы. В противном случае участники общественных отношений оказываются под угрозой ответственности за то, что раньше противоправным вообще не считалось. Придание обратной силы закону, устанавливающему ответственность за ту или иную разновидность деяний, означает по существу объективное вменение. Законность, обоснованность и справедливость возложения ответственности требуют применения тех санкций, которые предусматривались за данное правонарушение в момент его совершения. Не может иметь обратной силы и закон, усиливающий ответственность за уже запрещенные деяния. Человек должен отвечать в пределах действующего закона. Если после совершения правонарушения закон усиливает наказание за него

---

<sup>1</sup> «В судебной деятельности целесообразность тождественна справедливости» («Теория государства и права. Основы марксистско-ленинского учения о государстве и праве», изд-во АН СССР, 1962, стр. 365). В своей основе данное положение верно, ибо критерий справедливого и целесообразного в социалистическом обществе один. Тем не менее отождествлять эти принципы полностью нельзя. Справедливая ответственность может оказаться нецелесообразной, ибо в ряде случаев достижение целей юридической ответственности оказывается возможным и без юридической ответственности. Индивидуализация ответственности в соответствии с характером правонарушения и личностью нарушителя — общее для обоих принципов требование. Но за его пределами указанные принципы не совпадают (см. об этом ниже).

(особенно если устанавливает смертную казнь, больший срок лишения свободы и т. п.), то распространять этот закон на данное лицо было бы несправедливо. Представляется, что было бы справедливым также исключить из всех отраслей советского права использование аналогии права и аналогии закона, когда речь идет о возложении юридической ответственности.

В-четвертых, *справедливость предполагает, что виновный отвечает лишь за свое противоправное деяние.* Это требование справедливости тесно связано с положением, согласно которому объективную сторону противоправного деяния составляет только собственное действие (бездействие) правонарушителя или субъекта объективно противоправного деяния. Поскольку основание юридической ответственности есть совершение правонарушения или объективно противоправного деяния, постольку, следовательно, лицо несет юридическую ответственность лишь за собственное противоправное деяние, или, иначе говоря, за противоправный поступок отвечает тот, кто его совершил. Исключением из этого правила являются некоторые случаи гражданско-правовой ответственности, когда правонарушение или объективно противоправное деяние совершается одним лицом, а ответственность несет другое лицо (поручитель<sup>1</sup>, основной поставщик или генеральный подрядчик, физическое лицо — владелец источника повышенной опасности и т. п.). Однако в конечном счете указанный

---

<sup>1</sup> Б. С. Антимонов считает, что не может быть ответственностью исполнение договора, в частности договора поручительства. «...Поручитель не нарушил своего обязательства, а лишь исполняет его. То обстоятельство, что главный должник нарушил обязательство по договору и несет за это ответственность перед кредитором, не меняет положения поручителя» («Основания договорной ответственности социалистических организаций», стр. 15). По поводу того, может ли быть ответственностью исполнение обязательства, уже говорилось выше, хотя, конечно, в большинстве случаев исполнение договора не есть ответственность. Что касается выполнения поручителем своей договорной обязанности, то оно не является ответственностью по отношению к главному должнику, но, безусловно, это ответственность по отношению к кредитору главного должника. Суть поручительства в том и состоит, что поручитель обязуется перед кредитором третьего лица отвечать за исполнение последним обязательства в полном объеме или в части (ст. 203 ГК РСФСР).

принцип ответственности действует и в этих случаях, так как лицо, понесшее ответственность за чужой противоправный поступок, может возместить в порядке регресса понесенные им убытки за счет того, за кого оно отвечало.

Ответственность за собственное противоправное деяние соответствует потребностям коммунистического строительства, ибо способствует повышению уровня сознания и чувства ответственности каждого участника общественных отношений за свое поведение, за соответствие его интересам общества. В противном случае возникают (как показывает иногда бригадная материальная ответственность продавцов) обезличка и даже условия для правонарушений. Но по мере развития и упрочения коммунистических отношений между людьми нравственную и иную неюридическую ответственность за правонарушение будут все в большей мере нести и те коллективы, членом которых является этот правонарушитель. Такой корректив к принципу ответственности за собственное деяние вытекает из подлинно коммунистического отношения между людьми, как между друзьями и братьями, из отношения коллективов к их членам и поступкам последних, как к собственным. Чем прочнее коммунистические отношения между людьми, тем больше юридическая ответственность правонарушителя будет срастаться с моральной ответственностью коллектива за то же деяние данного правонарушителя, тем действеннее будет юридическая ответственность<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Ответственность коллектива за деяния одного существовала в первобытном обществе тысячелетия. В течение многих веков знало юридическую ответственность в этой форме и государственно-организованное общество. Отголоски ее в виде круговой поруки общины и т. п. встречаются в недалеком прошлом. Характерным, однако, было то, что в таких случаях ответственность нес не столько сам нарушитель, сколько его сородичи, члены семьи и т. д. Постепенно эти формы юридической ответственности вытесняются индивидуальной ответственностью виновного. Это соответствует тому, что отношения между людьми в буржуазном обществе сводятся к купле-продаже, атомистическому раздроблению общества на владельцев средств производства или только своей рабочей силы. В социалистическом обществе при сохранении принципа юридической ответственности за личную вину, тесно связанного с возрастанием свободы воли человека и, как уже отмечалось, со-

В-пятых, справедливость предполагает, что за одно правонарушение возможно лишь одно наказание (в широком смысле этого слова). К. Маркс с сочувствием приводил мнение одного из английских судей о том, что юридически чудовищен такой порядок, когда человека всю его жизнь можно периодически все снова и снова подвергать наказанию за один и тот же проступок или преступление<sup>1</sup>. «Бесконечная ответственность» за одно и то же правонарушение может порождать возмущение и протест, а не служить целям воспитания привычки к строжайшему соблюдению норм общественного поведения. Это требование нельзя, однако, противопоставлять тому, что одновременно допускаются дисциплинарная и административная, административная и гражданская ответственность, когда в одном деянии содержатся составы проступков двух-различных видов. Например, если колхозник в результате нарушения трудовой дисциплины причинил вред колхозному имуществу, к нему применяется дисциплинарное взыскание в порядке ст. 35 Примерного устава колхоза, что не исключает его материальной ответственности за нанесенный имуществу ущерб. В соответствии со ст. 16 Положения о материальной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный государству, взыскание материального ущерба с военнослужащих и призванных на учебные сборы военнообязанных не исключает привлечения их к дисциплинарной или уголовной ответственности. Здесь не одно правонарушение, а два. Нельзя считать отступлением от этого требования и случай, когда закон допускает одновременное применение за одно преступление основного и дополнительного наказания или наказания и возмещения причиненного преступлением материального вреда. Тут налицо одно преступление,

---

действующего повышению ответственности каждого человека за свои поступки, за соответствие их интересам народа, мы вновь приходим к ответственности коллектива за проступки своих членов. Но на другой основе и в иной форме. Сам нарушитель несет юридическую ответственность, а члены коллектива, в котором он живет и трудится, — моральную ответственность за то, что не воспитали его должным образом, не предостерегли от неверного шага, проявили равнодушные или оказались недостаточно внимательными к своему товарищу и т. д.

<sup>1</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 436.

одна ответственность, одно наказание; хотя иногда и в различных процессуальных формах. То же имеет место и при одновременном применении за дисциплинарный проступок, причинивший ущерб имуществу предприятия, учреждения или колхоза, дисциплинарной и материальной ответственности.

Из того, что за одно правонарушение возможно лишь одно юридическое наказание, совсем не следует, что юридическая ответственность не может сочетаться с ответственностью, возлагаемой общественной организацией. Правонарушение всегда есть аморальный проступок, а если виновный является членом какой-либо общественной организации, то и — нарушение партийной, профсоюзной, комсомольской дисциплины. Поэтому помимо юридической ответственности виновный может нести и общественную ответственность. По мере установления и укрепления коммунистических отношений, возрастания ответственности коллективов за поступки своих членов эти коллективы повышают требовательность к данным членам, и в результате становится почти неизбежным, что правонарушителю приходится наряду с юридической ответственностью нести еще и ответственность общественную (партийную, комсомольскую и т. д.). Общественная поддержка государственных мер в отношении нарушителя правопорядка все более принимает форму привлечения данного правонарушителя к «организованной моральной» ответственности, организованной критике и осуждению его поведения общественностью. Это усиливает воздействие юридической ответственности, повышает ее эффективность как средства охраны правопорядка и коммунистического воспитания советских людей<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Известно, что в ряде случаев определенное юридическое значение придается мерам общественного воздействия, когда они применяются за правонарушения (например, общественный выговор, порицание и т. д., объявленные за дисциплинарный проступок товарищеским судом, учитываются наравне с дисциплинарными взысканиями при решении вопроса об увольнении работника). Возникает вопрос, можно ли такие меры воздействия сочетать с мерами юридической ответственности. В большинстве союзных республик Положения о товарищеских судах устанавливают, что наложение на работника дисциплинарного взыскания не препятствует рассмотрению дела товарищеским судом, а следовательно,

Советское законодательство со всех рассмотренных выше точек зрения является справедливым. Поэтому для того чтобы юридическая ответственность в каждом конкретном случае была справедливой, она должна осуществляться в строгом соответствии с предписаниями и требованиями советского закона. Но, конечно, закон — это только *основное* мерило справедливости ответственности конкретных лиц, справедливость ответственности в каждом конкретном случае *прежде всего* выступает как ее законность. Даже уголовный закон допускает при определении меры наказания учет смягчающих ответственность обстоятельств, не предусмотренных законом, но имеющих, по мнению суда, существенное значение для разрешения дела. Еще больше это относится к административной и дисциплинарной ответственности, где закон часто вообще не указывает, какие именно факторы и обстоятельства должны учитываться при определении взыскания за конкретное правонарушение. Практикой выработаны положения, согласно которым подлежат учету все обстоятельства, смягчающие и отягчающие вину нарушителя, а также свойства его личности, предшествующее поведение и т. д. В тех случаях, когда закон указывает факторы, влияющие на объем ответственности, он не определяет, в какой именно мере они индивидуализируют ответственность. Это зависит от правосознания, общих нравственных принципов, общественного мнения<sup>1</sup>, условий и обстановки в стране и т. д.

---

и применению к виновному в случае надобности мер общественного воздействия. В некоторых же союзных республиках действует правило противоположного содержания. На наш взгляд, это правило менее обоснованно. При определении того, имеют ли нарушения дисциплины данным работником систематический характер, учитываются не просто наложенные на него дисциплинарные взыскания и примененные к нему меры общественного воздействия, а *систематичность* допущенных им дисциплинарных проступков. И если проступок был один, а лицо понесло за него дисциплинарную и общественную ответственность, нельзя считать на этом основании, что данное лицо *систематически* нарушает трудовую дисциплину. Не препятствует привлечению к юридической ответственности за противоправное деяние и наложение на виновного партийного, профсоюзного, комсомольского взыскания (см., например, «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1963 г. № 7, стр. 10—11).

<sup>1</sup> Общественное мнение есть выраженное в определенной совокупности идей и представлений отношение одной или нескольких

Принцип справедливости имеет огромное значение для достижения основных целей юридической ответственности, особенно цели коммунистического воспитания. Воспитательное воздействие принуждения к исполнению требований права опирается, в частности, на убеждение большинства в правильности, необходимости и справедливости этого. Такое убеждение существует, если закон справедлив, если установленные им меры наказания применяются именно к нарушителю и в точном соответствии со степенью его вины. Несправедливость, допущенная

---

социальных групп к событиям и явлениям общественной жизни, к деятельности классов и личностей. Оно проявляется в одобрении или осуждении поступков человека окружающими и складывается как в результате целенаправленного воздействия классовых организаций и учреждений, так и стихийно, когда люди руководствуются лишь практическим жизненным опытом. Поэтому в общественном мнении обнаруживается не только различие интересов, но и неодинаковая степень их осознанности. При социализме, где нет эксплуататорских классов, борьба мнений не носит антагонистического характера. В период перехода к коммунизму роль общественного мнения как средства коммунистического воспитания и своеобразного регулятора поведения людей возрастает (см. «Философский словарь», Госполитиздат, 1963, стр. 319).

Мнение коллектива советских людей, отражая и воплощая общие интересы народа, должно соответствовать единому общественному мнению, существующему в условиях морального и политического единства нашего общества и выражающему требования всего народа. Но, во-первых, мнение коллектива не адекватно единому общественному мнению в том плане, что всегда имеет свои особенности, определяемые спецификой и характером данного коллектива (например, национальные и бытовые особенности, вкусы, привычки). Во-вторых, мнение коллектива может в ряде случаев содержать ошибочные оценки поступков людей, неправильные представления об общественных явлениях, а иногда и просто заблуждения. Поэтому вопрос о правильном выражении социалистического общественного мнения коллективами трудящихся имеет большое практическое значение, особенно если иметь в виду проблему моральной ответственности людей перед коллективами (см. Б. Б. Хангельдыев, указ. статья, стр. 479—480).

Не менее важна правильность общественного мнения и для юридической ответственности, осуществляемой через государственные органы или органы общественности. Если пойти на поводу у бытующих неправильных представлений о том, что эффективность борьбы с правонарушениями зависит от жестокости репрессии, что справедлив талион и т. п., то от демократических принципов ответственности мало что останется. Законодатель не может не учитывать общественного мнения, но он и не может потакать отсталым, предвзятым, ошибочным мнениям. Надо воспитывать правильное



при разрешении дела о нарушении законности, подрывает воспитательный эффект государственного принуждения. Более того, несправедливая ответственность может приводить к озлоблению невинно наказанного, к появлению у граждан сомнения в справедливости действий государственных органов, к тому, что государственные принудительные меры в отношении правонарушителя теряют общественно-моральную поддержку. Моральная же поддержка мер государственного принуждения составляет, как отмечалось, основную предпосылку воспитательного воздействия юридической ответственности на субъекта этой ответственности, который при такой поддержке воспринимает решение о наказании как осуждение его антиобщественного поступка со стороны коллектива, общества.

4. Ответственность — не самоцель, а средство достижения определенных социальных целей. Поэтому по своему содержанию, объему, порядку осуществления она должна соответствовать тем целям, которым призвана служить. При условии, что закон целесообразен с точки зрения устанавливаемых им обязанностей и санкций<sup>1</sup>,

---

социалистическое общественное мнение в области борьбы с правонарушениями, добиваться, чтобы коллективы трудящихся имели правительные, научные, соответствующие интересам народа и целям построения коммунизма представления и мнения как в отношении борьбы с правонарушениями методами государственного принуждения вообще, так и в отношении принуждения каждого конкретного правонарушителя. Не групповые интересы, с одной стороны, и не чувства озлобления, мести и тому подобные отсталые настроения — с другой, а интересы народа, цели скорейшей победы коммунизма, понимание действительного назначения и возможностей ответственности в социалистическом обществе должны определять отношения коллективов людей к конкретному правонарушителю, их требования о формах и размерах принудительного воздействия на него.

<sup>1</sup> Целесообразность закона, если ее понимать как соответствие закона конечным целям, к которым стремится наше общество, в общем мало чем отличается от его справедливости, потому что критерием справедливого, как уже отмечалось, также являются потребности коммунистического строительства. Но целесообразность закона может оцениваться и с позиции тех основных целей, которые преследуются именно юридической ответственностью. В этом плане закон целесообразен, если он запрещает такие деяния, с которыми можно бороться сколько-нибудь эффективно с помощью юридической ответственности, и если он устанавливает такие санкции за те или иные разновидности противоправных деяний,

целесообразность ответственности в каждом конкретном случае предполагает: а) строгую индивидуализацию ответственности в общих пределах, установленных законом, и в необходимых случаях персонификацию ее; б) смягчение ответственности, условное или безусловное освобождение от нее, если в процессе ответственности цели ее достигаются раньше; в) замену юридической ответственности неюридической, если цели юридической ответственности могут быть достигнуты без нее. Целесообразна лишь справедливая юридическая ответственность<sup>1</sup>, ибо, как уже отмечалось, только она способна воспитывать и перевоспитывать нарушителей и всех других участников общественных отношений. Но справедливая, т. е. соответствующая характеру и тяжести правонарушения, юридическая ответственность не всегда целесообразна. Если цели ответственности достижимы без нее, даже справедливая ответственность нецелесообразна, а значит, не нужна.

М. Д. Шаргородский полагает, что причинами преступности являются пережитки капитализма не в индивидуальном, а в общественном сознании. Иначе (в том случае, когда мы приходим к выводу, что у данного субъекта отсутствуют особенности, внушающие опасность повторения им в дальнейшем преступлений, или эти осо-

---

которые могут реально служить защите социалистического правопорядка и коммунистическому воспитанию участников общественных отношений. В целом советское законодательство безусловно целесообразно. Отдельные нецелесообразные положения его отменяются (например, слишком высокие сроки лишения свободы; наложение административных штрафов на предприятия, учреждения, организации за спуск неочищенных вод и т. п. правонарушения); вместе с тем оно пополняется целесообразными нормами. Совершенствование нашего законодательства будет продолжаться и в дальнейшем. Практика его применения выявляет нецелесообразность тех или иных положений об ответственности или отсутствие необходимых норм о ней. Это неизбежно. Законы пишут люди, и справедливость, целесообразность законов в большой степени зависит от того, насколько правильно они понимают потребности коммунистического строительства, насколько точно соизмеряют устанавливаемые конкретные нормы с этими потребностями. Застраховаться от отдельных ошибок, неточностей в этом деле нельзя. К тому же жизнь не стоит на месте, и закон, целесообразный при его издании, может устареть.

<sup>1</sup> См. П. С. Дагелъ, О принципе целесообразности наказания, «Правоведение» 1962 г. № 1, стр. 150.

бенности ликвидированы) нет ни необходимости, ни целесообразности и в применении наказания. Но, продолжает автор, если исходить из правильного марксистского положения, что причины преступности являются социальными (т. е. внешними по отношению к субъекту), что поведение субъекта детерминировано внешней средой, тогда с неизбежностью возникает необходимость в качестве одной из весьма эффективных детерминант поведения использовать угрозу наказанием, устрашение, воздействующее на окружающих и нужное и целесообразное иногда даже в тех случаях, когда данный субъект опасности, с точки зрения рецидива, не представляет<sup>1</sup>.

На наш взгляд, во-первых, социальное — не только внешнее по отношению к субъекту. Как уже отмечалось, психика человека социально обусловлена и с этой точки зрения есть явление социальное. Во-вторых, нельзя противопоставлять пережитки прошлого в индивидуальном сознании и пережитки в общественном сознании. Последние могут существовать лишь в первых и лишь через первые, хотя, конечно, и не равняются простой арифметической сумме «отставаний» сознания отдельных индивидов. Поэтому, когда мы говорим о пережитках прошлого в сознании отдельных советских людей как причине правонарушений, мы говорим одновременно как об отдельных индивидах, так и об обществе в целом. В-третьих, — и это самое главное, в связи с чем мы останавливаемся здесь на приведенном выше высказывании М. Д. Шаргородского, — *целесообразность* наказания, необходимость его применения в каждом конкретном случае может и должна оцениваться лишь с учетом *всех его конкретных целей*, в частности целей не только специального, но и общего предупреждения.

Если исходить из этих положений, то отдельного индивида целесообразно наказывать и в том случае, когда рецидив с его стороны исключен. Действительно, это иногда приходится делать (например, когда лицо случайно совершает тяжелейшее преступление), но не потому, что данное преступление порождено отставанием

---

<sup>1</sup> См. М. Д. Шаргородский, Причины и профилактика преступности, кн. «Вопросы марксистской социологии, Труды социологического семинара», изд-во ЛГУ, 1962, стр. 100, 101.

именно общественного, а не индивидуального сознания, а потому, что иначе не достигается цель общего предупреждения, устрашения других неустойчивых людей и воспитания всех в духе неуклонного соблюдения советских законов. К тому же следует еще раз напомнить, что субъективной причиной правонарушений в нашем обществе могут быть не пережитки прошлого, а враждебное отношение к социалистическому строю, мальчишеское озорство и т. п. Целесообразность или нецелесообразность применения наказания к конкретному лицу, совершившему правонарушение на базе таких субъективных факторов, должна тоже всегда определяться с учетом целей не только защиты социалистического правопорядка, исправления и перевоспитания данного правонарушителя, но и общего предупреждения правонарушений по аналогичным мотивам.

«Как историей, так и разумом в одинаковой мере подтверждается тот факт, что жестокость, не считающаяся ни с какими различиями, делает наказание совершенно безрезультатным...»<sup>1</sup>. Действительное преступление ограничено. Поэтому должно быть ограничено и наказание. Задача состоит в том, чтобы сделать наказание действительным следствием преступления. Наказание должно явиться в глазах преступника результатом его собственного деяния. Пределом наказания должен быть предел деяния. «Если понятие преступления,— писал К. Маркс,— предполагает наказание, то действительное преступление предполагает определенную меру наказания»<sup>2</sup>. Эта задача выполняется путем индивидуализации ответственности. Большое разнообразие и специфика правонарушений, несовпадение их конкретных черт и проявлений, индивидуальность субъектов — все это требует, чтобы при определении точного объема юридической ответственности за данное правонарушение учитывалась значительная масса обстоятельств, связанных как непосредственно с деянием, так и с личностью правонарушителя.

Это не только справедливо (нарушитель отвечает в общих пределах закона именно в меру своей провиннос-

---

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 123.

<sup>2</sup> Там же, стр. 124.

ти, вины перед обществом), но и целесообразно. Индивидуализация ответственности означает строжайший учет индивидуальных черт данного конкретного правонарушения и его субъекта, выбор такой меры ответственности, которая наиболее точно соответствует этим особенностям, а потому способна наиболее эффективно служить основным и конечным целям юридической ответственности.

Вопрос об индивидуализации ответственности встает реже, когда речь идет о применении правоустановительных санкций. В этих случаях соразмерность ответственности допущенному правонарушению предопределяется самим законом: что нарушено, то и должно быть восстановлено. Особенно четко это положение отражено в гражданском законодательстве, где закреплён принцип полного возмещения причиненного вреда<sup>1</sup>. Но и здесь нельзя не учитывать индивидуальных особенностей каждого дела (вины потерпевшего, размера ущерба, имущественного положения нарушителя и т. д.). Закон в ряде случаев придаёт им юридическое значение, допуская возможность дифференциации размера возмещения ответственности. Например, постановлением Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. «О материальной ответственности предприятий и организаций за невыполнение заданий и обязательств» органам арбитража предоставлено право взыскивать со стороны по договору, грубо (умысел или грубая небрежность) нарушившей его условия, неустойку, штраф, пеню в повышенном до 50% размере, с обращением этой части взысканных сумм в доход союзного бюджета<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Правда, в нашей литературе неоднократно отмечалось, что в области хозяйственных договоров принцип полного возмещения вреда (убытков) имеет ряд изъятий и более или менее последовательно проводится лишь в договорах поставки. При нарушении многих других хозяйственных договоров применяются существенные ограничения материальной ответственности. (см., например, В. В. Овсиенко, В. А. Скогорев, Возмещение убытков при неисполнении хозяйственных договоров, «Советское государство и право» 1968 г. № 1, стр. 112 и сл.; Н. С. Малейн, С. В. Зайцев, Возмещение убытков, возникающих при нарушении хозяйственных обязательств, «Советское государство и право» 1968 г. № 10, стр. 95 и сл.; Н. С. Малейн, Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях, стр. 98 и сл.):

<sup>2</sup> СП СССР 1967 г. № 26, ст. 186.

Что же касается применения карательных санкций, то здесь индивидуализация ответственности составляет основу справедливости и целесообразности, соразмерности ответственности характеру и тяжести деяния, свойствам личности нарушителя и другим особенностям данного конкретного нарушения социалистического правопорядка, а значит, и ее эффективности. Кара, не учитывающая всех особенностей конкретного случая, может быть не только безрезультатной, но и вредной. Она не укрепляет правопорядок, ибо не соответствует пределам действительного его нарушения; она не воспитывает, а порождает чувство протеста у наказанного (если мера воздействия превышает характер и степень вредности допущенного нарушения) или общественности (если лицо неоправданно мягкое, либеральное или несоразмерно жесткое наказание). — Нарушение соразмерности ответственности характеру и степени общественной вредности правонарушения способно создать у людей превратное представление об общественной вредности данной разновидности правонарушений в целом, конкретного правонарушения и его субъекта в частности, неправильно ориентировать общественность в борьбе с посягательствами на социалистический правопорядок. Авторитет соответствующих государственных органов и их должностных лиц в глазах членов общества понижается.

Объем возлагаемой ответственности советское законодательство ставит в зависимость прежде всего от характера и степени общественной вредности противоправного деяния. Последние обусловлены множеством обстоятельств, имеющих далеко не одинаковое значение для определения различных видов ответственности. Одни из них учитываются в процессе возложения любого вида правовой ответственности, другие характеризуют степень общественной вредности лишь отдельных групп правонарушений. К числу обстоятельств, влияющих на степень общественной вредности правонарушения, относятся: его объект и последствия, формы вины, мотив и цель правонарушителя, время, место и способ совершения правонарушения, распространенность данного вида правонарушений, совершение правонарушений впервые, повторно или неоднократно, систематически и др. При этом объект правонарушения — юридически регулируемое общественное отношение; и последствия противоправного

деяния учитываются при определении объема любого вида ответственности: гражданской, уголовной, административной, дисциплинарной.

Значительное влияние на установление объема ответственности оказывает личность правонарушителя. Правда, нужно оговориться, что в области гражданского права объем возлагаемой ответственности редко соотносится с личностью субъекта правонарушения. Объясняется это тем, что при возложении гражданскоправовой ответственности первостепенную роль играет компенсационно-восстановительная функция. Отсюда вытекает и действующий в области гражданскоправовой ответственности принцип полного возмещения причиненного ущерба.

Однако это не означает, что при возложении гражданскоправовой ответственности можно пренебречь ее воспитательной стороной, персонификацией. В интересах усиления действенности института ответственности ее индивидуализация в области гражданского права должна проводиться в зависимости не только от размера причиненного вреда, но и субъективных моментов (личности правонарушителя, форм вины). На наш взгляд, индивидуализация ответственности здесь должна осуществляться следующим образом. Имущественная ответственность предприятий и организаций, как отмечалось, основывается на принципе полного возмещения вреда. Помимо этого перед организацией ответственность должны нести работники, действия (бездействие) которых обусловили вину и повлекли ответственность данного предприятия, организации. Другими словами, ответственность предприятия, организации следует «распределить» (пусть не в полной мере) между виновными. И вот здесь ее необходимо индивидуализировать в зависимости от общественной вредности правонарушения, тяжести последствий, формы вины и личности виновного. Лишь подобным образом можно добиться усиления воспитательной роли гражданскоправовой ответственности.

С точки зрения тенденции развития гражданскоправового регулирования несомненно, что с повышением благосостояния трудящихся, ростом возможностей удовлетворять потребности граждан за счет общественных фондов личность правонарушителя все в большей мере будет учитываться при определении объема и граждан-

скоправовой ответственности, ибо это имеет немаловажное значение для повышения ее воспитательного воздействия.

Принципу индивидуализации ответственности большое значение придавал В. И. Ленин. Характерно, что, принимая непосредственное участие в законодательной деятельности Советского государства, он считал необходимым устанавливать в декретах, предусматривающих ответственность за то или иное деяние, систему относительно определенных санкций, что, несомненно, создавало юридическую базу для индивидуализации ответственности.

В. И. Ленин считал разумным правилом не стеснять судью чрезмерно формальными определениями, предоставлять ему известный простор, если, конечно, судья не сведен на положение простого чиновника, если обеспечено участие представителей общества в суде и общественности в обсуждении дела<sup>1</sup>. В советском социалистическом обществе поэтому не только суды, но и иные органы государства, осуществляющие правоохрану, имеют по закону довольно широкий простор для учета всех обстоятельств каждого конкретного дела, справедливого и целесообразного их решения. Исходя из необходимости строгой законности и в то же время учета местных различий, который является основой разумной работы, В. И. Ленин требовал от судов, чтобы они, с одной стороны, абсолютно соблюдали единые, установленные для всей федерации законы, а, с другой стороны, при определении меры наказания учитывали местные обстоятельства и в зависимости от этого принимали решение (смягчить, если надо, наказание и т. д.)<sup>2</sup>. Эти указания В. И. Ленина относятся к любому случаю разбирательства и разрешения дела о нарушении советского правопорядка, ко всем индивидуальным особенностям конкретных дел. Советский закон не только предоставляет надлежащим органам возможность, но и требует от них, чтобы они тщательнейшим образом учитывали, опираясь на закон и социалистическое правосознание, характер и степень общественной вредности правонарушения, свойства личности

<sup>1</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 405.

<sup>2</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 198—199.



нарушителя, его прежнее поведение, все смягчающие и указанные законом отягчающие обстоятельства и т. д.

Так, ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» ставит размер штрафа в зависимость от тяжести совершенного проступка с учетом личности и имущественного положения виновного. В ст. 26 Устава о дисциплине работников флота рыбной промышленности СССР указывается, что при определении мер дисциплинарного взыскания начальник должен учитывать степень тяжести совершенного проступка и причиненный им вред; обстоятельства, при которых совершен проступок; предшествующую службу работника. В ст. 68 Воздушного кодекса СССР устанавливается правило, согласно которому в случае причинения вреда по вине обеих (нескольких) сторон ответственность каждой из них определяется соразмерно степени вины. Такое же правило закреплено в ч. 2 ст. 37 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. Принцип индивидуализации ответственности выражен и в ст. 24 Устава о дисциплине работников речного транспорта СССР, ст. 32 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, в ст. ст. 144, 151, 153, 155, 156, 157, 165 Устава железных дорог СССР и других актах.

Последовательно проводя в жизнь принцип индивидуализации правовой ответственности, советское законодательство предоставляет для этого широкие возможности. Нормативные акты, устанавливающие юридические обязанности или описывающие составы правонарушений, предусматривают несколько видов правовой ответственности — гражданскую, административную и уголовную, материальную и дисциплинарную ответственность рабочих и служащих и общественную ответственность правонарушителя. В праве закреплена также широкая система мер одного и того же вида юридической ответственности. Задачу индивидуализации ответственности облегчает, далее, тщательно разработанная в законодательстве система составов правонарушений. Проводимая под руководством партии огромная работа по совершенствованию правовых норм несомненно ведет к тому, что усилия в этом направлении раскрывают, в

частности, еще большие возможности для индивидуализации ответственности. Условием индивидуализации является наличие альтернативных санкций. Характерная особенность развития юридической ответственности в период коммунистического строительства состоит в том, что наряду с правовыми санкциями, выражающими ее сущность, все чаще в качестве альтернативы предусматриваются меры общественного воздействия на правонарушителя. В интересах гибкого осуществления принципа индивидуализации ответственности советское законодательство вводит широкий круг смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств и требует их учета при определении объема ответственности конкретного правонарушителя. Их совокупность охватывает обстоятельства объективного и субъективного порядка (например, наступившие последствия и форма вины), описанные в законе исчерпывающим образом (перечень отягчающих обстоятельств в уголовном законодательстве) или приблизительно (круг смягчающих вину обстоятельств). Наконец, принцип индивидуализации правовой ответственности проявляется в системе относительно определенных санкций. В актах, устанавливающих такие санкции, очерчены низший и высший пределы допускаемой ответственности.

В разных актах разрыв между низшими и высшими пределами ответственности может быть различным. Поэтому трудно согласиться с мнением, что «возможность индивидуализировать наказание предполагает широкий разрыв между верхней и нижней границей санкции»<sup>1</sup>. В одних актах это может быть полезно, в других вредно. Искусство законодателя в том и заключается, чтобы в каждом отдельном случае установить такой разрыв, который отвечает требованиям целесообразности. Безусловно, слишком узкие рамки между пределами санкции сковывают возможности органов и должностных лиц, непосредственно возлагающих ответственность, в процессе ее индивидуализации. Но в то же время слишком широкие рамки ставят под угрозу принцип индиви-

---

<sup>1</sup> Л. Лернель, К вопросу об установлении в законе пределов наказания, кн. «Вопросы уголовного права стран народной демократии», ИЛ, 1963, стр. 427.

дуализации, поскольку предоставляют правоприменяющим органам слишком большой простор для усмотрения. Избежать обеих крайностей — задача законодателя.

Иногда в законе указывается лишь высший предел. Например, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» установлено, что за административные правонарушения штрафы налагаются на виновных граждан в размере до 10 руб., а на должностных лиц — в размере до 50 руб.<sup>1</sup>

Пределы материальной ответственности весьма часто устанавливаются нормативными актами в процентах к невыполненному объему юридической обязанности. Так, согласно постановлению Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. «О материальной ответственности предприятий и организаций за невыполнение заданий и обязательств» за просрочку поставки или недоставку продукции (товаров) в установленный договором срок поставщик уплачивает покупателю: а) по продукции производственно-технического назначения — за просрочку до 10 дней неустойку в размере 3 процентов, а при просрочке свыше 10 дней — дополнительно неустойку в размере 5 процентов стоимости не поставленной в срок продукции по отдельным наименованиям ассортимента;... б) по товарам народного потребления — за просрочку до 10 дней неустойку в размере 2 процентов, а при просрочке свыше 10 дней — дополнительно неустойку в размере 3 процентов стоимости не поставленных в срок товаров по отдельным наименованиям ассортимента<sup>2</sup>.

Правильное использование возможностей для индивидуализации правовой ответственности зависит от глубокого исследования факта правонарушения и личности его субъекта. Поэтому при всех благоприятных возможностях, которые предоставляет советское законодательство, в осуществлении индивидуализации юридической ответственности решающую роль играют компетентные органы, непосредственно возлагающие ее на правонару-

<sup>1</sup> См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1961 г. № 35, ст. 368.

<sup>2</sup> СП СССР 1967 г. № 26, ст. 186.

шителя. Законодательные меры по обеспечению индивидуализации ответственности не в состоянии предусмотреть всех особенностей, оттенков отдельных правонарушений и их субъектов, так как жизнь неизмеримо богаче отражающих ее нормативных актов.

Возможности для индивидуализации ответственности, предоставленные советским законом, и индивидуализация при ее непосредственном осуществлении являются необходимой предпосылкой справедливости и целесообразности назначаемой в отношении данного правонарушителя меры государственного принуждения.

К сожалению, в практике деятельности законодательных, исполнительно-распорядительных и судебных органов все еще не изжиты некоторые случаи нарушения принципа индивидуализации ответственности правонарушителя. Например, чревата нарушениями принципа индивидуализации ответственности практика наложения штрафа на месте совершения проступка<sup>1</sup>.

Как недостаток в законодательном закреплении принципа индивидуализации ответственности в соответствии с характером и степенью общественной вредности правонарушения следует отметить предоставление одной из сторон в гражданско-правовых спорах по поводу определения ответственности таких прерогатив, пользуясь которыми она может установить либо повлиять на объем собственной ответственности.

Например, согласно Правилам возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой, утвержденным совместным постановлением Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и Президиума ВЦСПС от 22 декабря 1961 г., в случае так называемой смешанной ответственности администрации предприятия, учреждения, организации, с одной стороны, и работника, которому причинено увечье или иное повреждение здоровья, — с другой, размер возмещения определяется с учетом конкретных обстоятельств дела в зависимости от степени вины администрации и потерпевшего.

<sup>1</sup> См., например, Р. Ф. Васильев, Решения местных Советов с административной санкцией, изд-во МГУ, 1967, стр. 100.

Однако при этом степень вины потерпевшего в процентах устанавливается администрацией, хотя и с учетом заключения комиссии охраны труда фабричного, заводского, местного комитета. Таким образом, фактически администрация предприятия имеет возможность влиять на определение объема собственной вины. То же самое можно сказать и о претензиях контрагентов к железным дорогам на сумму до 100 руб., окончательное решение по которым согласно ст. 177 Устава железных дорог Союза ССР 1964 года принимается начальником железной дороги.

На наш взгляд, такое положение нуждается в некотором изменении с целью более последовательного проведения в жизнь принципа индивидуализации юридической ответственности, а также для того, чтобы обеспечить в сфере гражданско-правовой ответственности большее равенство участников общественных отношений.

Принцип индивидуализации ответственности имеет и другой аспект. Индивидуализация предполагает, что в каждом случае, когда правонарушителем выступает организация, ответственность наряду с коллективным субъектом права либо помимо него должно нести персонально виновное лицо, представляющее организацию, т. е. определенный индивид. Данную сторону принципа индивидуализации ответственности можно выделить в качестве самостоятельного принципа персонификации ответственности.

Индивидуализация правовой ответственности в смысле возложения ее на персонально виновное лицо органически связана с понятием вины коллективного субъекта права. Волю организации выражают лица, ее представляющие. Действия организации — действия лиц, уполномоченных выступать от ее имени в пределах возложенных на них служебных обязанностей. Поэтому всякое общественно вредное, противоправное деяние, рассматриваемое в некоторых отраслях права в качестве правонарушения организации, следует одновременно считать правонарушением со стороны работника данной организации, который виновен в совершении противоправного деяния и вследствие этого обязан нести ответственность.

Известно, что В. И. Ленин требовал строгой персональной ответственности каждого за порученное дело; «самой точной ответственности *каждого* из состоящих

на любой советской должности лиц за *выполнение определенных, ясно и недвусмысленно очерченных, заданий и практических работ*»<sup>1</sup>.

Персональная ответственность должностных лиц предприятий, учреждений, организаций за совершенные ими деяния является важнейшим принципом всей нашей государственной и общественной жизни. Так, в постановлении от 20 марта 1964 г. «О фактах грубых нарушений и извращений в практике планирования колхозного и совхозного производства» Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР поручили ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам партии, Советам Министров республик, крайисполкомам и облисполкомам привлекать к строгой партийной и государственной ответственности лиц, нарушающих права колхозов и совхозов в планировании производства. «Материальный ущерб, — говорится в постановлении, — нанесенный в результате такого нарушения, должен быть возмещен за счет тех, кто толкнул хозяйства на путь убытков»<sup>2</sup>.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 апреля 1958 г. «Об ответственности за невыполнение планов и заданий по поставкам продукции» в другие экономические районы или союзные республики, а также для общесоюзных нужд на виновных в этом руководителей и других должностных лиц предприятий, организаций, министерств, ведомств возлагается персональная ответственность (дисциплинарная, материальная, уголовная)<sup>3</sup>.

В области трудового права постепенно сложилась практика признания судами обязанности должностного лица; виновного в неправильном увольнении работника, возместить предприятию (учреждению, организации)

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 365.

<sup>2</sup> СП СССР 1964 г. № 4, ст. 29.

<sup>3</sup> См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1958 г. № 9, ст. 202; см. также Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 апреля 1959 г. «Об участии колхозов, совхозов, промышленных, транспортных, строительных и других предприятий и хозяйственных организаций в строительстве и ремонте автомобильных дорог», «Ведомости Верховного Совета РСФСР» 1959 г. № 14, ст. 241; Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 марта 1962 г. «Об усилении борьбы с сорными растениями», «Ведомости Верховного Совета РСФСР» 1962 г. № 12, ст. 155 и др.

ущерб, причиненный выплатой уволенному вознаграждения за вынужденный прогул. Эта практика нашла затем отражение в законодательстве (ст. 93 Основ законодательства о труде).

Устанавливая и осуществляя юридическую ответственность, Советское государство, как уже говорилось, стремится к достижению охарактеризованных выше целей. Это проявляется в определении характера и размера санкций за совершение противоправных деяний, в индивидуализации ответственности конкретного виновного лица в рамках указанной в законе санкции, в организации исполнения приговоров, решений и т. д. Но когда такие цели учтены в законе и в принятом на его основе индивидуальном акте, то не они, а принятое по делу решение определяет границы ответственности конкретного лица. Иначе говоря, Советское государство, твердо стоя на позиции демократии и законности, относясь к правонарушителю прежде всего как к субъекту права, не ставит границы ответственности конкретного лица в зависимости от реального достижения всех преследуемых государством целей ответственности, особенно целей воспитания участников общественных отношений, устрашения, исправления и перевоспитания правонарушителя. Недостижение их в данном конкретном случае не может сказаться на объеме ответственности, выразиться, например, в увеличении срока лишения свободы, ссылки, высылки, в повышении суммы штрафа и т. д. Поэтому неправильным является мнение, будто при осуждении задача воздействия на других лиц (общее предупреждение) приобретает такое значение, что «она нередко может преобладать над задачей исправления самого правонарушителя»<sup>1</sup>. Это утверждение противоречит принципу индивидуализации юридической ответственности.

Более быстрое, чем предполагалось, достижение целей исправления и перевоспитания правонарушителя может (при условии, что цели защиты правопорядка достигнуты примененными к лицу мерами) оказать влияние на границы его ответственности: она может быть смягчена (условно-досрочное и досрочное освобождение

<sup>1</sup> И. А. Вавилова, О взаимоотношении правового и нравственного регулирования общественных отношений, «Философские науки» 1966 г. № 6, стр. 31.

осужденных; замена неотбытой части наказания более мягким наказанием; досрочное снятие судимости, досрочное снятие дисциплинарного взыскания и т. д.). Это тоже имеет место лишь в силу закона и решения уполномоченного на то органа государства. Более того, закон предусматривает поворот ответственности, когда преследуемые ею цели достигаются: санкции, уплаченные подрядчиком за нарушения частных сроков, возвращаются, если к обусловленному договором общему сроку подрядчик наверстает упущенное и выполнит работы своевременно. Отношение государства к ответственности не как к возмездию, а как к средству достижения поставленных перед ней целей проявляется здесь очень ярко. Если исправительные и воспитательные цели достигнуты, надобности в ответственности данного лица вообще или ответственности его в прежнем объеме нет.

Наконец, еще более ярко целесообразность юридической ответственности проявляется в том, что в определенных случаях, несмотря на нарушение лицом советского правопорядка, юридической ответственности оно может не нести. Запрещение правонарушений законом под угрозой применения юридических санкций не означает, что эти санкции применяются обязательно во всех без исключения случаях нарушений правопорядка. Как уже отмечалось, между запретом деяния юридическими санкциями и применением этих санкций может существовать определенный разрыв. Если с момента совершения правонарушения или объективно противоправного деяния прошел определенный, как правило, предусмотренный законом срок, ответственность оказывается запоздалой и в принципе законом не допускается. Вместе с тем закон по большой категории дел о правонарушениях разрешает при определенных условиях заменять юридическую ответственность общественной, «организованной моральной» ответственностью.

На рассмотрение товарищеских судов могут передаваться дела о совершенных впервые предусмотренных законом и аналогичных им незначительных преступлениях и проступках, если лицо, их совершившее, может быть исправлено без применения юридических санкций, мерами общественного воздействия. Необходимы оба эти признака: нельзя передавать на рассмотрение и разрешение товарищеского суда дела о незначительных



преступлениях, если они совершаются виновным систематически, равно как нельзя передавать им дела о совершенных впервые незначительных преступлениях, если виновный является лицом, которое не может быть исправлено без применения юридических санкций.

По мере дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму целесообразность и возможность исправления правонарушителя общественностью будет возрастать. Постепенно юридическая ответственность вообще станет нецелесообразной, ненужной и уступит место «организованной моральной», общественной ответственности. В этих условиях, очевидно, и право перестанет быть правом в юридическом смысле. Видоизмененные его нормы станут составной частью единых норм коммунистического общежития. Процесс отмирания права и юридической ответственности пойдет тем быстрее, чем выше темпы и чем основательнее будут решаться задачи создания материально-технической базы коммунизма, преобразования социалистических общественных отношений в коммунистические, формирования нового человека. Постоянное повышение благосостояния советских людей, уровня их культурности и идейности на основе решения этих задач будет обуславливать сокращение числа правонарушений и, следовательно, уменьшение их «суммарной» общественной вредности, хотя нетерпимость к каждому из них в отдельности, наоборот, возрастет. Рост коммунистической сознательности людей обусловит изменение характера самих правонарушителей и, следовательно, возрастание эффективности мер общественного воздействия на них. Это приведет ко все более широкой замене юридической ответственности мерами общественного воздействия, пока она не станет излишней.

Все существенные моменты, обеспечивающие целесообразность юридической ответственности, как мы видели, закреплены законом. Поэтому и целесообразность ответственности в каждом конкретном случае выступает прежде всего как ее законность. Таким образом, принцип целесообразности, как и принцип справедливости, коренится в принципе законности, неразрывно связан с ним. Расхождение целесообразности с законностью здесь возможно только в том случае, если закон был нецелесообразным с момента его издания или стал таковым в

результате изменения условий и т. д. В этом случае законная ответственность может стать нецелесообразной. Для того чтобы этого не было или чтобы такое расхождение законности и целесообразности ответственности не существовало, должно, необходимо своевременно принимать меры к отмене или изменению закона, который не способствует решению задач коммунистического строительства. Но пока закон не изменен или не отменен в установленном порядке, его надо строго соблюдать. Ни гражданам, ни органам государства, решающим дела об ответственности, не дано право отходить от требований закона по тем мотивам, что они нецелесообразны, несправедливы, устарели, не соответствуют потребностям жизни и т. д.<sup>1</sup>

Ответственность лица в данном конкретном случае законна, если учтены все требования закона, в том числе и те, которые направлены на обеспечение целесообразности. Но это еще не значит, что в таком случае она всегда автоматически становится целесообразной. Как оценить влияние на ответственность данного лица каждого из предусмотренных законом факторов, закон в большинстве случаев не определяет. Это зависит от правосознания, общественного мнения, оценки всех обстоятельств деяния в их совокупности и в тесной связи со свойствами личности правонарушителя. Целесообразность ответственности в каждом конкретном случае (если закон целесообразен не может противоречить ее законности, но полностью с ней не совпадает.

5. Сила государственного принуждения как средства преодоления правонарушений заключается не в тяжести применяемых юридических санкций (некоторые административные и почти все дисциплинарные санкции внешне очень близки к моральным), хотя, конечно, и это нельзя сбрасывать со счета. Карательные санкции всегда затрагивают личность, честь, достоинство нарушителя, причиняют ему известные лишения. Именно этим они исправляют его, искореняют антиобщественные настроения и стремления. Как бы жестки ни были записанные в законе карательные санкции, их превентивное значение

---

<sup>1</sup> См. Б. С. Н и к и ф о р о в, Некоторые вопросы уголовного права в условиях общенародного государства, «Советское государство и право» 1963 г. № 4, стр. 69—70.

серьезно снижается, а воспитательное воздействие на конкретных правонарушителей часто исключается, если применение данных санкций не неотвратно, если можно избежать кары за правонарушение. Сказанное относится и к правосстановительным санкциям, превентивное и воспитательное воздействие которых вообще связано не с устрашением, а именно с неизбежностью возмещения причиненного вреда правонарушителем, с неизбежностью восстановления нарушенного им права, с неизбежностью отмены незаконного акта. Основная сила государственного принуждения как метода преодоления правонарушений — в его неотвратимости. «Давно уже сказано, — писал В. И. Ленин, — что предупредительное значение наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы ни один случай преступления не проходил нераскрытым»<sup>1</sup>. Это указание относится к юридической ответственности в целом, а не только к уголовной, и касается как цели общего и специального предупреждения правонарушений, так и всех иных целей юридической ответственности.

*Принцип неотвратимости ответственности означает, что ни одно правонарушение, кем бы оно ни было совершено (предприятием, учреждением, отдельным гражданином, должностным лицом или рядовым тружеником и т. д.), не остается нераскрытым.*

Этот принцип имеет огромное значение. Сколько бы и какие бы серьезные меры ответственности ни устанавливало государство за те или иные правонарушения, как бы ни совершенствовало нормы, регулирующие порядок ответственности, и т. п. — вся эта работа не даст ожидаемых результатов, если нет неотвратимости ответственности. Без нее не может достаточно успешно осуществляться ни одна из основных целей ответственности. Это и понятно. Отсутствие неотвратимости ответственности практически означает, что чаще или реже налицо нарушения правопорядка, а ответственности за них нет. Следовательно, отсутствует прежде всего должная защита правопорядка средствами юридической ответственности — наказание правонарушителя, восстановление нарушен-

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 412.

ного права, устрашение нарушителя и на его примере других неустойчивых участников общественных отношений. Ослабляется, далее, общепредупредительное значение закона (угроза наказанием): раз ответственность не неотвратима, значит, можно совершить правонарушение в расчете именно на то, что наказания удастся избежать. В случаях, когда нарушителю правопорядка удастся ускользнуть от ответственности, полностью исключается его исправление и перевоспитание с помощью юридической ответственности.

Более того, безответственность правонарушителя способна создать представление о формальности действующих юридических норм, их неэффективности и даже бесполезности, вызвать чувство неуверенности в надежности правового регулирования общественных отношений и возмущения попустительством со стороны соответствующих органов государства. Все это имело бы лишь пагубные последствия.

Таким образом, в случае нарушения принципа неотвратимости ответственности задачи общего и специального предупреждения не выполняются, а институт ответственности за правонарушения теряет свое воспитательное значение.

Этот принцип неразрывно связан с принципом равенства субъектов права. В принципе неотвратимости ответственности проявляется социалистический гуманизм нашей правовой системы. Неминуемая ответственность правонарушителя и прочные гарантии, исключаящие ее без конкретного правонарушения, — одно из многих проявлений заботы о нормальном развитии социалистических общественных отношений, о правах и свободах советских граждан.

С учетом важного значения принципа неотвратимости ответственности правонарушителя и в соответствии с ленинскими указаниями советское законодательство закрепило этот принцип в ряде нормативных актов. Так, Положение о прокурорском надзоре в СССР в ст. 17 вменяет прокуратуре, в частности, в обязанность:

а) привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, принимать меры к тому, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни один преступник не уклонился от ответственности;

б) строго следить за тем, чтобы ни один гражданин не подвергался незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах.

Как видно, принцип неотвратимости ответственности выражен здесь со всей определенностью. Было бы желательно, однако, сформулировать эту статью несколько шире, не ограничивая указанную обязанность прокуратуры областью преступлений. Ответственность должна быть подлинно неотвратимой в случае совершения любого правонарушения.

В ст. 16 Положения об административных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских, сельских, поселковых Советов депутатов трудящихся РСФСР и о порядке производства по делам об административных нарушениях записано, что «задачами производства по делам об административных нарушениях являются установление виновных и обеспечение правильного применения законодательства с тем, чтобы к каждому совершившему административное нарушение были применены справедливые меры административного воздействия»<sup>1</sup>.

Можно указать и на другие нормативные акты, закрепляющие принцип неотвратимости ответственности за правонарушение, но и приведенных достаточно, чтобы убедиться в юридическом характере рассматриваемого принципа.

Однако ответственность правонарушителя не всегда неотвратима. Усиление народного контроля за работой государственного аппарата в этой области, повышение идейного и профессионального уровня кадров, поднятие личной ответственности соответствующих работников за разоблачение каждого нарушения законности в той или иной области, за привлечение к ответственности каждого нарушителя, не взирая на лица, помогут преодолеть названный недостаток правоохранительной деятельности государственных органов, усилить борьбу с нарушениями правопорядка мерами юридической ответственности, повысить авторитет государственных органов.

Осуществление принципа неотвратимости ответственности

<sup>1</sup> «Ведомости Верховного Совета РСФСР» 1962 г. № 13, ст. 166.

ности в решающей степени обусловлено деятельностью компетентных государственных органов и лиц, возлагающих ответственность. Но многое зависит и от законодателя. Представляется, что одной из существенных причин нарушения принципа неотвратимости ответственности является отсутствие в некоторых нормативных актах регламентации ответственности. В результате в ряде случаев складывается ненормальное положение: в нормативных актах предусматриваются те или иные случаи правонарушений, но не указывается, какую ответственность должны нести лица или органы, их совершающие. Например, срыв поставок или невыполнение плана строительства, несомненно, есть правонарушения. Но даже если виновником этого срыва является плановый орган, ответственность несет не он, а администрация предприятия (дисциплинарную ответственность) и само предприятие как юридическое лицо (имущественную)<sup>1</sup>.

В юридической литературе отмечались и другие ситуации подобного рода, например, отсутствие специальной материальной ответственности по договорам, заключенным дирекциями рынков в городах с колхозами<sup>2</sup>. Трудно говорить о неотвратимости ответственности, когда неизвестно, в каком виде и в каких пределах она должна наступать.

В законодательстве, регулирующем хозяйственно-управленческие отношения, не имеет четкого закрепления ответственность вышестоящего органа в форме принятия «на свой счет» неблагоприятных для предприятия последствий допущенного вышестоящим органом правонарушения. Как отмечалось в нашей литературе, отсутствие четкого правового регулирования ответственности вышестоящих хозяйственных органов перед предприятиями порождает администрирование вместо экономически обоснованного решения вопросов в соответствии с требованиями хозрасчета, приводит к уклонению выше-

---

<sup>1</sup> См. С. Н. Братусь, О некоторых вопросах соотношения экономики и права на современном этапе строительства коммунизма, кн. «Развитие марксистско-ленинской теории государства и права XXII съездом КПСС», Госюриздат, 1963, стр. 186.

<sup>2</sup> См. С. С. Алексеев, Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма, стр. 160.

стоящих органов от ответственности, к тенденции переложения этой ответственности на плечи предприятий<sup>1</sup>.

Если какое-либо конкретное действие или бездействие расценивается законодателем как правонарушение, в нормативном акте должно содержаться указание о строго определенном виде (видах) и пределах ответственности за данное правонарушение.

До сих пор мы сознательно не уточняли, о неотвратимости какой ответственности за правонарушение — юридической, моральной или ответственности перед общественной организацией — идет речь. Этот вопрос имеет принципиальное значение, ибо от его решения зависит само понимание неотвратимости ответственности за правонарушение в современных условиях, практическое воплощение данного принципа в советском законодательстве и в процессе применения правовых норм.

Неотвратимость ответственности состоит не в том, что за каждое правонарушение обязательно следует применение именно юридической санкции (исключение составляют санкции праввосстановительные), а в том, что ни одно правонарушение не может остаться незамеченным или нераскрытым, что каждое нарушение должно получить публичную огласку, попасть в поле зрения государства и общества, подвергнуться осуждению с их стороны. Если окажется, что нарушитель способен исправиться под воздействием только общественных мер, карательная юридическая санкция может и не применяться. Законодательство последних лет предоставляет для этого довольно широкие возможности. Демократические принципы построения юридической ответственности, отношение к ней не как к самоцели, а в конечном счете как к средству ликвидации правонарушений полностью объясняет позицию советского закона в данном отношении.

Институты передачи некоторых лиц, совершивших преступления, на поруки и отдельных категорий дел в товарищеский суд отнюдь не свидетельствуют о неотвратимости.

---

<sup>1</sup> См. В. К. Мамутов, Ответственность вышестоящего органа в хозяйственно-управленческом правоотношении, «Советское государство и право» 1966 г. № 3, стр. 51; П. В. Логинов, О соотношении норм материального права и арбитражного процесса, «Советское государство и право» 1967 г. № 1, стр. 99.

тимости, именно юридической ответственности. О том же говорит и широкое использование законодателем альтернативных санкций, предоставляющих уполномоченному на их применение органу государства, должностному лицу право избрать либо меру юридического характера, либо меру общественного воздействия, не связанную с правовой ответственностью. В ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» говорится, в частности, что «начальник органа милиции или народный судья с учетом личности нарушителя и характера совершенного им проступка могут вместо привлечения его к административной ответственности направить материал в общественную организацию, коллектив трудящихся или товарищеский суд для применения к нарушителю мер общественного воздействия»<sup>1</sup>.

Следовательно, подчеркивая принцип неотвратимости ответственности за каждое правонарушение в советском социалистическом обществе, мы должны под ответственностью понимать не только юридическую, но и общественную, моральную ответственность<sup>2</sup>.

Вместе с тем поскольку в современных условиях преодоление уже совершенных правонарушений обеспечивается прежде всего возложением на виновных юридической ответственности, то в пределах действия принципа неотвратимости ответственности за противоправное деяние ведущую роль играет правовая ответственность. До тех пор пока существует объективная потребность в правовом регулировании, не может быть и речи об умалении ее роли.

Изложенное понимание принципа неотвратимости ответственности помогает установить правильное соотношение между неотвратимостью и целесообразностью ее возложения. В равной мере необоснованным является и

<sup>1</sup> «Ведомости Верховного Совета СССР» 1966 г. № 30, ст. 595.

<sup>2</sup> Н. Г. Александров рассматривает принцип неотвратимости ответственности не только как юридическое, но и как иное воздействие за нарушение правовых норм («Развитие социалистического права в нормы коммунистического общежития», «Советское государство и право» 1961 г. № 9, стр. 33). Аналогичное понимание неотвратимости наказания развивает Н. Д. Дурманов («Советский уголовный закон», изд-во МГУ, 1967, стр. 21.).



их отождествление, и их противопоставление. Неминуемое наступление вслед за правонарушением юридической, моральной ответственности или ответственности перед общественной организацией всегда целесообразно. Другая сторона связи заключается в том, что неотвратимость указывает на обязательность ответственности. Руководствуясь целесообразностью, следует выбрать соответствующий вид и объем ответственности. Иными словами, речь должна идти не о целесообразности или нецелесообразности ответственности, а о целесообразности или нецелесообразности того или иного ее вида, о целесообразности или нецелесообразности тех или иных пределов данного вида ответственности.

В содержание принципа неотвратимости ответственности включается как неизбежность привлечения к ней, так и обязательность реализации возложенной ответственности, ибо в противном случае рассматриваемый принцип превратился бы в пустой звук.

Одновременно следует отметить, что кара за правонарушение должна следовать не только неотвратимо, но и быстро, быть своевременной реакцией государства, общественных организаций на данное правонарушение. В противном случае, особенно при слишком большом разрыве во времени между совершенным правонарушением и ответственностью, применение мер государственного принуждения к правонарушителю не может достаточно успешно служить целям ответственности, прежде всего цели воспитания. Когда о факте правонарушения давно забыли окружающие, а иногда и сам нарушитель, воспитательное воздействие ответственности сводится к нулю, либо запоздалая ответственность рождает чувство досады, возмущения. Иными словами, принцип неотвратимости ответственности выполняет свою полезную служебную роль лишь определенное время после совершения правонарушения, затем неотвратимость ответственности становится бесцельной, а иногда даже вредной. Не случайно поэтому советское законодательство устанавливает определенный срок (например, в уголовном праве — давность привлечения к уголовной ответственности, в гражданском — исковую давность), с истечением которого наступает освобождение правонарушителя от ответственности.

Эти сроки колеблются от 10 лет до одного месяца в

зависимости от характера и степени общественной вредности той или иной разновидности правонарушений и некоторых других моментов. Они, несомненно, нужны (кроме, конечно, каких-либо сроков для отмены незаконных актов и решений, иначе давность получит способность легализовать противозаконные акты). Нельзя, чтобы над участником общественных отношений, допустившим правонарушение, всю жизнь висел меч правосудия, чтобы вся его жизнь и деятельность протекали под угрозой привлечения к ответственности. Но соображения быстроты ни в коем случае не должны препятствовать всестороннему исследованию обстоятельств правонарушения.

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВИДОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СОВЕТСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

1. В предыдущих главах речь шла об общих признаках юридической ответственности, характеризующих ее содержание, основание, цели, важнейшие принципы построения и реализации. Исследование их имеет большое значение для понимания юридической ответственности как правового института и реального общественного явления в целом, в частности для уяснения ее специфики по сравнению с иными видами социальной ответственности, а также с другими видами государственного принуждения. Общие признаки ответственности по советскому законодательству отражают принципиально новую сущность и роль юридической ответственности в советском обществе в отличие от правовой ответственности в эксплуататорском обществе.

Вместе с тем в реальной жизни правовая ответственность выступает в качестве определенного вида ответственности — уголовной, гражданской, административной, дисциплинарной. В отдельных видах общие признаки юридической ответственности проявляются по-разному. Кроме того, конкретные виды юридической ответственности имеют такие особенности, которые определяют их специфику и составляют объективную основу их самостоятельного существования именно как отдельных видов ответственности. Следовательно, каждый вид юридической ответственности включает как то, что объединяет его с другими видами (общее), так и то, что отличает его именно в качестве самостоятельного вида (особенное). Поэтому конкретные виды правовой ответст-

венности по своему содержанию значительно богаче ее общего понятия.

Исследование ответственности по советскому законодательству во всем многообразии ее конкретных свойств и проявлений, а также выполняемых ею функций не может ограничиться общей характеристикой юридической ответственности в целом; оно предполагает и разработку вопроса о ее видах. Это необходимо по ряду причин.

Во-первых, поскольку признаки правовой ответственности вообще не существуют абстрактно, а проявляются через ее конкретные виды, то, естественно, что в теоретическом плане раскрыть содержание юридической ответственности в целом, ее роль как средства борьбы с нарушениями правопорядка, воспитания членов общества, ее специфику как вида социальной ответственности и как вида государственного принуждения можно только на основе анализа отдельных видов ответственности. Это убедительно подтверждается тем, что разработка проблемы юридической ответственности в общетеоретическом аспекте началась в нашей науке по существу в начале 60-х годов, т. е. тогда, когда в отраслевых юридических дисциплинах был накоплен значительный материал по отдельным видам ответственности, оказавшийся достаточным для необходимых обобщений и создания общей теории правовой ответственности. Конечно, работа в этом направлении должна быть продолжена, поскольку многие вопросы остаются еще не решенными.

Во-вторых, вопрос о видах юридической ответственности органически связан с проблемой правового регулирования. Известно, что одним из элементов метода правового регулирования является способ обеспечения субъективных прав и юридических обязанностей участников общественных отношений<sup>1</sup>. Среди различных способов правового обеспечения важное место занимает юридическая ответственность. Тот или иной вид ее характеризует своеобразие метода, используемого в данной отрасли права для регулирования общественных отношений. Следовательно, само определение специфики какого-либо метода правового регулирования в значительной

---

<sup>1</sup> См. С. С. Алексеев, Общие теоретические проблемы системы советского права, Госюриздат, 1961, стр. 61—71; «Общая теория советского права», стр. 325.

степени зависит от содержания применяемого вида юридической ответственности.

В-третьих, в правовой действительности различные виды юридической ответственности часто взаимосвязаны, а нередко и соединяются (гражданско-правовая и административная, дисциплинарная и административная). Кроме того, они вступают во взаимодействие с иными видами социальной ответственности, особенно с ответственностью, возлагаемой на правонарушителя органами общественности. Указанные обстоятельства также подчеркивают значимость вопроса о видах юридической ответственности.

Между тем в общетеоретическом плане этот вопрос почти не исследован. Он затронут в работах О. Э. Лейста «Санкции в советском праве» и С. С. Алексеева «Общая теория социалистического права» (вып. 2). Этим литература по рассматриваемому вопросу по существу исчерпывается. Естественно, что такое положение нельзя признать удовлетворительным.

Исследование видов юридической ответственности в плане общей теории права неизбежно должно иметь свою специфику. Касаясь проблемы юридической ответственности в целом, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский справедливо пишут, что наука теории государства и права в ее изучении «не должна выходить за пределы того, что действительно приобретает общий интерес для советского правоведения и не относится к числу вопросов специального характера»<sup>1</sup>. Сказанное в полной мере относится и к вопросу о видах правовой ответственности. Чтобы не подменять отраслевые юридические науки, общей теории права, на наш взгляд, следует ограничиться в данном случае изучением таких вопросов, как объективность существования нескольких видов юридической ответственности, их классификация и ее критерии, важнейшие особенности отдельных видов юридической ответственности.

*2. Существование нескольких видов юридической ответственности имеет объективное основание, которое лежит за пределами ее содержания. Для уяснения причин*

<sup>1</sup> О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, указ. работа, стр. 314.

множественности видов ответственности по советскому законодательству принципиальное значение имеет прежде всего классификация правонарушений по их социальной сущности. С этой точки зрения все правонарушения делятся на преступления и проступки. Преступления — это предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния (действия или бездействие). Объект преступления составляет советский правопорядок в целом, а коренное свойство преступления — общественная опасность. Проступки — не общественно опасные нарушения правопорядка. Каждый вид проступков посягает на определенную сторону социалистического правопорядка<sup>1</sup>.

Наличие у преступлений качества общественной опасности и отсутствие его у проступков обуславливает использование для борьбы с ними различных видов правовой ответственности. Повышенная вредность преступлений для общества требует возложения на виновных наиболее сурового вида ответственности — уголовноправовой; борьба же с проступками может успешно вестись иными, менее жесткими видами юридической ответственности. Обычно общественные отношения обеспечиваются различными видами ответственности. Так, для охраны советского государственного и общественного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан используются все известные советскому законодательству виды ответственности. Выбор законодателем, правоприменяющим органом того или иного вида юридической ответственности в большей (если не решающей) мере зависит от характера и степени посягательства, включая форму вины и тяжесть последствий. Нарушение трудовых прав граждан может повлечь дисциплинарную и материальную ответственность соответствующих должностных лиц государственного или общественного предприятия или учреждения. За наиболее серьезные нарушения законодательства о труде правонарушитель несет уголовную ответственность (ст. 138 УК РСФСР). За нарушение работником автотранспорта или городского электротранспорта правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлек-

---

<sup>1</sup> См. И. С. Самощенко, Понятие правонарушения по советскому законодательству, «Юридическая литература», 1963.

шее причинение потерпевшему хотя бы легкого повреж-  
дения либо существенный материальный ущерб,  
правонарушитель несет уголовную ответственность  
(ст. 211 УК РСФСР). Отсутствие указанных последст-  
вий является условием наступления за названные на-  
рушения административноправовой ответственности.

Таким образом, одной из причин множественности  
видов ответственности по советскому законодательству  
является различный характер и степень общественной  
вредности преступлений и проступков.

Другая причина — неодинаковый характер последст-  
вий правонарушения. Они не только указывают на сте-  
пень общественной вредности правонарушения, но и оп-  
ределяют способ преодоления причиненного вреда. Ма-  
териальный ущерб возмещается путем возложения  
имущественной ответственности; нематериальные (не-  
имущественные) последствия преодолеваются путем  
кары правонарушителя.

Множественность видов ответственности по советско-  
му законодательству определяется и ее целями. Если бы  
задача сводилась лишь к подавлению правонарушителя,  
то из всех так называемых карательных санкций можно  
было бы ограничиться уголовными наказаниями. Но при-  
нципиально иные цели ответственности в советском об-  
ществе — защита социалистического правопорядка и  
воспитательное воздействие на членов общества — пред-  
полагают строгую индивидуальную ответственность каж-  
дого правонарушителя, что в свою очередь обуславлива-  
ет использование в обществе нескольких видов ответст-  
венности.

Множественность видов правовой ответственности,  
как уже отмечалось, подчеркивает различие методов  
правового регулирования, присущих разным отраслям  
права. Каждый вид ответственности отражает своеобра-  
зие какого-то метода правового регулирования. Однако  
это не означает, что для любого метода характерен от-  
дельный, специфический вид ответственности. Не каждой  
отрасли права, всегда в принципе имеющей свой пред-  
мет и метод регулирования, соответствует и особый вид  
ответственности, наступающей за нарушения норм этой  
отрасли права. Наличие различных методов правового  
регулирования отнюдь не предполагает обязательно, что  
составные элементы одного метода всегда своеобразны,

ни в чем не похожи на элементы другого метода. Напротив. Разные методы правового регулирования могут иметь как несовпадающие, отличительные элементы (обязательное условие существования нескольких методов), так и элементы, в чем-то совпадающие, одинаковые. Такие совпадения возможны, в частности, в способах правового обеспечения. Нормы различных отраслей права могут быть обеспечены одинаковыми санкциями, за их нарушение может наступать ответственность одного и того же вида. Например, административная ответственность наступает за нарушение не только административноправовых норм, но и норм иных отраслей права — трудового, финансового, земельного и других, хотя сам характер этой ответственности, условия и порядок ее применения регулируются административным правом.

3. Объективность существования нескольких видов юридической ответственности в значительной степени определяет их классификацию. Возможности для такой классификации чрезвычайно широки, поскольку в основу подразделения юридической ответственности на виды могут быть положены разнообразные признаки. Однако не все они имеют строго объективный характер, и поэтому научное и практическое значение разных вариантов классификации далеко не одинаково.

В нашей литературе классификация видов юридической ответственности проводится по различным основаниям. По признаку отраслевой принадлежности выделяется ответственность уголовная, административная, дисциплинарная, гражданскоправовая, материальная ответственность рабочих, служащих, а также колхозников<sup>1</sup>. О. Э. Лейст различает уголовную, административную, дисциплинарную и имущественную («материальную») ответственность по видам правонарушений и по характеру применяемых санкций<sup>2</sup>. По порядку применения санкций он предлагает различать ответственность судебную и административную<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См. С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. 2, стр. 198.

<sup>2</sup> См. О. Э. Лейст, указ. работа, стр. 91.

<sup>3</sup> См. там же.



О. Э. Лейст указывает и на иные критерии классификации. Так, он считает возможным различать ответственность по субъекту правонарушения («персональная ответственность» и ответственность коллективных субъектов права), по характеру нарушения правопорядка, влекущего применение и реализацию санкции («ответственность за вину» и «ответственность без вины»), по способу возникновения и осуществления ответственности (ответственность, возникающая непосредственно из закона, вследствие факта правонарушения, и ответственность, возникающая на основе закона в процессе расследования государственными органами дел о правонарушении и применения ими санкций к правонарушителю). Наконец, автор выделяет ответственность, в процессе реализации которой на правонарушителя возлагаются специальные юридические обязанности, вытекающие из санкции правовой нормы (обязанность возместить причиненный вред, уплатить штраф, не заниматься определенной деятельностью и т. д.), и ответственность, состоящую в принудительном осуществлении обязанности, не выполненной правонарушителем (принудительное изъятие вещи, выселение и т. п.)<sup>1</sup>.

Своеобразную классификацию видов юридической ответственности предлагает И. Ребане. По его мнению, двумя основными видами ответственности по советскому праву являются кара и имущественная ответственность, причем кара подразделяется в свою очередь на подвиды: уголовную, административную, дисциплинарную и процессуальную ответственность<sup>2</sup>.

На наш взгляд, наиболее приемлемы классификации видов юридической ответственности по материальному признаку и по иным, прежде всего процессуальным, основаниям. Материальный признак часто называют отраслевым, имея в виду принадлежность конкретного вида юридической ответственности к той или иной отрасли права. Наименование материального признака классификации отраслевым следует признать условным, в значительной

<sup>1</sup> См. О. Э. Лейст, указ. работа, стр. 92—93.

<sup>2</sup> См. И. Ребане, Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок, «Учёные записки Тартуского государственного университета», вып. 182, стр. 205, 206.

мере формальным. Ведь само деление на виды юридической ответственности в зависимости от отраслевой принадлежности еще не указывает на специфику каждого вида ответственности и не дает возможности их разграничить. Наоборот, содержание различных видов юридической ответственности определяет их отраслевую принадлежность. То, что именно содержание является ведущим, а отраслевая принадлежность дополнительным (нормативным) признаком ответственности, подтверждается хотя бы тем, что в принципе законодатель в состоянии представить уголовную ответственность в качестве административноправового вида, придать имущественной ответственности резко выраженные карательные черты и т. д. Кроме того, нужно учитывать, что данный вид ответственности (например, гражданскоправовая) может использоваться и для защиты норм других отраслей права (например, земельного, колхозного), хотя ее содержание, порядок и условия применения регламентированы нормами той отрасли права, название которой этот вид ответственности носит (в данном случае нормами гражданского права). Однако, имея в виду, что отраслевая принадлежность является нормативным выражением существенных признаков того или иного вида юридической ответственности, можно в принципе и не возражать против наименования материального признака классификации видов ответственности отраслевым.

Материальный признак — совокупное понятие, охватывающее ряд элементов, по которым один вид правовой ответственности отличается от другого. К ним относятся: характер применяемых санкций, степень заключенного в ответственности государственного осуждения, первоочередность выполняемых задач, сфера действия. Все указанные элементы вытекают из содержания юридической ответственности, но имеют свое основание вне его. Объективно обуславливают существование нескольких видов ответственности: разная ценность с точки зрения господствующего класса либо всего общества защищаемых общественных отношений, степень так называемой «злой воли» правонарушителя, или, иначе говоря, степень отрицания им определенных общественных отношений, характер наступающих в результате противоправного поведения последствий, преодоление которых осуществляется путем использования юридической ответственности.

Материальный признак является ведущим по сравнению с процессуальными основаниями классификации. Он отражает содержание видов юридической ответственности. Иные критерии классификации (по порядку привлечения, по способу возникновения и осуществления ответственности и т. п.) выражают лишь отдельные, менее существенные, как правило, процессуальные стороны ответственности. Помимо этого, ведущее значение материального признака проявляется в том, что содержание того или иного вида юридической ответственности определяет и соответствующие процессуальные формы движения ответственности, хотя и определяет их не полностью, а в главном, основном, коренном. Специфическое содержание уголовной ответственности обуславливает ее сугубо личный характер, весьма строгий процессуальный порядок осуществления и возложение этой ответственности только специальным органом государства — судом. Из имущественного характера, гражданско-правовой ответственности вытекает ее первоочередная функция — компенсационно-восстановительная — и возможность реализации ее самими участниками общественных отношений, без обращения к компетентным государственным органам. В связи с этим и деление юридической ответственности на виды в зависимости от их содержания (отраслевой принадлежности) выступает в качестве основного. Материальное (отраслевое) деление наиболее полно выражает характер ответственности, наступающей вследствие нарушения требований тех или иных отраслей права. Такое деление позволяет с наибольшей полнотой выявить существенные общие черты и особенности разных видов правовой ответственности. Нельзя не согласиться с С. С. Алексеевым в том, что в «особенностях ответственности выражаются своеобразие того или другого метода правового регулирования, характерные черты данной отрасли права. Поэтому деление видов ответственности в зависимости от того, к какой отрасли права они относятся, является основным классификационным подразделением»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. 2, стр. 198.

Все другие подразделения (классификации по процессуальным основаниям) имеют дополнительный, вспомогательный характер<sup>1</sup>. Их значение определяется (ограничивается) тем, что они позволяют глубже раскрыть материальное содержание и процессуальную форму движения тех или иных видов юридической ответственности, а также показать их специфику. Рассмотрение их желательно проводить в рамках анализа особенностей отдельных видов ответственности. Следует при этом иметь в виду, что под видом ответственности подразумевается ее содержание, а форма выражает отдельные процессуальные особенности тех или других видов ответственности, дополняющие их характеристику.

Основываясь на материальном критерии классификации, можно выделить следующие виды ответственности по советскому законодательству: уголовную, административную, дисциплинарную и материальную ответственность за нарушение трудовой дисциплины, гражданско-правовую, отмену незаконных актов и решений государственных органов, а также общественных организаций и их органов. Процессуальной ответственности<sup>2</sup> как самостоятельного вида юридической ответственности не существует. Процессуальные меры принуждения — это либо меры пресечения, либо меры административной ответственности (за нарушение порядка судебного заседания, неподчинение распоряжениям председательствующего и т. п.).

Деление видов правовой ответственности по материальному (отраслевому) признаку имеет объективный характер, но установление их за те или иные виды правонарушений в известной мере зависит от усмотрения законодателя. «От официального общества до некоторой степени зависит квалификация некоторых нарушений установленных им законов как преступлений или только как

---

<sup>1</sup> Этого не учитывают Е. А. Кленов и В. Г. Малов, которые кладут в основу классификации видов правовой ответственности наряду с характером правонарушения и применяемой санкции и порядок привлечения к ответственности (см. «Материальная ответственность рабочих и служащих на предприятии», стр. 22).

<sup>2</sup> См. И. Ребане, Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок, «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 182, стр. 206.

проступков», — писал К. Маркс<sup>1</sup>. Выражается это как раз в назначении за нарушение устанавливаемых государством правовых норм либо уголовной, либо иной юридической ответственности. Конечно, привлечение, например, к уголовной ответственности за проступок (а не за преступление) по меньшей мере несправедливо, негуманно, а в социалистическом обществе с его высокими нравственными принципами недопустимо. Но, рассуждая абстрактно, нельзя исключить того, что законодатель может сознательно (с целью подавления в эксплуататорском обществе) или по ошибке привести в использование видов правовой ответственности до некоторой степени субъективное усмотрение.

Приведенная выше классификация видов ответственности по материальному (отраслевому) критерию является, на наш взгляд, исчерпывающей. Эти виды обеспечивают всю совокупность действующих в советском обществе правовых норм, в том числе нормы таких отраслей права, где не выделились своеобразные, присущие именно данным отраслям виды юридической ответственности. Следовательно, отраслей права больше, чем видов правовой ответственности.

Сферы действия той или иной отрасли права и соответствующего ей вида юридической ответственности не совпадают. Например, сфера действия норм административного права, регулирующих общественные отношения в области управленческой деятельности, не совпадает со сферой действия административно-правовой ответственности. С одной стороны, с помощью административной ответственности охраняются такие отношения, которые регулируются другими отраслями права (государственного, гражданского, земельного и т. д.). С другой стороны, некоторые административно-правовые нормы обеспечиваются иными (не административными) видами ответственности. Так, Ю. М. Козлов отмечает, что значительная часть административно-правовых норм направлена на регулирование исполнительно-распорядительной деятельности органов государственного управления и содержит предписания вышестоящих органов в адрес нижестоящих. «Это в свою очередь предполагает, что в случае нарушения сформулированных в норме предписа-

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 516.

ний начнет действовать институт дисциплинарной ответственности»<sup>1</sup>.

Регулирующее воздействие на общественные отношения норм тех отраслей права, в которых не имеется специфического вида юридической ответственности, обеспечивается наряду с иными средствами охранительными предписаниями других отраслей права, где сложились соответствующие виды ответственности, или, если их нарушение имеет общественно опасный характер и предусмотрено уголовным законом, — уголовным правом. Поясним это на примере. Одной из важных норм советского государственного права, закрепленной в Конституции СССР (ст. 123), является норма, утверждающая равноправие граждан независимо от их национальности и расы во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Она запрещает какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как и всякую проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения. Однако за ее нарушение не наступает какая-либо специфическая государственно-правовая ответственность. Эта норма охраняется, в частности, уголовным законом, и ее несоблюдение выражается в нарушении конкретной уголовно-правовой нормы (в данном случае нормы, описанной в ст. 11 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления и соответствующих статьях уголовных кодексов союзных республик). Вследствие этого нарушение указанной нормы государственного права влечет за собой возложение уголовно-правовой ответственности.

4. Каждый вид юридической ответственности играет самостоятельную роль в процессе правового регулирования, выполняет свои социально полезные функции. Поэтому все виды ответственности необходимы и противопоставлять их нельзя.

Наиболее суровым видом юридической ответствен-

<sup>1</sup> Ю. М. Козлов, Предмет советского административного права, изд-во МГУ, 1967, стр. 77.

ности является уголовная ответственность. Она возлагается за совершение преступлений, борьба с которыми остается серьезной задачей<sup>1</sup>.

Специфика уголовной ответственности вытекает из той роли, которую играет в механизме правового регулирования уголовное право. Нормы этой отрасли права прежде всего призваны обеспечить защиту социалистического правопорядка от преступных посягательств. Уголовноправовые нормы охраняют либо наиболее ценные отношения, либо иные урегулированные советским правом отношения от причинения им *существенного* вреда.

Следовательно, сфера действия (по кругу общественных отношений) уголовной ответственности чрезвычайно широка.

Уголовная ответственность воздействует непосредственно на личность преступника и всегда выражается в ограничениях его личных неимущественных прав, даже в тех случаях, когда затрагиваются его имущественные интересы. С точки зрения объективной тяжести причиняемых правонарушителю лишений, ограничений уголовная ответственность является наиболее суровым видом ответственности, хотя различные лица могут по-разному претерпевать ее. При этом иногда лицу легче испытать некоторые меры уголовной ответственности, чем, например, ответственность перед коллективом, общественной организацией. Специфическим юридическим последствием возложения уголовной ответственности является состояние судимости, которое, хотя и не влечет за собой формально правовые ограничения, тем не менее имеет юридическое значение, например при повторном преступлении.

✓ Возлагая уголовную ответственность, государство дает оценку как факту преступного деяния, так и личности правонарушителя. ✓ Эта оценка — резко отрицательная; особенностью уголовной ответственности по сравнению с иными видами юридической ответственности является то, что в ней заключается высшая степень осуждения социалистическим государством и общест-

<sup>1</sup> См. Л. И. Брежнев, Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, стр. 99.

вом преступления и его субъекта<sup>1</sup>, что находит свое выражение и в суровости применяемых санкций.

Ведущей целью уголовной ответственности является общее и частное предупреждение. С помощью уголовной ответственности осуществляется защита социалистического правопорядка; она оказывает воспитательное воздействие на членов общества. В этом плане нужно заметить, что уголовная ответственность является средством преодоления наиболее серьезных и опасных нарушений социалистического правопорядка. Путем возложения уголовной ответственности правонарушитель карается за совершенное преступное посягательство на общественные отношения либо за попытку такого посягательства (например, покушение на преступление). В целом ей не свойственна функция восстановления нарушенного общественного отношения; прежнего состояния, она не имеет задачей ликвидацию материальных и моральных последствий преступления. Этот вид ответственности обеспечивает восстановление правовых условий существования общественных отношений, подчеркивает незыблемость установленного правопорядка.

Уголовная ответственность воздействует прежде всего на сознание правонарушителя. Причиняя ему определенные страдания, ответственность должна вызывать у правонарушителя как личности осознание совершенного и отрицательное отношение к своему противоправному деянию, понимание справедливости ответственности, которую он претерпевает. Другие виды ответственности (например, гражданскоправовая, административная), если они выступают только в виде ответственности юридического лица или организации (ответственность предприятия, учреждения, организации) и не трансформируются в последующем в персональную ответственность конкретных лиц, могут быть и лишены этого момента воздействия на отдельную личность. Кроме того, личный характер уголовной ответственности обусловлен тем, что большинство мер уголовной ответственности практически не может быть применено

<sup>1</sup> См. также О. Э. Лейст, указ. работа, стр. 142—143.



к коллективным субъектам права, например юридическим лицам.

Отличительной чертой уголовной ответственности с точки зрения процессуальных форм является тщательная, детальная регламентация условий и порядка ее возложения. Объясняется это репрессивной природой уголовного права, тем серьезным ограничением прав и свобод граждан, с которым связано возложение уголовной ответственности. Она может быть предусмотрена исключительно нормативными актами высших органов государственной власти Союза ССР и союзных республик. Вопрос об уголовной ответственности решается только специальными органами государства — судами и лишь в коллегиальном порядке.

5. Административная ответственность согласно советскому законодательству наступает за нарушение как административноправовых норм, так и норм других отраслей права. Административная ответственность наступает при условии, что: 1) правонарушение не достигает такой степени общественной вредности, преодоление которой требует возложения уголовной ответственности; 2) правонарушение не является, как правило, дисциплинарным проступком (упущением по службе, нарушением трудовой дисциплины), а если и является таковым, то в этом случае противоправным поведением нарушается не только трудовая дисциплина, но и порядок управления и ответственность на правонарушителя возлагается органом, которому он не подчинен в служебном порядке; 3) целью возложения ответственности не является возмещение причиненного имущественного вреда. Соблюдение указанных условий позволяет определить круг противоправных деяний, за совершение которых может наступать административная ответственность.

Советское законодательство предусматривает широкий круг административных взысканий — мер административной ответственности: предупреждение, штраф, административный арест, конфискация определенного имущества, лишение отдельных прав, исправительные работы и др. Многие из этих мер сходны с одноименными мерами уголовной и дисциплинарной ответственности, но вместе с тем отличаются от них весьма существенными особенностями — по характеру противоправ-

ных деяний, за совершение которых наступает административная ответственность, по степени заключенного в ней государственного осуждения, по различию юридических последствий возложения разных видов правовой ответственности, по органу, возлагающему ответственность на правонарушителя. В частности, особенностью административной ответственности является то, что органы, имеющие право налагать административные взыскания, не руководят поведением обязанных лиц, как в трудовых правоотношениях, а только осуществляют контроль за их поведением<sup>1</sup>.

Большое разнообразие общественных отношений, защищаемых с помощью административной ответственности, обуславливает весьма широкий круг органов, имеющих право возлагать ответственность этого вида. Осуществляется она как судом, так и во внесудебном порядке<sup>2</sup>. Вопрос об административной ответственности решается и в единоличном, и в коллегиальном порядке: в административных комиссиях при исполкомах местных Советов он рассматривается коллегиально, в судах — коллегиально и единолично, в органах управления, как правило, единолично.

Специфическими для административной ответственности являются такие меры, как запрещение выпуска недоброкачественной продукции, приостановление работы агрегата, цеха, предприятия вследствие нарушения правил техники безопасности и производственной санитарии и т. п. В литературе по административному праву их обычно именуют мерами пресечения, и применение таких мер часто не считают юридической ответственностью. Между тем они всегда применяются за строго определенные нарушения требований правовых норм и выступают как средство преодоления таких нарушений. От других названных выше мер административной ответственности их отличает прежде всего то, что они не имеют личного характера (впрочем, это свойственно и некоторым мерам административного

---

<sup>1</sup> См. О. Э. Лейст, указ. работа, стр. 150; Д. Н. Бахрах, Административная ответственность, стр. 9.

<sup>2</sup> Более характерно для административной ответственности возложение ее во внесудебном порядке (см. Ю. М. Козлов, Предмет советского административного права, стр. 85).

взыскания, например, штрафу, применяемому к юридическим лицам, государственным органам и т. д.). Другая их особенность заключается в том, что одна из непосредственных целей их применения — предупреждение тяжких для общества последствий, которыми могут завершиться те или иные нарушения законности, если их не пресечь.

Субъектами, несущими административную ответственность, являются, как правило, граждане. Но в ряде случаев субъектом административного правонарушения, а следовательно, административной ответственности, могут быть коллективные субъекты права — предприятия, учреждения, организации. В специальной литературе высказывается мнение о необходимости сохранить и даже расширить практику наложения административных взысканий, в том числе штрафов, на предприятия и учреждения<sup>1</sup>.

6. Отдельным видом ответственности по советскому законодательству является дисциплинарная и материальная ответственность работника за нарушение трудовой дисциплины. Условно ее можно назвать дисциплинарно-материальной ответственностью. В нашей литературе подавляющее большинство авторов выделяют дисциплинарную ответственность в качестве самостоятельного вида юридической ответственности. Более спорным является вопрос о юридической природе материальной ответственности рабочих, служащих и колхозников. По этому вопросу сложились диаметрально противоположные точки зрения.

В. Т. Смирнов, например, считает, что ответственность рабочих и служащих перед нанимателем за ущерб, причиненный ими при исполнении своих трудовых обязанностей, есть один из видов гражданско-правовой, а именно договорной ответственности в широком смысле слова<sup>2</sup>. По мнению автора, договорная при-

---

<sup>1</sup> См. Д. Н. Бахрах, Административная ответственность, стр. 121—122.

<sup>2</sup> См. В. Т. Смирнов, О соотношении материальной ответственности рабочих и служащих по советскому трудовому праву и имущественной ответственности по гражданскому праву, «Вестник Ленинградского университета» № 17, серия экономики, философии и права, вып. 3, 1963, стр. 92.

рода ответственности определяется тем, что: 1) эта ответственность вызвана нарушением обязательственных отношений между причинителем вреда и потерпевшим, существовавших до момента правонарушения; 2) содержанием санкции является обязанность возместить причиненные убытки; 3) общая особенность названных видов ответственности состоит в возможности добровольного исполнения указанной обязанности<sup>1</sup>.

Тезис автора и его аргументация вызывают возражения. В. Т. Смирнов хотя и признает, но не учитывает в полной мере специфики трудовых правоотношений, в рамках которых и действует материальная ответственность рабочих и служащих. Для трудового правоотношения характерно то, что одна сторона правоотношения обладает властно-организующими полномочиями в отношении другой стороны. Субъект материальной ответственности не только причиняет имущественный ущерб, но и нарушает трудовую дисциплину. Содержание материальной ответственности рабочих и служащих состоит далеко не в одном возмещении имущественного вреда. Ее целью является устранение материальных последствий дисциплинарного проступка, а также воспитательное воздействие на рабочих и служащих, частное и общее предупреждение нарушений трудовой дисциплины. Отмеченные и другие существенные различия, связанные, например, с принципами, порядком и условиями возложения этой ответственности<sup>2</sup>, не дают основания считать, что материальная ответственность рабочих и служащих, регулируемая нормами трудового права, есть разновидность гражданскоправовой договорной ответственности.

Л. А. Сыроватская подчеркивает, что материальная ответственность рабочих и служащих по советскому трудовому праву является самостоятельным видом

---

<sup>1</sup> См. В. Т. Смирнов, О соотношении материальной ответственности рабочих и служащих по советскому трудовому праву и имущественной ответственности по гражданскому праву, «Вестник Ленинградского университета» № 17, серия экономики, философии и права, вып. 3, 1963, стр. 91.

<sup>2</sup> См. С. С. Карицкий, Об отличии материальной ответственности по трудовому праву от гражданскоправовой ответственности за ущерб, «Советское государство и право» 1955 г. № 5, стр. 83 и сл.

юридической ответственности<sup>1</sup>. Обосновывая свой взгляд, автор указывает, что дисциплинарная ответственность не предусматривает такой меры взыскания, как возмещение причиненного ущерба; материальная ответственность рабочих и служащих выполняет не только превентивную, но и восстановительную функцию; порядок привлечения к дисциплинарной и материальной ответственности различен; к работнику, причинившему своими виновными противоправными действиями ущерб, помимо обязанности его возмещения может быть применена и одна из мер дисциплинарного воздействия.

Несколько своеобразную позицию занимает И. А. Тищенко. Автор не видит серьезных аргументов против предложения включить материальную ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию (учреждению, организации), в перечень дисциплинарных взысканий, приводимый в Правилах внутреннего трудового распорядка, если рассматривать вопрос в теоретическом аспекте. Но с практической точки зрения это предложение представляется автору неприемлемым, так как при действующей системе раздельной ответственности (материальной и дисциплинарной) возложение на работника обязанности возместить причиненный ущерб не исключает одновременно дисциплинарного взыскания; если же указанное предложение будет принято, то одновременное применение двух мер станет невозможным. Кроме того, И. А. Тищенко считает необходимым учитывать и исторически сложившийся порядок рассмотрения дел о материальной ответственности, установления размера возмещаемого ущерба и взыскания денежных сумм при принудительном исполнении<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См. Л. А. Сыроватская, Материальная ответственность рабочих и служащих по советскому трудовому праву — один из видов юридической ответственности, «Труды ВЮЗИ», т. V (статьи аспирантов), М., 1966, стр. 252—260. Такой же точки зрения и сходной аргументации придерживаются Е. А. Кленов и Е. Г. Малов (см. «Материальная ответственность рабочих и служащих на предприятии», стр. 25—26).

<sup>2</sup> См. И. А. Тищенко, О понятии материальной ответственности рабочих и служащих по советскому трудовому праву, «Советское государство и право» 1964 г. № 2, стр. 122.

Нетрудно заметить, что многое из аргументации Л. А. Сыроватской и И. А. Тищенко относится, на наш взгляд, к технической (хотя и немаловажной) стороне вопроса. Более серьезно выглядит ссылка на то, что применение дисциплинарного взыскания не исключает по действующему законодательству возложения на правонарушителя материальной ответственности, хотя и это обстоятельство не свидетельствует о том, что дисциплинарная и материальная ответственность рабочих и служащих — два самостоятельных вида правовой ответственности. Очевидно, нет препятствий к тому, чтобы ответственность в случае нарушения трудовой дисциплины с нанесением предприятию (учреждению, организации) имущественного ущерба состояла как в дисциплинарном взыскании, так и в возмещении причиненного вреда, даже если бы порядок и условия их применения регламентировались одним правовым актом.

В данном случае имеет место одно правонарушение — дисциплинарный проступок, специфическим последствием которого в отличие от других дисциплинарных проступков является материальный ущерб. Реакция государства всегда направлена на преодоление разных противоправных результатов — самого нарушения и связанных с ним отрицательных организационных, моральных, общественно-политических последствий, а также материального ущерба. Кумуляция различных санкций должна осуществляться всегда, когда нарушение трудовой дисциплины причиняет и материальный вред.

Естественно, что в этих условиях ответственность за нарушение трудовой дисциплины независимо от того, связано оно с причинением материального ущерба или нет, должна строиться на единых принципах, присущих советскому трудовому праву в соответствии с его предметом и методом регулирования.

По своим важнейшим признакам — сфере действия, основанию, функциональной направленности — материальная ответственность рабочих и служащих сближается с дисциплинарной ответственностью. Она не является разновидностью гражданско-правовой ответственности и в то же время имеет ряд сходных существенных черт с дисциплинарной ответственностью. По-

этому, на наш взгляд, дисциплинарная и материальная ответственность рабочих и служащих — это два подвида ответственности за нарушения трудовой дисциплины, не имеющие общественно опасного характера. Каждый из них обладает своими особенностями и вместе с тем общими чертами. Признание этой общности имеет существенное значение для правового регулирования ответственности за нарушение трудовой дисциплины на базе единых основополагающих принципов в соответствии с задачами трудового законодательства в данной области.

Одновременно нужно, конечно, учитывать (опять-таки в интересах надлежащего правового регулирования) особенности названных подвидов. Более того, следует при этом принять во внимание, что каждый из них в свою очередь имеет и внутренние подразделения — законодательство различает общий и специальный вид дисциплинарной ответственности, а также ограниченную, полную и повышенную материальную ответственность рабочих и служащих.

Основы правового регулирования ответственности за нарушения трудовой дисциплины, закрепленные в трудовом праве, все более используются и в колхозном праве применительно к ответственности членов колхозов. Этого требует единство задач регулирования дисциплины труда, одинаковый характер противоправных деяний, единые цели ответственности за нарушения трудовой дисциплины на государственных предприятиях (в учреждениях, организациях) и в колхозах. Вряд ли можно найти серьезные и убедительные основания для того, чтобы по-разному (речь идет об основных принципах и задачах) регулировать дисциплинарную и материальную ответственность рабочих и служащих, с одной стороны, и колхозников — с другой, тем более если иметь в виду основную закономерность развития этой сферы жизни социалистического общества — превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального.

Если исходить из этой позиции, то приходится признать, что наше законодательство нуждается в известном совершенствовании. Например, в свое время Примерный устав сельскохозяйственной артели критиковался за то, что предусматриваемая им в ст. 17 мера

дисциплинарного взыскания — «перемещение на низшую работу», не ограничивалась никаким сроком<sup>1</sup>.

В то же время согласно п. 22 Типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений перевод на другую нижеоплачиваемую работу или смещение на низшую должность могут быть произведены на срок до трех месяцев. К сожалению, в Примерном уставе колхоза 1969 года не сделано шага вперед в этом отношении. Предусматривая в качестве меры взыскания перевод на нижеоплачиваемую работу (ст. 35), Примерный устав не определяет возможного срока такого перевода.

Разумеется, какие-то особенности в правовом регулировании дисциплинарной и материальной ответственности рабочих и служащих, с одной стороны, и колхозников — с другой, неизбежны, они обусловлены неодинаковым профилем производства, различием в природе трудовых и колхозных правоотношений, органов, устанавливающих ответственность, и т. д. Но в главном (содержании, принципах, целях) ответственность работника за нарушение трудовой дисциплины должна регламентироваться одинаково.

Определить сферу действия дисциплинарно-материальной ответственности довольно легко. Всякий раз, когда нарушается трудовая дисциплина, работник не исполняет своих трудовых обязанностей, наступает дисциплинарная ответственность; если к тому же предприятию (учреждению, организации) причинен имущественный ущерб, на правонарушителя возлагается и материальная ответственность. Вне нарушений правовых норм, закрепляющих определенный порядок в трудовом процессе (трудовую дисциплину), возможность наступления дисциплинарной ответственности исключена. Нарушения других норм права влекут дисципли-

<sup>1</sup> Лишь очень немногие авторы считали это справедливым. Так, Е. И. Коваленко писал, что нерадивый колхозник перемещается на низшую работу на неопределенный срок, на такой срок, как это сочтет нужным правление или общее собрание колхозников, причем вовсе не обязательно, чтобы со временем колхозник был возвращен на прежнюю должность («Некоторые вопросы дисциплинарной ответственности колхозников», «Ученые записки Пермского государственного университета имени А. М. Горького» № 105 (юридические науки), Пермь, 1963, стр. 27).



нарную ответственность лишь постольку, поскольку являются одновременно нарушениями трудовых обязанностей<sup>1</sup>. Лишь некоторые категории работников (судьи, прокуроры, следователи, работники органов милиции) могут нести дисциплинарную ответственность не только за нарушения трудовой дисциплины, но и за недостойные, порочащие, аморальные проступки, совершенные во внеслужебное время и непосредственно не связанные с выполнением трудовых функций. Но и здесь связь дисциплинарной ответственности с выполняемыми функциями очевидна, поскольку проступки, за совершение которых она наступает, несовместимы именно со служебным положением данного должностного лица, особым характером выполняемых им служебных функций.

Материальная ответственность работника наступает за нарушение трудовой дисциплины, вследствие которого предприятию, учреждению, организации нанесен имущественный ущерб. Вред, причиненный работником, должен возмещаться по нормам, закрепленным в трудовом законодательстве, только в том случае, если явился следствием нарушения трудовой дисциплины. Имущественный ущерб, причиненный рабочим, служащим, колхозником не при исполнении трудовых функций, должен возмещаться в соответствии с принципами гражданской правовой ответственности. Ведь в этом случае возложение ответственности направлено не на предупреждение нарушений трудовой дисциплины, а прежде всего на возмещение причиненного имущественного ущерба. Нет оснований по-разному регулировать ответственность граждан за ущерб, нанесенный государственному и общественному имуществу во внеслужебное время, и за ущерб, причиненный тому же имуществу в рабочее время, но не в связи с выполнением трудовых обязанностей. Следует поэтому согласиться

---

<sup>1</sup> О. Э. Лейст высказал интересное соображение: «Любая норма социалистического права либо в конечном счете, либо на промежуточном этапе ее реализации охраняется дисциплинарной санкцией, поскольку охрана социалистической законности в целом осуществляется государственным аппаратом, деятельность которого также протекает на началах социалистической законности и государственной дисциплины» (указ. работа, стр. 163).

с предложением в законодательном порядке исключить из трудового права нормы, в которых говорится о материальной ответственности за имущественный ущерб, причиненный трудящимся не при исполнении им служебных обязанностей, а также в результате хищения, умышленного уничтожения или умышленной порчи имущества предприятия (учреждения, организации)<sup>1</sup>.

Мерами дисциплинарной ответственности являются: замечание (постановка на вид); выговор; строгий выговор; перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев или смещение на низшую должность на тот же срок независимо от специальности и квалификации работника; увольнение. В условиях хозяйственной реформы, усиления экономического стимулирования производства и повышения материальной заинтересованности работника в результатах производства более широкое применение по согласованию с общественными организациями получают такие, например, меры ответственности, как депремирование, отсрочка очереди на получение квартиры, и т. п.

В редких случаях в качестве меры дисциплинарной ответственности законодательство допускает наложение штрафа<sup>2</sup>. Но в советской науке права сложилось единодушное мнение о целесообразности исключить эту меру из перечня дисциплинарных взысканий.

Ссылаясь на предусмотренные ст. 22 Правил внутреннего трудового распорядка меры дисциплинарного взыскания — замечание, выговор, строгий выговор, — О. Э. Лейст считает специфической чертой дисциплинарных санкций то, что среди них значительно больший удельный вес, чем среди других карательных, штрафных санкций, занимают такие меры, как отрицательная оценка поведения лица, нарушающего правовые нормы<sup>3</sup>. С этим вряд ли можно согласиться. Отрицательная оценка поведения правонарушителя свойственна всем без исключения мерам взыскания, штрафным,

<sup>1</sup> См. И. А. Тищенко, указ. статья, стр. 124.

<sup>2</sup> См. О. Э. Лейст, указ. работа, стр. 168—169; Д. Н. Бахрах, Административная ответственность, стр. 27.

<sup>3</sup> См. О. Э. Лейст, указ. работа, стр. 167.

карательным санкциям. Но в одних случаях меры ответственности этим исчерпываются (выговор), а в других — выражаются затем в иных последствиях (в том числе и материальных), которые претерпевает правонарушитель.

Материальная ответственность работника за нарушение трудовой дисциплины с причинением предприятию (учреждению, организации) материального ущерба состоит в его возмещении. Но здесь в отличие от одноименной меры гражданско-правовой ответственности возмещение строится на иных принципах. Гражданско-правовая ответственность основывается на принципах полного возмещения причиненных убытков; в отношении же объема материальной ответственности работника законодательство устанавливает предел, находящийся в известном соотношении с размером получаемой данным работником заработной платы. Если по нормам гражданского права убытки определяются в полном объеме причиненного ущерба: положительный ущерб в имуществе плюс упущенная выгода, то в соответствии с трудовым законодательством учитываются только прямые убытки, т. е. действительный ущерб, но не упущенная выгода. Имеются и другие особенности<sup>1</sup>.

Первоочередной целью дисциплинарной и материальной ответственности работника является воспитание трудящихся в духе высокой сознательной дисциплины труда. Воспитательный эффект во многом определяется тем, что данная ответственность имеет место в трудовом коллективе, где юридическое воздействие на правонарушителя подкрепляется постоянным и систематическим моральным, общественным, коллективным воздействием со стороны других работников<sup>2</sup>. Воспитательная направленность этой ответственности служит основой ее тесной взаимосвязи с мерами общественного воздействия. Посредством материальной ответственности работника, кроме отмеченного, достигает-

<sup>1</sup> См. по этому вопросу С. С. Каринский, Об отличии материальной ответственности по трудовому праву от гражданско-правовой ответственности за ущерб, «Советское государство и право» 1955 г. № 5, стр. 83—86.

<sup>2</sup> См. О. Э. Лейст, указ. работа, стр. 168.

ся цель восстановления в определенных пределах причиненного имущественного ущерба. Но она является дополнительной и производной. Главная цель возложения на работника материальной ответственности — достижение воспитательного эффекта<sup>1</sup>. Этим объясняется и то, что основанием материальной ответственности должно быть нарушение трудовой дисциплины с причинением имущественного вреда, и своеобразие принципов, на которых строится его возмещение. Данные принципы, а также процессуальный порядок возмещения ущерба в случае материальной ответственности работника существенно отличаются от принципов и порядка осуществления ответственности по гражданскому праву. В связи с этим интересно отметить, что по нормам трудового законодательства предусмотрены более краткие сроки для возложения ответственности, чем по нормам гражданского законодательства. Очевидно, такое различие в процессуальных сроках не имело бы смысла, если бы основная цель материальной ответственности состояла не в воспитательном воздействии, а в возмещении имущественного вреда.

Субъектами, несущими дисциплинарную и материальную ответственность (естественно, при условии совершения дисциплинарного проступка), являются рабочие, служащие, колхозники, т. е. сторона в трудовом правоотношении (если брать это понятие в широком смысле слова). Специальную дисциплинарную ответственность несут только особые категории трудящихся, перечень которых установлен законодательством.

Субъектами, возлагающими дисциплинарную ответственность, являются вышестоящее должностное лицо или орган, которому правонарушитель подчинен по службе.

Вопрос о дисциплинарной ответственности решается либо коллегиально (дисциплинарными коллегиями судов, правлениями колхозов и т. п.), либо единолично (в остальных случаях).

7. Гражданско-правовая ответственность наступает за нарушение договорных обязательств имущественного характера или за причинение имущественного внедого-

<sup>1</sup> См. И. А. Тищенко, указ. статья, стр. 122.

ворного вреда. Специфика данного вида юридической ответственности заключается не просто в том, что она является имущественной и воздействует прежде всего на имущественные интересы правонарушителя, а через них и на его личность<sup>1</sup>. Ведь некоторые меры уголовной и административной ответственности (например, штраф, конфискация имущества) и материальная ответственность рабочих, служащих, колхозников тоже оказывают воздействие на имущественные интересы правонарушителя.

Особенность гражданскоправовой ответственности по сфере действия состоит, на наш взгляд, в том, что она наступает (иногда вместе с другими видами ответственности) всякий раз, когда имеет место противоправное причинение имущественного вреда, причем ущерб нанесен не в связи с исполнением работником трудовых функций.

Наиболее характерными санкциями, в применении которых и выражается рассматриваемый вид правовой ответственности, является возмещение правонарушителем причиненного имущественного вреда. За причинение внедоговорного вреда следует его возмещение. Если же вред причинен в результате нарушения договорных обязательств, то иногда (случай штрафной неустойки) правонарушитель должен не только возместить убытки, но и выплатить неустойку. В частности, согласно законодательству штрафными санкциями обеспечивается во всех без исключения случаях (хотя и не каждая из обязанностей) исполнение хозяйственных договоров<sup>2</sup>.

Сказанным особенности гражданскоправовой ответственности не исчерпываются. В договорных отношениях в предусмотренных законом случаях стороны сами могут устанавливать пределы возможной ответственности за нарушение договорных обязательств. Далее, имущественный ущерб, причиненный в результате противоправного поведения, правонарушитель может возместить добровольно, не дожидаясь прямого принуж-

<sup>1</sup> См. О. А. Красавчиков, Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, стр. 129.

<sup>2</sup> См. «Договоры в социалистическом хозяйстве», «Юридическая литература», 1964, стр. 78.

дения<sup>1</sup>. В таком случае он сам признает свою виновность, обязанность понести ответственность и добровольно претерпевает ее. Это возможно только тогда, когда данная ответственность выражается в совершении правонарушителем определенных положительных действий в пользу потерпевшего. Естественно, что здесь он может совершить такие действия, не дожидаясь непосредственного принуждения. Это первое, но не единственное условие, при котором правонарушитель принимает на себя ответственность своими действиями. Например, уголовное законодательство РСФСР (ст. 21 УК) предусматривает такой вид наказания, как возложение обязанности загладить причиненный вред. Несомненно, что правонарушитель может загладить вред, не дожидаясь приговора суда. Означает ли это, что в данном случае уже имела место уголовная ответственность и что иногда она тоже может добровольно приниматься лицом, совершившим преступление. Думается, что нет. Другим условием, при котором возможно добровольное претерпевание лицом гражданско-правовой ответственности, является то, что она носит разовый характер и не создает так называемого состояния ответственности, с которым законодатель связывает определенные юридические последствия. В уголовном праве — это состояние судимости; в административном — например, придание примененной мере административного воздействия юридического значения в случае повторного совершения подобного же правонарушения (см. ст. 9 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство») лицом, к которому в течение года была применена мера административного воздействия за мелкое хулиганство; в трудовом праве — состояние ответственности за нарушение трудовой дисциплины в течение года после наложения взыскания и придание наложенным дисциплинарным взысканиям юридического значения при определении систематичности нарушения трудовой дисциплины.

Особенность гражданско-правовой ответственности

<sup>1</sup> См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, стр. 9.

состоит также в том, что потерпевший, чье субъективное право нарушено, может требовать реализации санкций, причем обращается с этим требованием в первую очередь к самому правонарушителю<sup>1</sup>. В ряде случаев законодательство уполномочивает самого потерпевшего применить к причинителю вреда обусловленные в законе или договоре санкции, возложить на него ответственность, не прибегая к помощи судебных или иных государственных органов<sup>2</sup>.

Специфичным для гражданско-правовой ответственности является то, что она строится на началах эквивалентности. Лицо, на которое она возложена, обязано восстановить прежнее состояние (реституция). Если это по каким-то причинам невозможно, оно должно полностью возместить причиненный имущественный ущерб.

Принцип полного возмещения вреда является ведущим специфическим принципом гражданско-правовой ответственности. Этим, в частности, гражданско-правовая ответственность, как уже отмечалось, отличается от материальной ответственности рабочих, служащих, предусмотренной нормами трудового права. Через осуществление принципа полного возмещения вреда проводится индивидуализация имущественной ответственности в соответствии со степенью общественной вредности правонарушения, поскольку последняя в области гражданских правонарушений выражается, как правило, в величине причиненного ущерба. Поэтому следует признать неточным положение о том, что степень общественной опасности вредоносного действия не имеет существенного значения для определения мер гражданско-правовой ответственности<sup>3</sup>. Выбор здесь действительно незначительный, и степень общественной

<sup>1</sup> См. А. Г. Быков, Имущественные гражданско-правовые санкции, «Вестник Московского университета», серия XII, «Право», 1967 г. № 2, стр. 80.

<sup>2</sup> См. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, стр. 10; А. Г. Быков, Имущественные гражданско-правовые санкции, стр. 80.

<sup>3</sup> См. О. А. Красавчиков, Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, стр. 129—130; А. А. Собчак, О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности, «Правоведение» 1968 г. № 1, стр. 50.

вредности правонарушения по существу не оказывает на него никакого влияния. Но если говорить о влиянии степени общественной вредности на определенный объем ответственности, то в данном случае существует непосредственная связь. Размеры гражданско-правовой ответственности зависят прежде всего от величины причиненного правонарушением вреда, а следовательно, от степени общественной вредности противоправного деяния.

В отличие от уголовной ответственности своеобразие здесь заключается в том, что прямая зависимость величины правовой ответственности от размера причиненного имущественного вреда и в конечном счете от степени общественной вредности правонарушения определена статически законодателем, а правоприменяющий орган (суд, арбитраж), сторона в обязательстве связаны законодательным принципом и при установленном ущербе им нет необходимости (да они и не имеют права) искать адекватную причиненному ущербу меру ответственности. Она уже установлена законодателем в виде принципа полного возмещения вреда, разумеется, если сам законодатель не вводит в конкретных случаях тех или иных исключений.

Как и любой иной ответственности по советскому законодательству, гражданско-правовой ответственности присущи две основные цели — защита социалистического правопорядка и воспитательное воздействие на членов общества. Однако и в этом отношении она имеет свои особенности. Первоочередной целью, преследуемой возложением гражданско-правовой ответственности, является восстановление прежнего состояния или возмещение причиненного вреда. Поэтому компенсационно-восстановительная функция имеет наибольший удельный вес. Гражданско-правовая ответственность прежде всего способствует *преодолению имущественных последствий* противоправного поведения, а уже потом выполняет задачи частного и общего предупреждения и воспитательного воздействия на самого правонарушителя, а также на иных членов общества. При этом она побуждает к воздержанию от причинения именно имущественного вреда в результате нарушения договора или от внедоговорного причинения вреда. В той мере, в какой наступление этой ответственности вызывается



невыполнением (пассивностью) имущественных обязательств, она побуждает к активным действиям:

Гражданскоправовой ответственности, как, впрочем, и любому другому виду ответственности имущественного характера или с имущественными последствиями, свойственно то, что она воздействует на личность правонарушителя не прямо, а косвенно, через его имущественные интересы. В отличие от иных видов юридической ответственности для гражданскоправовой ответственности личность правонарушителя (его дееспособность, виновность в данном нарушении права) имеет значение в основном до момента возложения ответственности, реализация же ее связана с имущественной сферой нарушителя и лишь постольку с его личностью. Поэтому ответственность теряет в полном смысле слова личный характер, реализация ее может произойти и после смерти причинителя вреда, хотя в таком случае некоторые цели (частное предупреждение, воспитательное воздействие на причинителя вреда), разумеется, не достигаются.

Гражданскоправовая ответственность имеет отличительные черты и с точки зрения процессуальных форм ее движения. Вопрос о гражданскоправовой ответственности рассматривается в суде коллегиально, в арбитраже — коллегиально и единолично, в органах управления, как правило, единолично, иногда коллегиально. Кроме того, как уже отмечалось, она может быть возложена непосредственно самим контрагентом, потерпевшим имущественный вред, или признана правонарушителем и добровольно принята им на свой счет. Специфичным для процессуальной стороны гражданскоправовой ответственности является и то, что здесь до возложения ее на конкретного правонарушителя действует так называемая презумпция виновности. Согласно ч. 1 ст. 37 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство.

В нашей литературе отмечались и другие особенности рассматриваемого вида ответственности, однако с ними, на наш взгляд, вряд ли можно согласиться.

Так, довольно часто в качестве особенности гражданскоправовой ответственности, отличающей ее от иных видов ответственности по советскому законода-

тельству, подчеркивается, что ей не присущ момент осуждения государством поведения правонарушителя<sup>1</sup>, что было бы неправильным утверждать, будто сущность гражданско-правовой ответственности прежде всего выражается в осуждении поведения лица<sup>2</sup>. При этом иногда момент осуждения неосновательно противопоставляется восстановительной (компенсационной) функции гражданско-правовой ответственности.

Думается, что в данном случае явно преуменьшается роль осуждения как общего обязательного признака всех видов юридической ответственности. При выяснении ее сущности нельзя обойти вопрос об отношении государства к правонарушителю, ибо юридическая ответственность есть выражение этого отношения. Естественно, государство, устанавливающее либо санкционирующее правовые обязанности, не может одобрять их нарушение либо относиться к подобным нарушениям безразлично. Остается одно — отрицательное, осуждающее отношение с вытекающими отсюда для правонарушителя последствиями. Именно об этом свидетельствует многогранная правоохранительная деятельность Советского государства. Конечно, степень государственного порицания в различных видах юридической ответственности различна. Это зависит от многих факторов (прежде всего от общественной вредности правонарушения) и, очевидно, от первоочередности поставленных целей. Но момент осуждения составляет непререкаемый признак всякой юридической ответственности и в той или иной степени проявляется во всех ее целях. Гражданско-правовая ответственность не представляет в этом отношении исключения.

О. А. Красавчиков, рассматривая особенности гражданско-правовой ответственности, пишет, что она может наступать и за действия других лиц: социалистические организации отвечают за вред, причиненный их рабочими и служащими при выполнении ими своих трудовых обязанностей; родители и усыновители отвечают за вред, причиненный действиями их малолетних детей,

<sup>1</sup> См. А. А. Собчак, О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности, «Правоведение» 1968 г. № 1, стр. 50.

<sup>2</sup> См. В. Г. Смирнов, Функции советского уголовного права, стр. 85.

и т. д.<sup>1</sup>. Не соглашаясь с автором, отметим, во-первых, что высказанное им положение не подкрепляется приводимыми примерами. Наоборот, они опровергают утверждение автора. Действия рабочих и служащих при выполнении ими своих трудовых обязанностей — действия социалистической организации, в состав которой эти работники входят. Вред, причиненный действиями малолетних, есть в значительной мере результат вины родителей и усыновителей (ошибки в воспитании, недостаточный надзор за детьми и т. п.). Поэтому в обоих случаях, на которые ссылается О. А. Красавчиков, несущие ответственность субъекты отвечают не за чужие, а за собственные действия. Во-вторых, и тогда, когда на первый взгляд наступает ответственность за чужое деяние, за чужую вину, на самом деле имеет место юридико-технический прием, в результате которого правовая ответственность в конечном счете возлагается на виновного. На это вполне справедливо указал в свое время М. М. Агарков<sup>2</sup>.

Характеризуя особенности гражданско-правовой ответственности, следует особо остановиться на ответственности вышестоящего органа перед нижестоящим за причиненный последнему имущественный ущерб. Такой ущерб может быть нанесен в результате неправильного решения тех или иных хозяйственных вопросов, ущемляющего законные хозяйственные интересы предприятия, невыполнения вышестоящим органом своих обязанностей или ущемления по его вине законных интересов подчиненных хозяйственных органов<sup>3</sup>. Эта проблема возникла перед наукой в связи с проводимой экономической реформой, необходимостью последовательного осуществления принципов хозяйственного расчета и вызвала споры в юридической литературе. В частности, остается нерешенным вопрос о правовой природе ответ-

---

<sup>1</sup> См. О. А. Красавчиков, Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, стр. 130.

<sup>2</sup> См. М. М. Агарков, К вопросу о договорной ответственности, кн. «Вопросы советского гражданского права», изд-во АН СССР, 1945, стр. 130—131.

<sup>3</sup> См. В. К. Мамутов, Ответственность вышестоящего органа в хозяйственно-управленческом правоотношении, «Советское государство и право» 1966 г. № 3, стр. 49.

ственности вышестоящего органа: является она административной или гражданскоправовой либо самостоятельным видом юридической ответственности. В. К. Мамутов считает, что ответственность вышестоящего органа перед нижестоящим не является ни административной, ни гражданскоправовой, а представляет собой своеобразную форму юридической ответственности, но какую именно, автор не указывает<sup>1</sup>.

При определении юридической природы ответственности вышестоящего органа перед нижестоящим, на наш взгляд, следует исходить из ее содержания. Ответственность вышестоящего органа наступает лишь при условии причинения нижестоящему органу имущественного вреда и рассматривается в данном случае как средство преодоления нанесенного имущественного ущерба, т. е. ее первоочередной задачей является восстановительно-компенсационная. Правда, она выполняется путем применения своеобразной санкции: неблагоприятные имущественные последствия правонарушения возлагаются на вышестоящий орган в форме уменьшения имеющихся в его распоряжении специальных резервов, фондов и т. п.<sup>2</sup>. Но это не единственная возможная санкция, в применении которой и состоит имущественная ответственность вышестоящего органа. Суммируя ее основные черты, можно прийти к выводу, что по своему содержанию, сфере действия, главной цели она является все же гражданскоправовой ответственностью.

Подчеркивая в качестве специфической черты имущественный характер мер гражданскоправовой ответственности, следует одновременно иметь в виду и другое обстоятельство. Поскольку советское гражданское законодательство регулирует не только имущественные, но и связанные с ними личные неимущественные отношения, а также в случаях, предусмотренных законом, и иные личные неимущественные отношения, то гражданскоправовая ответственность может выражаться и

<sup>1</sup> См. В. К. Ма му то в, Ответственность вышестоящего органа в хозяйственно-управленческом правоотношении, «Советское государство и право» 1966 г. № 3, стр. 49, 50.

<sup>2</sup> См. там же, стр. 48; Н. Г. Алек с ан др ов, О роли права в осуществлении экономических методов руководства промышленностью, «Советское государство и право» 1967 г. № 6, стр. 70—71.

в применении к правонарушителю неимущественных санкций, например в возложении обязанности опровергнуть порочащие честь и достоинство гражданина или организации сведения, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности (ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик). В некоторых случаях гражданско-правовая ответственность может выразиться в лишении определенных прав.

Однако это не главное в характеристике гражданско-правовой ответственности. Ее основная черта заключается в том, что она является, как правило, следствием причинения имущественного вреда, и санкции, в реализации которых она выражается, носят имущественный характер.

8. Советскому законодательству известен, наконец, такой вид ответственности, как отмена незаконных актов и решений государственных органов, общественных организаций и их органов. Она имеет место всякий раз, когда изданный акт или принятое решение противоречат закону либо иному нормативному акту, обладающему большей юридической силой. Подобное противоправное деяние может оказаться вредным для различных общественных отношений (подрыв авторитета социалистического правосудия, нарушение трудовых прав гражданина, опорочение его доброго имени, причинение ущерба его имущественным интересам и т. п.). Вместе с тем любой случай издания незаконного акта или решения есть посягательство на такую специфическую сторону социалистического правопорядка, как установленная государством система подчинения актов и решений государственных органов и общественных организаций в конечном счете закону.

Последствием рассматриваемых противоправных действий является либо отмена, как правило, вышестоящим органом незаконного акта или решения и прекращение вызванных ими отношений, либо изменение вышестоящим органом акта в той части, которая противоречит закону, либо дача вышестоящим органом нижестоящему органу, издавшему незаконный акт, указания об обязательной отмене или изменении такого акта<sup>1</sup>. Этим обычно

<sup>1</sup> См. О. Э. Лейст, указ. работа, стр. 129—130.

и ограничивается юридическое воздействие на субъекта противоправного деяния, поскольку издание незаконных актов органами государства, общественными организациями и их органами в основном представляет собой не правонарушение, а объективно неправомерное деяние, так как является результатом всякого рода фактических и юридических ошибок, а не умысла или неосторожности. Но в тех случаях, когда издание незаконного акта или решения составляет правонарушение, их отмена вовсе не исключает (и не должна исключать) персональную дисциплинарную или иную юридическую ответственность виновных лиц, а также применение к ним мер общественного воздействия.

Сама по себе отмена незаконных актов и решений не означает непосредственного воздействия на личность правонарушителя. Такое воздействие возможно лишь как косвенный результат отмены акта. Ее основная цель — правоохрана путем ликвидации нарушения законности и его последствий, восстановление прежнего состояния. Отмена незаконного акта или решения есть подтверждение незыблемости установленного правопорядка, напоминание о том, что любые нарушения его недопустимы и будут решительно пресекаться. Именно в этом смысле можно говорить о достижении с помощью отмены незаконного акта или решения целей частного и общего предупреждения правонарушений. Повышение эффективности частной и общей превенции издания незаконных актов и решений в немалой степени зависит от того, как сочетается отмена таких актов с персональной ответственностью (юридической и общественной) виновных в этом лиц. Но, конечно, главное значение имеет организационно-воспитательная работа государственных органов и общественных организаций, повышение чувства ответственности работников этих органов за порученное дело, повышение уровня их квалификации.

9. Отдельные виды юридической ответственности находятся в тесном взаимодействии. С одной стороны, оно обусловлено интересами достижения целей ответственности по советскому законодательству — защиты правопорядка и воспитания членов общества, с другой — развитием закономерного процесса перерастания права и правового регулирования, которые характерны для условий социализма, в социальные нормы и общественное

(неправовое) регулирование социальных отношений коммунистического общества. Это взаимодействие осуществляется в двух основных направлениях: путем замены одних видов юридической ответственности другими и в виде кумуляции разных видов ответственности.

Замена законодателем одних видов правовой ответственности другими вызывается изменением условий развития общества и соответственно изменением степени общественной вредности различных посягательств на общественные отношения, что либо позволяет успешно вести борьбу с общественно вредными деяниями путем менее суровых мер, либо заставляет прибегать к более жестким средствам их преодоления. В ряде случаев законодатель предусматривает возможность альтернативного возложения того или иного вида юридической ответственности в зависимости от тяжести последствий правонарушения и т. п. При одном и том же содержании противоправное деяние может иметь разные последствия. Так, нарушение установленного порядка рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан, волокита и бюрократическое отношение к предложениям, заявлениям и жалобам влекут в отношении виновных должностных лиц дисциплинарную ответственность в соответствии с действующим законодательством. Те же нарушения, но причинившие существенный вред государственным или общественным интересам или правам и охраняемым законом интересам граждан, влекут уголовную ответственность соответствующих должностных лиц<sup>1</sup>. Иногда уголовная ответственность как наиболее суровый вид юридической ответственности наступает только при условии предварительного возложения административной ответственности, когда последняя не дала ожидаемого результата. Например, нарушение правил административного надзора влечет административную ответственность, а злостное нарушение их, если оно совершено лицом, которое дважды в течение года подвергалось административному воздействию за такие же нарушения, влечет уголовную ответственность<sup>2</sup>.

Следовательно, замена одного вида правовой ответственности другим может происходить по линии и ослаб-

<sup>1</sup> См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1968 г. № 17, ст. 144.

<sup>2</sup> См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1966 г. № 30, ст. 597.

ления и усиления ответственности. Но общей тенденцией в развитии такого взаимодействия, как свидетельствует опыт Советского государства, является постепенное сужение сферы действия наиболее жестких, репрессивных мер правовой ответственности и замена их более мягкими мерами<sup>1</sup>. В этом смысле повышение ответственности за правонарушения следует понимать не столько как усиление тяжести лишений, ограничений, претерпеваемых правонарушителем, сколько как усиление неотвратимости ответственности за каждое противоправное деяние.

Другой стороной взаимодействия является кумуляция различных видов юридической ответственности, которая имеет место в тех случаях, когда одним противоправным деянием нарушены два или несколько общественных отношений, регулируемых нормами различных отраслей права. Для их защиты и преодоления вызванных правонарушением последствий используются разные виды юридической ответственности.

Однако, как правило, кумулируются карательные (штрафные) и восстановительно-компенсационные меры ответственности, а взаимозаменяют друг друга карательные (штрафные) виды ответственности.

---

<sup>1</sup> Трудно согласиться с возражениями Д. Н. Бахраха против мнения о том, что замена уголовной ответственности административной есть закономерный процесс. В обоснование своей позиции автор ссылается на то, что замена уголовной ответственности административной за самовольную без надобности остановку поезда стоп-краном, за самогоноварение не оправдала себя, в связи с чем эти деяния вновь были признаны законом преступлениями («Административная ответственность», стр. 8). Думается, что автор смешивает здесь общую тенденцию с частным случаем, который эту тенденцию не подтверждает. Развитие тенденции идет не прямолинейно, а противоречиво; оно встречается с препятствиями, может сопровождаться отклонениями и т. д. Поэтому возможны известные примеры, свидетельствующие о нарушении рассматриваемой тенденции. Не состоялся, по нашему мнению, и другой довод Д. Н. Бахраха. Он пишет, что судебное разбирательство больше способствует выяснению истины, имеет большее воспитательное значение, чем административное производство. Во-первых, нет препятствий к дальнейшему совершенствованию административного производства с тем, чтобы усилить его воспитательное воздействие и гарантии прав личности, а во-вторых, основываясь на этом доводе, можно вообще поставить под сомнение целесообразность замены уголовной ответственности иными видами правовой и даже неправовой ответственности.



## ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПЕРИОД КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

1. В процессе правоохраны различные виды юридической ответственности взаимодействуют с другими видами социальной ответственности. Усиление роли моральной и общественной ответственности в деле охраны законности и правопорядка является отличительной чертой социалистического права вообще, общенародного права в особенности. Именно это характерно для нынешнего этапа развития советского общества.

Взаимодействие в условиях социализма правовой и моральной ответственности имеет объективное основание — отсутствие в советском обществе классового антагонизма. Вследствие этого исключается сама возможность различной классовой оценки противоправных деяний с нравственной и юридической точек зрения. Эта оценка не может не быть осуждающей, порицающей. Следовательно, моральное осуждение правонарушителя, основанное на отрицательном общественном мнении, и заключенное в юридической ответственности государственное осуждение имеют единую классовую природу.

Важным условием взаимодействия юридической и моральной ответственности является совпадение их целей. Путем возложения правовой ответственности решаются цели защиты социалистического правопорядка и воспитательного воздействия на правонарушителей и других членов общества. Круг задач, выполняемых при помощи моральной ответственности, шире. Но в него составной частью входят и указанные выше цели. Таким

образом, единая направленность обоих видов социальной ответственности также является фактором, определяющим их взаимодействие.

Отмеченные обстоятельства образуют наиболее общую предпосылку взаимодействия правовой и моральной ответственности. Непосредственная же причина такого взаимодействия заключается в том, что, во-первых, многие правовые и моральные нормы содержат одинаковые правила поведения (например, запрещение определенных действий), во-вторых, защита правовых норм наряду с другими средствами обеспечивается и при помощи моральных требований соблюдать эти нормы, а следовательно, в-третьих, деяния, нарушающие юридические нормы, являются не только противоправными, но и аморальными, т. е. противоречат нормам нравственности.

Органическая взаимосвязь юридической и моральной ответственности в охране норм права и регулируемых ими общественных отношений от всяких посягательств существует как до момента правонарушения, так и после него. Однако формы взаимодействия между обоими видами на разных этапах неодинаковы.

Прежде всего моральная ответственность или возможность ее наступления играет превентивную роль. Угроза морального осуждения за нарушение юридических норм и связанные с ним неблагоприятные для нарушителя последствия способствуют предупреждению правонарушений, а тем самым исключают самую возможность использования юридической ответственности. Иными словами, в данном случае сознание неизбежности порицания противоправного деяния со стороны окружающих, общественного мнения, а также нежелание или боязнь подвергнуться осуждению содействуют созданию мотива в пользу правомерного поведения.

Далее, хорошо известно, что совершению некоторых противоправных деяний (уголовных преступлений, административных проступков) часто предшествует нарушение норм социалистической нравственности. Действие аморальное, но не противоправное влечет за собой нравственную ответственность субъекта. В системе других мер эта ответственность может сыграть полезную роль в оказании на нарушителя моральных норм воспитательного воздействия. Таким путем осуществляется задача

специального и общего предупреждения нарушений нравственных и других социальных. (в том числе правовых) норм.

В приведенных случаях моральная ответственность либо угроза ее наступления содействует охране правовых норм до их нарушения, а следовательно, предшествует юридической ответственности. При этом само собой разумеется, степень эффективности морального воздействия зависит от уровня сознательности членов общества.

Иную форму взаимодействие юридической и моральной ответственности принимает после совершения противоправного деяния. Нарушение норм права является законным основанием возложения правовой ответственности. Одновременно с ней для правонарушителя наступает и моральная ответственность. Объясняется это тем, что в условиях социалистического общества всякое правонарушение является аморальным, безнравственным, поскольку противоправное деяние нарушает и единые для всего нашего общества нормы социалистической нравственности, несовместимо с общим моральным требованием соблюдать создаваемые социалистическим государством правовые нормы. В силу отмеченных причин юридическая ответственность в советском обществе имеет глубокое моральное обоснование, опирается на поддержку общественного мнения, что повышает ее роль как гарантии социалистической законности и средства воспитательного воздействия.

2. Повышение роли, удельного веса и эффективности общественной ответственности как гарантии социалистической законности — объективно обусловленный процесс, и причины его, на наш взгляд, заключаются в следующем.

Во-первых, как уже отмечалось, борьба с правонарушениями является общенародным делом. Используя главным образом и в первую очередь метод убеждения, товарищеского внушения, воспитания, коллективы трудящихся, общественные организации и их органы имеют на вооружении и меры общественного принуждения. Таким образом, следствием возрастания роли общественной ответственности в обеспечении норм социалистического права является повышение значения ответственности перед общественными организациями.

Во-вторых, с победой социализма в сознании советс-

ких людей произошел глубочайший переворот, и современный этап жизни советского общества характеризуется повышением общего уровня сознания его членов. Вследствие этого появилась возможность в ряде случаев возлагать за правонарушение вместо мер юридического характера общественную ответственность в расчете на осознание виновным пагубности совершенного им деяния, искреннее раскаяние и решимость впредь всегда поступать в соответствии с требованиями правовых норм. Немаловажное условие обращения в подобных случаях к ответственности перед общественными организациями составляет обоснованная уверенность в правильной оценке членами общества степени общественной вредности деяния и лица, его совершившего, что также предполагает достаточно высокую зрелость, сознательность общества в целом. Кроме того, возросший уровень сознательности позволяет иногда с учетом конкретных условий пойти по пути некоторого сокращения перечня противоправных деяний, а также по пути усиления борьбы с общественно вредными поступками без применения мер государственного принуждения.

В-третьих, причина, повышающая удельный вес общественной ответственности, заключается в расширении санкционированной государством нормотворческой деятельности общественных организаций. Предоставление конкретной общественной организации права юридического нормотворчества означает одновременно требование активного участия ее в охране изданных правовых норм.

Наряду с этим было бы глубоко ошибочным недооценивать роль и место юридической ответственности в системе методов обеспечения норм социалистического права. Она является специфическим и неотъемлемым методом охраны правовых норм. Исчезновение надобности в правовой ответственности послужит ярким выражением завершения процесса отмирания права. Сейчас же задача состоит в том, чтобы не ослаблять роль юридической ответственности.

Таким образом, охрана норм советского права посредством общественной и правовой ответственности объективно обусловлена. Однако констатация этого обстоятельства создает представление лишь об их сосуществовании, но не отражает глубокой связи обоих видов

ответственности, конкретным выражением которой является их взаимодействие.

Закономерность процесса и характер взаимодействия юридической и общественной ответственности в обеспечении правовых норм органически вытекают из современных условий развития советского общества. Достигнутый уровень сознания трудящихся, использование социалистическим государством убеждения в качестве главного метода руководства обществом, а также возросшая сила воспитательного воздействия, осуществляемого коллективами трудящихся, общественными организациями, не исключая в целом необходимости в правовой ответственности, позволяют при совершении ряда противоправных деяний ограничиться на первый раз общественной ответственностью правонарушителя.

Решение вопроса о возложении юридической либо общественной ответственности входит в компетенцию государственного органа, а в предусмотренных законодательством случаях отнесено к ведению общественной организации. Такое решение зависит от сложной совокупности объективных и субъективных факторов, определяющих возможность обеспечения правопорядка и оказания воспитательного воздействия на данного правонарушителя и на других членов общества. Иными словами, выбор того или иного способа борьбы с правонарушениями зависит от степени его эффективности в достижении названных целей в каждом конкретном случае.

Характерно, что, намечая меры по усилению борьбы с преступностью, ЦК КПСС и Совет Министров СССР в июльских решениях (1966 г.) одновременно потребовали от прокуратуры, суда и других органов государства разумно сочетать предусмотренные законом меры наказания относительно опасных преступников с мерами общественного воздействия и воспитания лиц, впервые допустивших малозначительные правонарушения и способных исправиться без изоляции от общества<sup>1</sup>.

Далее, при отсутствии в СССР классовых антагонизмов правонарушения не только причиняют вред юридически опосредствованным отношениям и противоречат правовым предписаниям, но и посягают на другие отношения и регулирующие их неюридические социальные

<sup>1</sup> См. «Правда» 28 июля 1966 г.

нормы — единые для нашего общества нормы коммунистической нравственности, нормы общественных организаций. Необходимость одновременной защиты различных видов социальных норм, нарушенных противоправным деянием, также создает объективную основу для взаимодействия правовой и общественной ответственности.

Наконец, специфика ряда социальных отношений, возросший авторитет и возможности общественных организаций и коллективов трудящихся, эффективность их участия в регулировании соответствующих отношений позволяют в некоторых случаях отказаться от использования юридической ответственности как метода обеспечения данных общественных отношений и правовых норм, их регламентирующих. Вместе с тем опять-таки характер общественных отношений, а также степень общественной вредности правонарушения и его субъекта не дают возможности полностью отказаться от юридического опосредствования указанных отношений, в том числе от охраны их мерами, содержащими элементы государственно-принудительного характера. Эти меры не могут до конца осуществляться общественными организациями, коллективами трудящихся, потому что их принудительная реализация с использованием специального аппарата принуждения не свойственна негосударственной организации. Попытка же наделить общественные организации подобной функцией могла бы привести лишь к огосударствлению соответствующих организаций.

Все сказанное свидетельствует о том, что взаимодействие юридической ответственности и ответственности, возлагаемой общественной организацией, в охране правовых норм неизбежно. Оно является показателем и результатом принципиального единства действующих при социализме норм поведения, совместного участия государства и общественности в борьбе с правонарушениями. Конкретные проявления этого взаимодействия весьма многообразны. Они выступают как в виде определенных внешних взаимосвязей, так и в виде внутреннего взаимопроникновения элементов юридической и общественной ответственности.

Внешняя взаимосвязь обоих видов ответственности принимает различные формы. Как уже отмечалось, ответственность, возлагаемая общественными организациями, может предшествовать наступлению правовой ответ-

ственности. При этом в одних случаях привлечение к общественной ответственности не имеет юридических последствий, в других — возложение ее рассматривается законодателем как предварительное условие наступления правовой ответственности при последующих правонарушениях.

Конечно, о том, что общественная ответственность, наступающая вследствие нарушения неправовых социальных норм, не имеет юридических последствий, можно говорить лишь условно. В случае совершения, например, преступления суд вправе учесть и предыдущую ответственность лица за нарушение, которое характеризует его не с положительной стороны. Однако в данном случае наступление или ненаступление юридической ответственности не ставится в зависимость от предварительного возложения общественной ответственности.

В отличие от этого привлечение к правовой ответственности только после наступления ответственности, возлагаемой общественной организацией, имеет некоторые особенности. В данном случае общественная ответственность предусматривается законодателем в качестве непременного условия последующего возложения юридической ответственности. Она назначается за правонарушение, которое по степени своей общественной вредности не требует немедленного привлечения виновного к правовой ответственности и позволяет ограничиться применением к нему мер общественного воздействия. Общественная ответственность является как бы пробным средством воспитательного влияния на правонарушителя.

Типичным примером рассматриваемой формы взаимодействия может служить норма трудового права об увольнении работника за систематическое нарушение трудовой дисциплины. Согласно п. 3 ст. 17 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде трудовой договор может быть расторгнут, в частности, в случае «систематического неисполнения рабочим или служащим без уважительных причин обязанностей, возложенных на него трудовым договором или правилами внутреннего трудового распорядка, если к рабочему или служащему ранее применялись меры дисциплинарного или общественного взыскания».

Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 8 апреля 1967 г. «О принудительном лечении и трудовом

перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)» установил, что злостные пьяницы (алкоголики), систематически злоупотребляющие спиртными напитками, уклоняющиеся от добровольного лечения или продолжающие пьянствовать после лечения, нарушающие трудовую дисциплину, общественный порядок и правила социалистического общежития, несмотря на принятые к ним меры общественного или административного воздействия, подлежат направлению в лечебно-трудовые профилактории для принудительного лечения и трудового перевоспитания на срок от одного года до двух лет<sup>1</sup>.

Согласно ч. 1 ст. 333 ГК РСФСР в случае, если наниматель или члены его семьи систематически разрушают или портят жилое помещение либо систематическим нарушением правил социалистического общежития делают невозможным для других проживание с ними в одной квартире или в одном доме, а меры предупреждения и общественного воздействия оказались безрезультатными, выселение виновных по требованию наймодателя или других заинтересованных лиц производится без предоставления другого жилого помещения. Но необходимым предварительным условием применения этой санкции является безрезультатность мер предупреждения и общественного воздействия.

То, что в качестве предварительного условия привлечения к юридической ответственности иногда предусматривается факт возложения на виновного в правонарушении общественной ответственности, свидетельствует о нежелании советского законодателя без надобности прибегать к крайнему средству — к государственно-принудительным мерам, о его стремлении воздействовать на сознание правонарушителя через коллектив, организацию.

---

<sup>1</sup> См. «Ведомости Верховного Совета РСФСР» 1967 г. № 15, ст. 333; см. также Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 апреля 1960 г. «Об ответственности за незаконное изготовление и использование радиопередающих устройств», «Ведомости Верховного Совета РСФСР» 1960 г. № 13, ст. 177; п. 9 Положения о государственном санитарном надзоре в СССР, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 29 октября 1963 г., СП СССР 1963 г. № 20, ст. 199; п. 12 Положения о поощрениях и дисциплинарной ответственности прокуроров и следователей органов Прокуратуры СССР, «Ведомости Верховного Совета СССР» 1964 г. № 10, ст. 123. и др.



Данная форма взаимодействия отражает осуществляемый Коммунистической партией и Советским государством курс на все более широкое привлечение общественности к борьбе с правонарушениями. Ставя возможность возложения правовой ответственности в зависимость от наступления общественной ответственности за подобное же предшествующее правонарушение, законодатель тем самым призывает соответствующие общественные организации, коллективы трудящихся реагировать на правонарушения, совершенные их членами, и привлекать виновных к общественной ответственности. В этом проявляется, в частности, организующая роль государства в лице законодательных органов по объединению усилий государства и общества в обеспечении социалистического правопорядка.

По мере дальнейшего продвижения к коммунизму развитие рассматриваемой формы взаимодействия пойдет, по-видимому, по двум направлениям. Во-первых, увеличится число случаев, когда лицо будет привлекаться к юридической ответственности лишь при повторном или систематическом нарушении правопорядка. Во-вторых, если в настоящее время только в ряде случаев возложению юридической ответственности за повторное (систематическое) правонарушение должно предшествовать применение мер общественного воздействия либо более мягких мер юридической ответственности, то в будущем, вероятно, в этих и подобных им случаях предварительное наступление общественной ответственности станет обязательным требованием. Такая тенденция находится в полном соответствии с перспективой сужения сферы применения государственного принуждения и расширения общественных начал в регулировании отношений в советском обществе.

Выражением взаимодействия юридической и общественной ответственности является также одновременное возложение их за одно правонарушение. Ярким примером такой формы служит норма, закрепленная в ст. 12 Устава КПСС. В соответствии с ней за совершенное преступление член КПСС несет не только юридическую ответственность, но и ответственность перед соответствующей партийной организацией.

Можно сослаться и на другой пример. Так, за нарушение трудовой дисциплины администрация предприя-

тия; учреждения вправе наложить на виновного работника дисциплинарное взыскание. Однако последнее вовсе «не исключает возможности рассмотрения того же проступка в товарищеском суде по инициативе общественной организации или самого товарищеского суда» (ст. 7 Положения о товарищеских судах, действующего на территории РСФСР). Аналогичным образом возложение административной комиссией взыскания за нарушение общественного порядка не препятствует обсуждению этого проступка в товарищеском суде.

Одновременное привлечение к двум или нескольким видам социальной ответственности отвечает задачам ее индивидуализации. Это особенно важно подчеркнуть применительно к области имущественно-правовых отношений. В ряде случаев, когда непосредственным субъектом гражданско-правовой ответственности является организация, имущественный ущерб контрагенту возмещается за ее счет. Виновные же в совершении противоправного деяния должностные лица часто не несут никакой ответственности, либо она выражается в возмещении ими причиненного вреда в ограниченном размере. В подобных случаях в целях индивидуализации ответственности конкретных виновников и осуществления задач, которые решаются путем ее возложения, представляется целесообразным дополнить правовую ответственность другими, неюридическими видами ответственности.

Привлечение к юридической и общественной ответственности за единое противоправное деяние характеризуется тем, что оба вида, хотя и являются последствиями одного акта, наступают примерно в одно время и выражаются в причинении правонарушителю лишений личного или материального порядка, тем не менее действуют независимо один от другого, параллельно. В отличие от этого для такой формы взаимодействия, как альтернативное возложение за правонарушение либо юридической, либо общественной ответственности, характерна более тесная взаимозависимость между ними.

Содержание этой формы взаимодействия сводится к следующему. Законодатель устанавливает за совершение определенной разновидности правонарушений или юридическую, или общественную ответственность, оставляя на усмотрение компетентного государственного органа вопрос, к какой из них привлечь конкретного правонару-

шителя. В таких случаях наступление общественной ответственности за определенное правонарушение полностью исключает правовую ответственность за него.

В этом смысле законодательное закрепление ответственности, возлагаемой общественной организацией, в качестве средства обеспечения правовых норм имеет юридическое значение.

В качестве примера можно сослаться на ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство». В ней говорится, что начальник органа милиции или народный судья с учетом личности нарушителя и характера совершенного им проступка могут в место привлечения его к административной ответственности направить материал в общественную организацию, коллектив трудящихся или товарищеский суд для применения к нарушителю мер общественного воздействия. При этом администрация и общественные организации обязаны в десятидневный срок сообщить начальнику органа милиции или народному суду о мерах, принятых к нарушителю<sup>1</sup>.

Согласно Ветеринарному уставу Союза ССР, утвержденному постановлением Совета Министров СССР от 22 декабря 1967 г., должностные лица, осуществляющие государственный ветеринарный надзор, которым предоставлено право наложения штрафов в административном порядке, вправе вместо наложения штрафа сделать нарушителю предупреждение либо передать в отношении его материалы в товарищеский суд или общественные организации по месту его работы или жительства для применения мер общественного воздействия<sup>2</sup>.

Вместе с тем следует подчеркнуть и своеобразие альтернативной формы взаимодействия. Оно заключается в том, что наступление юридической ответственности не исключает ответственность общественную, которая действует автономно, поскольку привлечение к ней относится целиком к компетенции общественных организаций, коллективов трудящихся.

Возложение общественной ответственности вместо юридической допустимо только при наличии двух основ-

<sup>1</sup> См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1966 г. № 30, ст. 595.

<sup>2</sup> СП СССР 1968 г. № 1, ст. 2.

ных условий. Во-первых, возможность такой замены должна быть обязательно предусмотрена в законодательстве. Это требование объясняется необходимостью, с одной стороны, создать юридическую основу для обоснованного перехода от правовой ответственности к общественной, с другой — предотвратить попытки произвольной замены правовой ответственности и тем самым обеспечить единообразие практики в данном вопросе.

Закрепление в нормативных актах возможности альтернативного возложения юридической либо общественной ответственности за данную группу правонарушений означает, что законодатель считает иногда достаточным и целесообразным ограничиться общественной ответственностью правонарушителя. Законодательная регламентация показывает, в каких именно случаях допускается такое ограничение ответственности. Сказанное свидетельствует также о стремлении законодателя обеспечить определенное единство в методах борьбы с правонарушениями, имеющими приблизительно одинаковую общественную вредность.

Во-вторых, замена юридической ответственности общественной в указанных законом случаях возможна лишь в том случае, если степень общественной вредности правонарушения и лица, его совершившего, дает основание полагать, что в данном случае привлечение к общественной ответственности окажется достаточной мерой для защиты социалистического правопорядка и воспитательного воздействия на правонарушителя. Замена юридической ответственности не должна восприниматься правонарушителем и другими членами общества как освобождение от ответственности, как нарушение принципа ее неотвратимости. В связи с этим от государственных органов и должностных лиц, решающих вопрос об альтернативной ответственности, требуется сугубо индивидуальный подход к каждому случаю. Они должны учитывать всю совокупность объективных и субъективных черт правонарушения и правонарушителя и только на основе оценки всех факторов могут прийти к выводу о достаточности и целесообразности воздействия общественной ответственности.

Такого подхода требует советское законодательство. Например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хули-

ганство» возможность замены административной ответственности мерами общественного воздействия ставит в зависимость от личности нарушителя и характера совершенного им проступка. В преамбуле Указа Президиума Верховного Совета СССР «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» прямо говорится, что штраф должен применяться в случаях, «если меры общественного или дисциплинарного воздействия будут признаны недостаточными»<sup>1</sup>.

Как вытекает из смысла советского законодательства (см., например, ст. 51, примечание к ст. 227 УК РСФСР), общественная ответственность возлагается за деяния, представляющие незначительную общественную вредность. Степень последней зависит от множества объективных факторов. Эта объективная обусловленность ставит перед законодателем известные пределы и ограничивает число случаев использования альтернативной формы взаимодействия двух видов ответственности. Однако сами обуславливающие факторы не остаются неизменными, вследствие чего степень общественной вредности правонарушения является величиной переменной. В связи с этим перед законодателем стоит задача, чутко улавливая изменение степени общественной вредности правонарушений, время от времени пересматривать вопрос о возможности использования для борьбы с правонарушениями альтернативной формы взаимодействия юридической и общественной ответственности.

В тех случаях, когда степень общественной вредности правонарушений такова, что для успешной борьбы с ними применение государственно-принудительных мер не вызывается необходимостью, всегда в качестве альтернативы должна предусматриваться общественная ответственность. Наоборот, повышение в связи с конкретными обстоятельствами степени общественной вредности определенной разновидности правонарушений, за совершение которых ранее предусматривалось наступление либо пра-

---

<sup>1</sup> «Ведомости Верховного Совета СССР» 1961 г. № 35, ст. 368. Аналогичное положение вводит Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 мая 1964 г. «О дополнении Указа Президиума Верховного Совета РСФСР» от 12 сентября 1957 г. «Об ответственности за мелкую спекуляцию», «Ведомости Верховного Совета РСФСР» 1964 г. № 21, ст. 332.

вой, либо общественной ответственности, требует решить вопрос, не следует ли пока отказаться в данном случае от альтернативной формы взаимодействия указанных видов ответственности.

До сих пор речь шла о внешней взаимосвязи двух видов ответственности. Более глубокой формой их взаимодействия является внутреннее взаимопроникновение элементов правовой и общественной ответственности. Для рассмотрения этой формы взаимодействия представляется необходимым хотя бы вкратце остановиться на вопросе о правовой природе мер общественного воздействия, применяемых за *правонарушения*. В юридической науке он является спорным и до сих пор нерешенным.

Меры общественного воздействия чрезвычайно многообразны (взыскания, налагаемые на провинившихся, повседневная воспитательная работа, беседы, контроль за поведением члена коллектива, привлечение его к общественной деятельности, меры пресечения, применяемые добровольными народными дружинами, и т. д.), и дать их точный и исчерпывающий перечень по существу невозможно. В данном случае речь идет о мерах общественно-го воздействия в смысле *взысканий, налагаемых органами общественности за правонарушения*.

Рассматриваемые меры воздействия можно разделить на три относительно самостоятельные группы. К первой группе относятся меры воздействия, которые не предусмотрены правовыми нормами. Они не имеют правовых последствий, никак не связаны (не взаимодействуют) с юридической ответственностью, их выбор и применение полностью зависят от усмотрения органов общественности. Вторую группу составляют меры, имеющие юридическое значение. Они вызывают определенные правовые последствия: их применение является предварительным условием возложения правовой ответственности, выбор таких мер в качестве альтернативы юридическим санкциям исключает тем самым возложение правовой ответственности. Здесь сами меры по своей природе носят общественный характер, их осуществление не требует использования соответствующего аппарата принуждения, но они предусмотрены правовыми нормами и применение их связывается с определенными юридическими последствиями. Третья группа — меры воздействия, имеющие юридический характер. Хотя они применяются органами

общественности (например, товарищескими судами) и выражают осуждение правонарушителя и его деяния от лица общественности, эти меры имеют тем не менее юридический характер, поскольку их осуществление может в конечном счете опираться на государственный аппарат.

Советское законодательство дает целый ряд примеров использования общественностью подобных мер воздействия. Согласно Положению о техническом инспекторе профсоюзов, утвержденному постановлением Президиума ВЦСПС от 26 августа 1966 г., технический инспектор имеет право, в частности, привлекать к ответственности лиц администрации, виновных в нарушении трудового законодательства, правил и норм техники безопасности и производственной санитарии, в невыполнении сроков оздоровительных мероприятий, предусмотренных коллективным договором, и предписаний технического инспектора путем наложения штрафа.

В соответствии со ст. 15 действующего в РСФСР Положения о товарищеских судах ответственность, возлагаемая товарищеским судом, может выразиться в применении как чисто общественных мер взыскания (например, возложение обязанности принести публичное извинение потерпевшему или коллективу, объявление общественного порицания, общественного выговора с опубликованием или без опубликования в печати), так и мер, реализация которых не исключает возможности использования элементов государственного принуждения (например, наложение денежного штрафа в размере до 10 руб., возложение на виновного обязанности возместить причиненный неправомерными действиями ущерб на сумму не свыше 50 руб.).

Правилами возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой (п. 45), фабричные, заводские, местные комитеты профсоюзов наделены правом выносить постановление о возмещении причиненного ущерба. В случае неисполнения администрацией предприятия, учреждения, организации указанного постановления председатель или исполняющий его обязанности член ФЗМК выдает удостоверение на принудительное исполнение его. В этом случае постановление приводится в

исполнение судебным исполнителем народного суда по месту нахождения предприятия, учреждения, организации без рассмотрения судом спора по существу.

Во всех приведенных примерах наступающая вследствие правонарушения ответственность соединяет в себе черты юридической и общественной ответственности. Она возлагается органами общественных организаций, коллективами трудящихся, в ней выражается отрицательная оценка, осуждение правонарушителя и его деяния от имени соответствующего коллектива общественности, с которым нарушитель связан отношениями членства. Вместе с тем в содержании этой ответственности имеются элементы, присущие правовой ответственности. Санкции, в применении которых она выражается, обеспечены в конечном счете силой государственного принуждения. Кроме того, характер применяемых санкций таков (например, денежный штраф), что их трудно отнести к числу мер общественного воздействия в собственном смысле этого слова.

И все же в общей массе мер общественного воздействия удельный вес мер, имеющих юридический характер, относительно невелик.

И это естественно, потому что основное место среди средств общественного воздействия на правонарушителей должны занимать меры, объединяемые нами в первые две группы.

Таким образом, предварительное привлечение правонарушителя к общественной ответственности, параллельное возложение общественной и правовой ответственности, их альтернативное наступление, а также внутреннее взаимопроникновение элементов обоих видов ответственности — все это различные формы взаимодействия юридической и общественной ответственности в области охраны социалистического правопорядка.

Взаимодействие юридической ответственности с иными видами социальной ответственности отражает закономерный процесс постепенного перерастания правового регулирования в условиях социализма в социальное регулирование общественных отношений в коммунистическом обществе и замены правовой ответственности неюридическими видами социальной ответственности.

3. Марксистско-ленинская теория научно доказала историческую неизбежность отмирания права. Такое отми-



рание отнюдь не означает, что перестанет существовать нормативная форма опосредствования общественных отношений.

Нормативное регулирование в коммунистическом обществе будет необходимо потому, что этого требует характер некоторых видов общественных отношений (например, отношений, связанных с организацией производства).

Кроме того, не следует исключать возможность появления новых видов общественных отношений. В целях их упорядочения может потребоваться, хотя бы на первое время, нормативная форма регламентации. Вместе с тем значительный круг общественных отношений, ныне юридически регулируемых, вероятно, в будущем выйдет из сферы нормативного опосредствования, ибо они станут настолько обычными, что исчезнет практическая необходимость в том, чтобы доводить до сведения членов общества наиболее желательные варианты поведения и направлять их поступки по пути, отвечающему общественным интересам, при помощи норм.

По-иному будет выглядеть и общеобязательность норм общежития. «...Люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждений, без подчинения, без *особого аппарата* для принуждения, который называется государством»<sup>1</sup>. Эти нормы станут восприниматься всеми не как обязательные, а как необходимые ввиду глубокого осознания того факта, что без существования и соблюдения указанных норм нельзя обеспечить нормальное развитие общества.

Поэтому они будут выполняться по привычке. Черты подобного отношения к социальным нормам, в том числе правовым, можно наблюдать уже в социалистическом обществе.

Однако не следует представлять себе дело таким образом, что нормативное регулирование общественных отношений при коммунизме будет всегда беспрепятственным, что, в частности, нарушение действующих социальных норм будет полностью исключено, а в принуждении

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 89.

вообще отпадет необходимость<sup>1</sup>. Нарушения социальных норм в коммунистическом обществе возможны, но их природа и реакция на них со стороны общества будут иными, нежели сейчас.

Во-первых, случаи нарушения социальных норм коммунистического общества станут редчайшими. Во-вторых, среди поступков, противоречащих нормам, гораздо больший удельный вес займут неумышленные нарушения. В-третьих, реакция общества на эти нарушения будет мгновенной с характерной для него нетерпимостью даже к редчайшим фактам отступления от правил коммунистического общежития. В-четвертых, в большинстве случаев окажется возможным ограничиться констатацией того, что нарушитель полностью осознает пагубность совершенного деяния, искренне раскается в нем и есть все основания полагать, что в будущем его поведение даже в виде исключения не будет противоречить нормам коммунистического общества. В-пятых, случаи применения принуждения станут чрезвычайно редкими, поскольку привлечение к социальной ответственности явится крайним средством воздействия на членов общества, нарушающих установленные нормы<sup>2</sup>.

Неюридическим видам социальной ответственности в коммунистическом обществе будут, несомненно, присущи некоторые черты, свойственные моральной и общест-

---

<sup>1</sup> А. И. Лукьянов и Б. М. Лазарев считают, что в коммунистическом обществе единственным методом управления общественными делами будет убеждение («Советское государство и общественные организации», М., 1961, стр. 297). На наш взгляд, это мнение ошибочно, так же как ошибочно утверждение А. И. Лепешкина о том, что общественным организациям свойствен лишь метод убеждения («Общепародное государство и его основные черты», «Советское государство и право» 1962 г. № 9, стр. 11). Само наличие общественных отношений, прав и обязанностей их участников, нормативное опосредствование этих отношений объективно обуславливают и социальную ответственность членов общества в ретроспективном аспекте, которая всегда связана с принуждением. «Принудительная власть,— писал В. И. Ленин,— есть во всяком человеческом общежитии» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 439).

<sup>2</sup> На наш взгляд, неправильно утверждение Б. Т. Базылева о том, что в будущем коммунистическом обществе, «очевидно, наиболее эффективным средством предупреждения, пресечения нарушений социальных норм и наказания виновных лиц явится принуждение». («Правоведение» 1968 г. № 5, стр. 30).

венной ответственности в условиях социализма. Выражаемое ими осуждение лишится государственного характера. Для их осуществления не понадобится специальный аппарат принуждения с его специфическими признаками. Вероятно, большое своеобразие приобретут формы внешнего выражения ответственности, а меры взыскания как одна из таких форм будут коренным образом отличаться от мер государственного принуждения, в применении которых проявляется юридическая ответственность.

Вместе с общими признаками социальная ответственность в коммунистическом обществе, по всей вероятности, приобретет по сравнению с моральной и общественной ответственностью, действующими в настоящее время, и специфические черты, обусловленные природой правил коммунистического общежития, высокой сознательностью членов общества, сущностью и методами общественного самоуправления. В чем конкретно выразятся эти новые черты, судить пока трудно.

Социальная ответственность в коммунистическом обществе, как и сейчас, будет подразделяться на несколько видов. Не вызывает сомнения существование при коммунизме моральной (нравственной) ответственности. С достаточным основанием можно предполагать и наличие ответственности в общественных организациях, так как останутся общественные организации, добровольные общества, творческие союзы и т. д. Эти общества и союзы будут, конечно, иметь какие-то правила, установления, опирающиеся на полное осознание членами организации необходимости таковых для осуществления тех целей, ради которых они объединились в указанные общества и союзы, на авторитет организации, а также на общественную ответственность нарушителя как крайнее, исключительное средство защиты названных правил и установлений. Не исключено появление в коммунистическом обществе и совершенно нового вида социальной ответственности — ответственности, возлагаемой органами общественного самоуправления за нарушение изданных ими норм.

Таким образом, развитие социальных норм на завершающей стадии построения коммунизма пойдет по пути отмирания юридической ответственности и дальнейшего обогащения содержания моральной и общественной ответственности.

Отмирание юридической ответственности — процесс длительный и сложный. Он займет немалый срок. В целом для него характерны следующие основные моменты. Непосредственно к неюридическим видам социальной ответственности в коммунистическом обществе можно перейти только от правовой ответственности, действующей в социалистическом государстве, где ответственность накапливает элементы нравственного порядка и постепенно приобретает общие с моральной и общественной ответственностью черты.

Исчезновение юридической ответственности характеризуется постепенностью. Во-первых, это означает, что в область правовой ответственности постепенно, в течение продолжительного отрезка времени проникают и накапливаются в ней элементы моральной и общественной ответственности. Во-вторых, на путях отмирания правовой ответственности и замены ее неюридическими видами социальной ответственности не стоит никакой организованной силы. Социалистическое общество отказывается от метода юридической ответственности там, где в нем отпадает необходимость. В-третьих, постепенность процесса отмирания правовой ответственности означает его планомерность. Последняя выражается в том, что созревшие для отказа от юридической ответственности предпосылки вовремя сознаются и получают полную реализацию путем либо простого исключения ее, либо замены общественной и моральной ответственностью.

Отмирание юридической ответственности на протяжении длительного развития проявится в многообразных конкретных формах. Эти формы не остаются неизменными, а постепенно видоизменяются, обогащаются новым содержанием. В каких из них завершится отмирание юридической ответственности, сказать пока трудно, и во всяком случае было бы поспешностью делать в этом отношении окончательные выводы. Единственно верный, соответствующий марксистско-ленинскому методу исследования подход к рассмотрению интересующего нас вопроса состоит в выявлении тех черт и форм, которые характеризуют отмирание правовой ответственности в настоящее время.

Существование в современный период юридической ответственности объясняется объективной необходимостью в правовом регулировании общественных отноше-

ний. От того, как быстро отпадет потребность в нем, зависит интенсивность отмирания юридической ответственности. В то же время утрата правовым регулированием своей роли определяется характером общественных отношений, их значением в жизни общества, а также возможностью обеспечить их нормальное развитие без средств правового регулирования.

В период перехода к коммунизму одни виды юридически опосредствованных отношений исчезнут бесследно, в связи с чем отпадет надобность в регулирующих их нормах права и правовой ответственности, которая стоит на страже этих норм. Другие останутся и в коммунистическом обществе, но сбросят правовую оболочку. Они будут регулироваться неюридическими социальными нормами. Юридическая ответственность как метод их обеспечения изживет себя и уступит место иным видам социальной ответственности.

В связи с этим развитие процесса отмирания правовой ответственности происходит и будет продолжаться, на наш взгляд, по двум основным направлениям: по линии безусловного отказа от нее и по пути замены ее моральной и общественной ответственностью.

Главной непосредственной предпосылкой отмирания юридической ответственности по линии безусловного отказа от нее является прекращение существования подвергавшихся правовому регулированию общественных отношений из-за их несоответствия новым условиям общественного развития. В связи с этим теряет смысл юридическая регламентация прав и обязанностей участников данных отношений и становится ненужной предусмотренная законом ответственность за их нарушения.

Известно, что советское уголовное законодательство предусматривает довольно разветвленную систему составов преступлений и уголовноправовую ответственность за их совершение. Конечно, было бы глубокой ошибкой предполагать, что по мере поступательного движения нашего общества преступления как общественно опасные деяния останутся, лишь перестав быть противоправными, а ответственность как следствие их совершения сбросит правовую оболочку и превратится в неюридический вид социальной ответственности. Дело будет обстоять как раз наоборот. Преступления, которые пока еще имеют место в жизни нашего общества, останутся про-

тивноправными до их полного искоренения. Метод же уголовноправовой ответственности используется в качестве одного из главных средств борьбы с преступлениями до тех пор, пока они не будут окончательно преодолены<sup>1</sup>. С достижением этой цели ответственность, наступающая в настоящее время за совершение преступлений, отомрет без какой-либо замены ее иными видами социальной ответственности. То же самое можно сказать о подавляющем большинстве других правонарушений и иных видов юридической ответственности.

Вместе с тем следует оговориться, что юридическая ответственность не обязательно отмирает в тех случаях, когда она выступает в виде уголовноправовой ответственности. В развитии юридической ответственности в современный период весьма заметен и ощутим процесс перехода от более суровых к менее жестким ее видам: замена уголовноправовой ответственности административной, дисциплинарной; переход от административного регулирования к регулированию при помощи норм гражданского, колхозного права.

В соответствии с этой принципиальной линией наше законодательство совершенствуется и в настоящее время, хотя в отдельные периоды по некоторым видам правонарушений в связи с повышением степени их общественной вредности в конкретных условиях возможен и на практике действительно наблюдался обратный процесс — переход от моральной и общественной ответственности к юридической, от менее жестких видов правовой ответственности к более суровым ее видам.

Непосредственной предпосылкой замены юридической ответственности неюридическими видами социальной ответственности является возросший уровень сознания членов общества, высокая зрелость общественных отношений, которые подвергались до сих пор правовому ре-

---

<sup>1</sup> Мы полностью согласны с Н. Ф. Кузнецовой в том, что «уголовная наказуемость тяжких преступлений...останется до полного их искоренения основной формой борьбы с уже совершенными деяниями» («О путях сужения сферы правовой ответственности», «Советское государство и право» 1964 г. № 7, стр. 55). В другой работе автор также справедливо отмечает, что уголовноправовые нормы о тяжких преступлениях не трансформируются в нормы нравственности. Они полностью отпадут, так же как не разовьются в аморальные поступки, а полностью будут ликвидированы сами тяжкие преступления («Уголовное право и мораль», изд-во МГУ, 1967, стр. 78).

гулированию, и появление в новых условиях возможности обеспечить их средствами неправового воздействия.

Отмирание юридической ответственности путем замены ее моральной и общественной ответственностью выступает в различных формах, свидетельствующих о завершении процесса отмирания либо выражающих те или иные этапы в его развитии.

Отпадение надобности в правовом опосредствовании общественных отношений, возможность не менее эффективного регулирования их неюридическими социальными нормами означает, что метод юридической ответственности полностью утратил свое значение, более не нужен и может быть успешно заменен нравственной или общественной ответственностью. Таков самый радикальный путь замены правовой ответственности. Однако к этому советское общество придет лишь в условиях полного коммунизма.

В современный же период развития распространенной формой, выражающей процесс отмирания юридической ответственности, служит повышение роли моральной и общественной ответственности в обеспечении правовых норм и регулируемых ими отношений. Одно из проявлений этой тенденции заключается в том, что происходит по сути дела отказ от использования юридической ответственности за незначительные правонарушения. Например, взаимоотношения между гражданами по оказанию мелких услуг еще сохраняют юридический характер, и невыполнение или неудовлетворительное выполнение обязанностей, охватываемых этими отношениями, формально составляет правонарушение и служит законным основанием привлечения правонарушителя к юридической ответственности. Но практически указанные отношения уже выходят из области правового регулирования, и решающая роль здесь в настоящее время принадлежит регулированию, осуществляемому при помощи нравственных норм и норм общественных организаций<sup>1</sup>.

При регулировании других видов общественных отношений замена юридической ответственности наиболее полно отражается во взаимодействии ее с общественной

<sup>1</sup> См. по этому вопросу С. С. Алексеев, Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма, стр. 215, 157,

и моральной ответственностью. Обязательное предварительное привлечение правонарушителя к общественной ответственности, параллельное наступление моральной, общественной и правовой ответственности, альтернативное возложение по усмотрению государственного органа общественной либо юридической ответственности, а также внутреннее взаимопроникновение элементов нравственной, правовой и общественной ответственности — все это свидетельствует о постепенном сужении сферы использования юридической ответственности, замене ее другими видами социальной ответственности.

Указанное взаимодействие, несомненно, будет расширяться, проникая даже в область почти безраздельного господства правовой ответственности. Конечно, такое распространение общественной и нравственной ответственности неравномерно. Менее всего оно наблюдается пока в сфере гражданскоправового регулирования, так как характер ответственности по гражданскому праву непосредственно связан с уровнем материального обеспечения граждан и организаций.

Поэтому тенденция замены юридической ответственности общественной и нравственной проявляется прежде всего в области применения уголовной, административной; дисциплинарной ответственности.

Таким образом, замена юридической ответственности другими формами социальной ответственности идет в настоящее время. Но было бы явно преждевременным уже сейчас или в ближайшее время ожидать того скачка, который качественно изменит роль юридической ответственности в обеспечении дисциплины и порядка в социалистическом обществе. Пока общество нуждается в праве, ему необходима и юридическая ответственность.



# Оглавление

Предисловие . . . . .	3
Глава первая. Юридическая ответственность - вид социальной ответственности . . . . .	6
Глава вторая. Понятие юридической ответственности . . . .	42
Глава третья. Основание юридической ответственности в советском обществе . . . . .	70
Глава четвертая. Цели юридической ответственности в советском обществе . . . . .	96
Глава пятая. Основные принципы юридической ответственности в советском обществе . . . . .	125
Глава шестая. Общая характеристика видов ответственности по советскому законодательству . . . . .	178
Глава седьмая. Тенденции развития юридической ответственности в период коммунистического строительства . . . . .	216

*Самощенко Иван Сергеевич, Фарушкин Мидхат Хабибович*

«ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО СОВЕТСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ»

Редактор *Л. А. Плеханова*

Обложка художника *Э. П. Стулиной*

Художественный редактор *И. Е. Сайко*

Технический редактор *В. А. Серякова*

Корректор *Л. А. Базарницкая*

Сдано в набор 21/XII 1970 г. Подписано в печать 23/VI 1971 г. Бумага типографская № 3, формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Объем: усл. печ. л. 12,60; учет.-изд. л. 12,9.  
Тираж 15000 экз. А-07551.

Издательство «Юридической литературы», Москва, К-64, ул. Чкалова, 38—40

Заказ № 1158.

Областная типография Ивановского управления по печати,  
г. Иваново, Типографская, 6.

Цена 1 р. 02 к.